
Л.В. Рацибурская
Д.В. Соловьева

КОММУНИКАТИВНЫЕ РИСКИ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИЙНОМ СЛОВОТВОРЧЕСТВЕ

Учебное пособие

Москва
Издательство «ФЛИНТА»
2021

УДК 811.161.1:070(075.8)

ББК 81.411.2+76.0я73

P27

Рецензенты:

проф. кафедры русского языка для иностранных учащихся
Южного федерального университета *С.В. Ильасова*;
проф. кафедры русского языка Московского педагогического
государственного университета *Н.А. Николина*

Рацибурская Л.В.

P27 Коммуникативные риски в современном медийном слово-
творчестве[Электронный ресурс] : учеб. пособие / Л.В.
Рацибурская, Д.В. Соловьева. — М.: ФЛИНТА, 2021. — 168 с.

ISBN 978-5-9765-4439-0

В учебном пособии рассматриваются коммуникативные риски, связанные с новообразованиями узуального и неузуального характера, представленными в современных медийных текстах. Характеризуются такие факторы рискогенности, как словообразовательная структура новообразований, а также прагматические факторы (актуализация семантики новообразований, прецедентные феномены в медийном словотворчестве, стилистические особенности новообразований). Пособие снабжено обширным иллюстративным материалом: новообразованиями из текстов печатных, электронных медиа, теле- и радиоэфира начала XXI века.

Для студентов, обучающихся по направлениям «Филология», «Журналистика», преподавателей вузов, журналистов и всех интересующихся русским языком.

УДК 811.161.1:070(075.8)

ББК 81.411.2+76.0я73

ISBN 978-5-9765-4439-0

© Рацибурская Л.В., Соловьева Д.В., 2021

© Издательство «ФЛИНТА», 2021

Оглавление

Предисловие	5
ГЛАВА 1. Словообразовательные факторы рискогенности современной медийной коммуникации	7
1.1. Актуальные процессы в языке современных СМИ	7
1.2. Коммуникативно-прагматические аспекты нормы	10
1.3. Проблема рискогенности современной медийной коммуникации	15
1.4. Экспрессивность новообразований в аспекте их рискогенности	21
ГЛАВА 2. Структурно-семантическая специфика новообразований как фактора рискогенности медийного текста	29
2.1. Медийные новообразования стандартной словообразовательной структуры	29
2.1.1. Префиксальные новообразования	29
2.1.2. Суффиксальные новообразования	40
2.1.3. Новообразования аффиксоидного типа	50
2.1.4. Новообразования, созданные путем сложения	59
2.2. Медийные новообразования нестандартной словообразовательной структуры	68
2.2.1. Новообразования, созданные с отклонениями от условий словообразовательного типа	69
2.2.2. Новообразования, созданные путем чересступенного словообразования	75
2.2.3. Новообразования, созданные путем заменительной деривации	77
2.2.4. Новообразования как результат контаминированного словообразования	83
2.2.5. Новообразования как результат графического словообразования	95

ГЛАВА 3. Функционально-прагматические условия рискогенности новообразований в медийных текстах	108
3.1. Актуализация семантики новообразований как фактор их рискогенности	108
3.2. Медийные новообразования на базе прецедентных феноменов: риски словотворчества	124
3.3. Стилистическая обусловленность рискогенности медийных новообразований	133
Литература	152

ПРЕДИСЛОВИЕ

Концентрация усилий лингвистического сообщества при изучении медиатекстов объясняется тем, что СМИ обладают огромной силой массового воздействия: они формируют общественное мнение, создают идеологический фон, пропагандируют определенные ценности, способны изменять картину мира адресата. Демократизация языка, обусловленная либерализацией общественных отношений в постсоветской России, ярко проявляется в медийных текстах общественно-политической направленности. Авторы современных медийных текстов активно используют словообразовательные ресурсы языка, конструируя новые лексические единицы, необходимые для реализации конкретной коммуникативно-прагматической цели: «Различно-го рода преобразования системы общественных ценностей, изменения массового сознания, идеологическая переориентация общества находят свое отражение в идеологически заряженных лексемах, представляющих собой конденсируемые, сжатые воплощения, сгустки, узлы мировоззренческих, политических ориентиров, оценок и предпочтений» [Сметанина 2002: 207].

К эффективным средствам массмедийного воздействия относятся новообразования узуального и неузуального характера, которые создаются в медийных текстах и/или тиражируются средствами массовой информации. Медийные новообразования, их структура и семантика могут выступать как фактор коммуникативных рисков, исследование которых стало одной из актуальных научных задач XX—XXI вв.

В предлагаемом учебном пособии рассматриваются актуальные вопросы рискогенности современных медийных текстов на материале новообразований в текстах печатных и электронных СМИ, теле- и радиоэфира последних лет.

Учебное пособие состоит из трех глав. В первой главе «Словообразовательные факторы рискогенности современной медийной коммуникации» рассматривается понятие рискогенности в современной лингвистике в связи с прагматическими аспекта-

ми медийной коммуникации; характеризуются новообразования узувального и неузуального характера как фактор рискогенности. Во второй главе «Структурно-семантическая специфика новообразований как фактора рискогенности медийного текста» характеризуются разные структурно-семантические виды медийных новообразований с точки зрения стандартности их словообразовательной структуры, словообразовательных способов и средств в аспекте рискогенности данных структурно-семантических факторов. В третьей главе «Функционально-прагматические условия рискогенности новообразований в медийных текстах» исследуются такие факторы рискогенности медийных текстов, как актуализация семантики новообразований, прецедентные феномены, а также стилистические факторы.

В конце каждой главы представлены контрольные вопросы и задания. В качестве иллюстраций используется обширный текстовый материал печатных и электронных СМИ, теле- и радиоэфира.

Учебное пособие предназначено для студентов, обучающихся по направлениям: «Филология», «Журналистика», «Реклама», «Связи с общественностью», а также может быть полезно в преподавательской и журналистской практике.

ГЛАВА 1. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ РИСКОВЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МЕДИЙНОЙ КОММУНИКАЦИИ

1.1. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННЫХ СМИ

Как известно, актуальные социально-политические процессы находят непосредственное отражение в языке средств массовой информации.

Анализируя язык современной прессы, ученые подчеркивают его широкий оценочный потенциал, усиливающую роль языковой личности. М.А. Кормилицына пишет о четырех важнейших процессах, происходящих в языке газет, — субъективизация, интертекстуальность, демократизация и интеллектуализация. Субъективизация газетного текста проявляется в усилении роли автора, повышенной оценочности и экспрессивности медиатекстов, их подчеркнутой адресованности; интертекстуальность обусловлена увеличением доли чужого слова, усилением полемичности; демократизация связывается со стремлением приблизиться к читательской аудитории, а интеллектуализация приводит к усложнению содержательной составляющей текстов [Кормилицына 2008: 15].

Ведущими процессами, характерными для медийного дискурса, признаются субъективизация и демократизация. Субъективное значение высказывания связано с намерением адресанта добиться определенного результата, оказать воздействие. По мнению исследователей, воздействующая функция медийного дискурса постепенно вытесняет функцию информационную.

В текстах СМИ информирование всегда подчинено воздействию [Какорина 2008: 502]. Публицистическая картина мира направлена не столько на информирование широких масс, сколько на убеждение и воздействие на них [Ильясова, Амири 2015: 11]. Язык не только выражает и оформляет идеологические, политические термины, положения, лозунги, но и оказывает значительное влияние на процессы социализации личности, конструирования ментальности, манипулирования общественным сознанием [Солганик 2003: 268].

Под речевым воздействием в узком смысле понимается «тип воздействия в сфере координативных отношений <...>, предполагающий регуляцию адресантом деятельности адресата, в определенной мере свободного в выборе своих действий и поступающего в соответствии со своими потребностями (СМИ, агитация)» [Желтухина 2003: 119—120].

С воздействующей направленностью медиадискурса тесно связано понятие экспрессивности (в широком смысле), которая признается его важнейшей чертой: «Экспрессивные единицы выполняют не только номинативную и сигнификативную функции, но и прагматическую: их основное предназначение не просто назвать тот или иной элемент действительности, а сделать это так, чтобы воздействовать на собеседника, причем вторая задача выходит на первый план» [Кругликова 1988: 53].

Экстралингвистической причиной «эскалации экспрессии» (В.Г. Костомаров) является демократизация общества, что приводит к демократизации языка [Ильясова 2002: 64]. В настоящее время происходит активное проникновение в пространство медиадискурса просторечных слов, инвектив, разговорных конструкций, жанров неофициальной речи: «Если раньше, в период консервации языкового развития, контаминация стилистически полярных начал — книжности и разговорности — не выходила за пределы “дозволенного” строгой литературной нормой, то в период демократизации языка нелитературные средства выражения хлынули потоком во все каналы массовой информации, создав своим триумфальным маршем единое функционально-

стилевое пространство живой разговорной стихии» [Шаззо 2012: 339].

Многие исследователи подчеркивают, что процесс демократизации привел к расширению (расшатыванию) нормативных границ языка СМИ: «Ошибочная ориентация СМИ на речь масс (быть ее зеркалом) привела в СМИ журналистов без специальной (филологической) подготовки. В результате в СМИ стали свободно оскорблять, использовать грубую лексику, с мата было снято табу, исчезло в СМИ, а за ним и в массах, соблюдение приличий и понятие непечатной лексики» [Кормилицына, Сиротинина 2015: 6—7]. Наблюдается процесс укрепления позиций разговорной составляющей вербальной коммуникации, происходит «смена нормативной основы литературного языка: нормотворческая значимость письменного языка художественной литературы стала уступать свою функцию устной речи публичных каналов общенациональной коммуникации» [Химик 2006: 49].

По словам Е.А. Земской, «характерной особенностью современного дискурса является функциональный динамизм, а именно перемещение элементов разного рода (слов, фразеологизмов, сочетаний, высказываний и т.д.) из периферийных сфер языка в центр системы» [Земская 2010: 210].

Как отмечают исследователи, «успешное освоение некоторых жаргонных единиц укрепляет в языковом сознании общества мысль, что жаргоны и просторечие (а нередко и обценная лексика) — это законный источник пополнения литературного языка. И наблюдается (особенно в некоторых СМИ) не контролируемое и не сдерживаемое какими-либо факторами «нашествие» жаргонов, просторечия [Солганик 2012: 246].

По мнению О.Б. Сиротининой, на рубеже XX—XXI вв. существовала явная угроза «превращения богатейшего литературного русского языка в страшное по своим последствиям англо-жаргонно-просторечное его извращение» [Сиротинина 2009: 56]. Постепенное очищение текстов СМИ от негативных последствий перестроечного времени происходит в

2005 г. после принятия закона «О государственном языке Российской Федерации». Но полностью избавиться от «ненормативного и сниженно-разговорного» в языке СМИ не удается до сих пор: «Следствием длительной “свободы” речи стало ее огрубление, стилистическое снижение в целом, усиление штампованности, ослабление самоконтроля за речью, сдвиги в ориентирах языковых ценностей (эталонов речи), в соотношении типов речевой культуры» [Сиротинина 2013: 31].

Анализируя узус публичной коммуникации второй половины XX столетия, Г.П. Нещименко отмечает «очевидное снижение (усреднение, массовизацию, огрубление) речевого стандарта, сопровождаемого активным вторжением элементов разговорного языка» [Нещименко 2001: 99]. Однако исследователь предлагает не отвергать новые тенденции в развитии современной языковой ситуации, а выявлять причины их возникновения и предлагать рекомендации в области языкового воспитания и языковой политики.

Такой подход следует признать корректным, учитывая, что восприятие изменений в области нормы действительно неоднозначно со стороны носителей языка: «Динамика нормы — причина культурно-речевых конфликтов в обществе: речевые новации могут приниматься одними носителями языка и вызывать яростное сопротивление у других» [Черняк 2005: 96].

1.2. КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НОРМЫ

В отечественном языкознании норма, рассматриваемая в связи с коммуникативными процессами, подробно изучается в теории культуры речи (см. работы А.Н. Васильевой, Л.К. Граудиной, К.С. Горбачевича, В.А. Ицковича, В.Г. Костомарова, С.И. Ожегова, Ю.С. Степанова, Е.Н. Ширяева и др.). Культура речи — это такой набор и такая организация языковых средств, которые в определенной ситуации общения при соблюдении со-

временных языковых норм и этики общения позволяют обеспечить наибольший эффект в достижении поставленных коммуникативных задач [КРР 2003: 13].

Существенный вклад в исследование коммуникативного компонента речи внес Б.Н. Головин. Исследователь предпринял попытку определить, какая именно речь является оптимальной для решения конкретных задач, т.е. способна максимально эффективно воздействовать на адресата. Культура речи определяется им по набору коммуникативных качеств (ККР), которые выявляются на основе соотношения речи с неречевыми структурами, находящимися за ее пределами: язык как устройство, порождающее речь, мышление, сознание, действительность, человек как адресат речи, условия общения [Головин 1988].

Базовым критерием в концепции ККР признается критерий правильности, то есть соответствие языковой структуры речи действующим языковым нормам. Под нормой Б.Н. Головин понимает «исторически принятый в данном языковом коллективе (предпочтенный) выбор одного из функциональных вариантов языкового знака» [Головин 1988: 42]. Критерий правильности имеет отношение ко всем другим ККР: например, логичность речи связана с грамматическими и синтаксическими нормами, чистота речи определяется соблюдением лексических и стилистических норм и пр.

Под чистотой речи подразумевается отсутствие в ней диалектных, жаргонных, просторечных слов и выражений, стилистически не оправданных иноязычных заимствований, грубых слов и высказываний. С этим качеством связано решение морально-этических проблем: в речевой практике должна отсутствовать лексика, непонятная окружающим или оскорбляющая их честь и достоинство. Понимание «чистой речи» особенно актуально в контексте нашего исследования в связи с наблюдаемым процессом вульгаризации языка современных СМИ.

Точность и логичность речи — это два коммуникативных качества речи, которые формируются на основе связей речи с действительностью и мышлением. Точность речи предпола-

ет соответствие между выражаемым понятием и обозначаемым предметом речи; логичность регулирует построение речи согласно законам и правилам формальной логики. Логичность и точность проявляются в непротиворечивости, структурной правильности, последовательности и целенаправленности в изложении информации.

Выразительность речи связана с такими особенностями структуры речи, которые поддерживают внимание и интерес слушателей / читателей, а ее богатство (или разнообразие) заключается в полноте владения разнообразными средствами языка на всех его уровнях [Головин 1988].

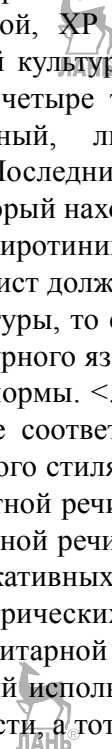
Другое качество речи (наряду с правильностью), занимающее особое место в иерархии ККР, — это ее уместность: «такой подбор, такая организация средств языка, которые делают речь отвечающей целям и условиям общения. Уместная речь соответствует теме сообщения, его логическому и эмоциональному содержанию, составу слушателей и читателей, информационным, воспитательным, эстетическим и иным задачам письменного или устного выступления» [Головин 1988: 227]. Об особом статусе уместности говорит то, что она «как бы регулирует в конкретной языковой ситуации содержание каждого из этих качеств» [Головин 1988: 228]. Уместность речи является одним из признаков культуры речевого поведения.

От умелого использования в речи комплекса ККР зависит эффективность общения, их знание и применение способствуют созданию благоприятных условий для гармоничного взаимодействия участников коммуникативного процесса.

Продолжением развития идей о коммуникативных качествах речи стало введение понятия «хорошая речь» (ХР) представителями Саратовской лингвистической школы. О.Б. Сиротина главным критерием, определяющим ХР, называет ее целесообразность: «Хорошая речь — целесообразная речь, успешная для адресанта и эффективная для адресата» [Сиротина 2001]. При этом правильность речи — важное, но недостаточное качество ХР. Представление о ХР может быть социально и террито-

риально обусловлено, зависеть от возраста участников общения, их профессиональной принадлежности. Кроме того, оценка речи зависит от «функционально-стилевой принадлежности, формы (устная / письменная) и условий ее осуществления» [Сиротинина 2001].

Очевидно, что обобщающий критерий целесообразности в концепции О.Б. Сиротининой соотносится с коммуникативным качеством уместности в концепции Б.Н. Головина. Кстати, о принципе целесообразности писал К.С. Горбачевич, называя его одним из главных критериев выделения нормы: «Целесообразно, следовательно, и правильно то, что способствует пониманию высказывания; наоборот, нецелесообразно, следовательно, и неправильно то, что мешает ясности выражения или что трудно произнести или запомнить» [Горбачевич 1989: 30].

Согласно О.Б. Сиротининой, продуцируется носителями элитарного типа речевой культуры. Всего в сфере литературного языка выделяются четыре типа речевой культуры: элитарный, среднелитературный, литературно-разговорный и фамильярно-разговорный. Последний часто пересекается с жаргонизирующим типом, который находится уже за пределами сферы литературного языка [Сиротинина 2001]. Важно замечание ученого о том, что журналист должен быть представителем элитарного типа речевой культуры, то есть человеком, владеющим «всеми нормами литературного языка, выполняющим этические и коммуникационные нормы. <...> Для него характерно незатрудненное использование соответствующего ситуации и целям общения функционального стиля и жанра речи, “неперенос” того, что типично для устной речи на письменную речь, а того, что свойственно письменной речи — на устную. В какой-то мере соблюдение коммуникативных норм требует знания и практической реализации риторических правил общения» [Сиротинина 2001]. Носителем элитарной речевой культуры является не тот журналист, который использует как можно больше средств речевой выразительности, а тот, кто это делает умеючи, зная закономерности их функционирования, соблюдая чувство

меры и не нарушая этических заповедей [Копнина, Сквородников 2012а: 249].

При анализе речи О.Б. Сиротина также говорит о необходимости оценивать степень понятности высказывания и его творческий потенциал, допустимость / недопустимость тех или иных отклонений от нормы. Творческий критерий предполагает отказ от стереотипных, клишированных выражений и адекватное выражение авторских интенций. Критерий допустимости / недопустимости отклонений от нормы напрямую связан с критерием целесообразности [Сиротина 2001].

Принимая во внимание представленные в науке классификации, считаем целесообразным при анализе коммуникативной эффективности медийных текстов рассматривать пять основных критериев нормативности: критерий понятности (ясности) [Горбачевич 1989; Кукушкина 1998; Сиротина 2001], критерий точности [Головин 1988; Кукушкина 1998], критерий стилистической уместности (выразительности, корректности) [Головин 1988; Сквородников 1998], критерии эстетической и этической приемлемости речи [Головин 1988; Кукушкина 1998; Сквородников 1998].

Вслед за О.Б. Сиротиной, признаем критерий целесообразности «надкритерием», обобщающим все перечисленные категории: он предполагает учет слов и форм выражения мысли, их соответствие ситуации общения, зависимость от взаимоотношений между адресантом и адресатом, смысловое содержание сказанного / написанного, связь его с этикой общения и др. [Сиротина 2001].

Учет перечисленных параметров позволяет наиболее полно охарактеризовать медийный текст с позиций коммуникативно-прагматического подхода. Как известно, авторы медиатекстов отбирают различные языковые средства (приемы) в зависимости от коммуникативных и прагматических целей. Медиатекст обладает определенной коммуникативно-прагматической установкой, то есть «намерением адресанта к передаче коммуникативно значимой информации с помощью тех или иных языковых

средств и способов их включения в высказывание с расчетом на достижение планируемого результата» [Токарев 2014: 106].

В связи с тем, что выраженные намерения авторов медиа-текстов воздействовать на аудиторию любыми доступными способами нередко приводят к дисфункциональному речевому общению, к тому, что происходит ухудшение коммуникативной эффективности передаваемого сообщения, современная речевая коммуникация (в том числе медийная) стала активно изучаться в аспекте ее рискогенности.

1.3. ПРОБЛЕМА РИСКОГЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МЕДИЙНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Современные журналисты не просто пытаются донести информацию до максимального количества человек, но стремятся оказать на потенциальную аудиторию определенное воздействие — эмоциональное, политически ориентированное, идеологическое и др.

Коммуникативное намерение журналиста должно быть одновременно легко декодируемым и привлекательным для массового адресата, иначе «коммуникативное и речевое взаимодействие адресанта и адресата не будет достигнуто, что неизбежно приведет к нежелательным информационным и другим потерям» [Нещипенко 2001: 115].

Говоря об успешной коммуникации, пристальное внимание к которой обусловлено возросшим интересом к функциональным и прагматическим аспектам речи, многие ученые указывают на проблемы — сбои или провалы — в процессе общения. В исследованиях последних лет наибольшее распространение получили два термина — «коммуникативные неудачи» и «коммуникативные риски».

Проблемы речевой коммуникации и возникающих в ней сбоев, провалов, неудач применительно к различному материалу рассматривались разными исследователями. Это работы

А.Н. Байкуловой [Байкулова 2011, 2015], Б.Н. Головина [Головин 1988], Д.Б. Гудкова [Гудков 2003], О.П. Ермаковой, Е.А. Земской [Ермакова, Земская 1993], С.В. Ильясовой [Ильясова 2015], О.В. Кукушкиной [Кукушкина 1998], Л.Г. Лисицкой [Лисицкая 2009], А.Ю. Масловой [Маслова 2008], О.Б. Сиротининой [Сиротинина 2013, 2014, 2017], А.П. Сковородникова [Сковородников 1998], Н.И. Формановской [Формановская 2002], Г.М. Шипицыной, Ю.А. Воронцовой [Шипицына, Воронцова 2005] и др.

Исследованию коммуникативных неудач (КН) посвящено большое количество лингвистических работ, в которых подчеркивается, что КН являются «почти неизбежными спутниками естественного общения» [Гудков 2003: 12]. Фрагментарно КН изучены лингвистами в устной разговорной речи [Ермакова, Земская 1993], в письменной речи [Кукушкина 1998; Шипицына, Воронцова 2005], в межкультурной коммуникации [Формановская 2002, Гудков 2003], в художественном дискурсе [Маслова 2008], в рекламном тексте [Ильясова, Амири 2015].

Авторы коллективной статьи «К типологии коммуникативных неудач» определяют КН как «сбой в общении, при котором определенные речевые произведения не выполняют своего предназначения» [Городецкий, Кобозева, Сабурова 1985: 65].

Это весьма широкое определение конкретизируется в статье О.П. Ермаковой и Е.А. Земской: под КН понимается «полное или частичное непонимание высказывания партнером коммуникации, т.е. неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего» [Ермакова, Земская 1993: 30—31]. Анализируя специфику данного явления на материале естественного русского диалога, авторы цитированной работы одним из видов КН также называют «нежелательный эмоциональный эффект, не предусмотренный говорящим в процессе общения: обида, раздражение, изумление» [Ермакова, Земская 1993: 602].

Предлагая классификацию коммуникативных неудач, многие исследователи подчеркивают условность и сложность ее составления из-за разнообразия причин возникновения КН. Причиной

КН может являться сам коммуникант, обстоятельства коммуникативного акта, неоднозначность языковых единиц, игнорирование прагматического компонента речи, речевая или коммуникативная компетенции говорящих / пишущих, различие фоновых знаний адресата и адресанта, прагматическая нечеткость высказывания, интерпретационная деятельность массовой аудитории и др. [Городецкий, Кобозева, Сабурова 1985; Ермакова, Земская 1993; Шипицына, Воронцова 2005; Ильцова, Амири 2015].

Термин «коммуникативные риски» (КР) в трудах лингвистов появился сравнительно недавно. Изучению КР в различных сферах общения посвящена научно-исследовательская работа кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (А.Н. Байкулова, М.А. Кормилицына, О.Б. Сиротина и др.). В коллективной монографии «Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетенции в ее преодолении» описываются КР в неофициальном общении, в деловой сфере, в сфере СМИ. Цель объемного исследования — «обнаружение реально создавшихся рисков и выявление даже возможности их проявления» [Рискогенность 2015: 12]. Сегодня речь перестает выполнять свое функциональное предназначение: из-за пронизанности рискогенностью страдает ее коммуникативная эффективность [Сиротина 2017: 31]. По мнению авторов, знания о КР особенно важны для успешной профессиональной деятельности современных сотрудников медиасферы: журналистов, редакторов, ведущих.

Под рискогенностью (от греч. *genēs* — ‘рождающий, рожденный’) в монографии саратовских лингвистов понимается способность языковой / речевой единицы порождать коммуникативные риски. На наш взгляд, сущность термина-словосочетания заключена в семантической характеристике главного слова: *риск* — ‘реальная возможность чего-либо нежелательного, опасного’ [БУСРЯ 2016]. Исходя из этого, сформулируем рабочее определение нового термина: коммуникативный риск — это

реальная возможность получения непрогнозируемого, нежелательного результата коммуникации, возможность возникновения коммуникативной неудачи. Верны следующие утверждения: рискогенные единицы языка (или речи) порождают КР; текст, в котором обнаруживаются коммуникативные риски, признается рискогенным.

В живом общении коммуникативная неудача — это свершившийся факт (результат), а КР — это потенциальная возможность КН, создаваемая особенностями речи и коммуникативного поведения участников общения, условиями коммуникации.

Различия в восприятии языковых фактов могут быть обусловлены разницей поколений в использовании языка, профессией говорящих (пишущих), психологическими и социальными различиями людей, их интересами, уровнем образованности и пр. [Сиротина 2007: 98].

Целесообразно говорить о возможности коммуникативной неудачи, то есть о наличии коммуникативного риска, спровоцированного рискогенностью конкретной языковой / речевой единицы, использованного выразительного приема и пр. При исследовании «опасных» словоупотреблений важно анализировать не только сам факт рискогенности (условия и причины ее возникновения), но и те нежелательные ментальные состояния, которые могут быть вызваны у адресата появлением «рискогенной» единицы.

Типология КР, представленная в монографии саратовских исследователей, основана на упомянутой классификации коммуникативных неудач [Ермакова, Земская 1993]. Факты возникновения коммуникативных рисков классифицируются следующим образом: 1) провал коммуникации из-за полного непонимания; 2) близкий к провалу вызов у адресата раздражения; 3) риск неправильного понимания; 4) риск неполного, не совсем точного понимания [Рискогенность 2015: 11—12].

Риски полного непонимания информации и вызова у адресата нежелательной эмоциональной реакции объединены учеными, так как при их возникновении можно констатировать, что процесс коммуникации не состоялся, его цель не достигнута. По

мнению ученых, причиной раздражения читателя / слушателя может стать непрочитанное / не услышанное сообщение, неизвестное слово (иностранное, жаргонное, диалектное и др.), используемое в письменной / устной речи, а также грубое слово / выражение, неприемлемое для адресата.

Риск неправильного понимания чаще всего встречается в общении профессионала с непрофессионалом, особенно опасен такой вид риска в процессе обучения и в законодательстве, менее опасен в процессе живого общения, так как легко преодолим (переспрос, наблюдение за реакцией партнера, уточнение и пр.). Опасность этого риска в сфере СМИ заключается не только в сложности преодоления, но и в возможных следствиях, все варианты которых предусмотреть невозможно. Нередко этот риск возникает в массовом пространстве из-за того, что он не осознается адресантом.

Еще чаще не учитывается субъектом коммуникации четвертый вид рисков — неполного, не совсем точного понимания. Такие КР порождают социальные и профессиональные риски, иногда используются целенаправленно, например, в оппозиционных СМИ, как средство информационной борьбы [Рискогенность 2015: 11—12].

Любопытны обозначенные авторами монографии многочисленные причины (факторы) коммуникативных рисков, возникающих именно в медийной сфере:

1) недостаточная коммуникативная компетентность журналистов / редакторов. Она обусловлена несовпадением апперцепционных баз участников общения, сложностью учета разнородной массовой аудитории, неумением прогнозировать ожидания адресата;

2) нецелесообразность использования некоторых средств речевого воздействия на адресата. В современных СМИ все чаще рациональные аргументы подменяются иррациональными (эмоциональными), что может быть воспринято адресатом как элемент давления, угрозы, манипуляции;

3) к социальным рискам (разжигание межнациональной вражды, экстремизм, негативное влияние на культуру общества,

воспитание агрессии и антитолерантности) может привести выбор конфликтогенных жанров, например, полемики: «В полемике несогласие часто имеет слишком категоричный, безапелляционный, даже оскорбительный для оппонента характер, что может оттолкнуть не только оппонента, но и массового адресата СМИ» [Рискогенность 2015: 16];

4) с нецелесообразным использованием выразительных (экспрессивных) средств языка связано негативное влияние на язык как средство коммуникации: «Часто участники общения ищут какие-то броские, необычные языковые средства выражения своих мыслей, позволяющие им выделиться, любой ценой заставить обратить на себя внимание. Но поиски необычного в общении в условиях беспредельной свободы при недостаточном уровне коммуникативной компетенции приводят порой к ухудшению качества передаваемого сообщения» [Рискогенность 2015: 44].

Как показывает анализ охарактеризованных в научной литературе коммуникативных рисков, многообразие причин их возникновения можно разделить на две основные группы — это причины лингвистического и экстралингвистического характера.

Лингвистические факторы КР обнаруживаются в системе самого языка, допускающего многозначность, неоднозначность, неопределенность понимания слова, выражения, текста: это избыточная метафоричность, неустранимая многозначность, омонимия языковых единиц, неразличение паронимов, неуместные окказионализмы, неоправданное многословие, использование инвектив и др.

Экстралингвистические факторы КР могут быть следующего свойства: различия в картинах мира адресата и адресанта; несовпадение оценок явлений и событий действительности; неудачный тематический выбор; нарушение или неверный выбор поведенческих стереотипов (в т.ч. этикетных); эмоциональная несдержанность автора сообщения; игнорирование разнородности массовой аудитории; неверно выбранная коммуникативная роль, нарушения этико-эстетического характера и др.

Важно отметить, что в основании определенного коммуникативного риска редко находится одна причина. Экстралингвистические факторы тесно связаны с факторами лингвистическими, могут порождать их, действовать в совокупности. Поэтому при анализе элементов, порождающих риски, важно отмечать как основную причину КР, так и сопутствующие.

Знание и соблюдение основных критериев нормативности речи (см. п. 1.2.) способствуют эффективности (успешности) процесса коммуникации, а их нарушение (несоблюдение) приводит к возникновению коммуникативных рисков. Учитывая изложенные концепции, при описании и оценке видов КР в медийном дискурсе предлагаем руководствоваться следующими положениями:

- при нарушении критерия понятности (ясности) высказывания актуализируется риск полного непонимания / неправильного понимания высказывания;
- несоблюдение критерия точности провоцирует риск неполного / не совсем точного / неправильного понимания сообщаемого;
- при нарушении критерия стилистической уместности (корректности) высказывания, а также критериев эстетической и этической приемлемости речи актуализируется риск негативной эмоциональной реакции адресата.

Подчеркнем, что при нарушении конкретного критерия в данной классификации указаны риски, возникающие в первую очередь, но они, как правило, не единичны. Одним из факторов коммуникативных рисков являются новообразования.

1.4. ЭКСПРЕССИВНОСТЬ НОВООБРАЗОВАНИЙ В АСПЕКТЕ ИХ РИСКОГЕННОСТИ

Как отмечают исследователи, важнейшей особенностью языка современных СМИ является лавинообразное словотворчество: «Нашу печать захлестнула волна окказионализмов. Ко-

личество ситуативных новообразований на страницах газет и журналов день ото дня растёт» [Юдина 1999: 56].

Наличие окказионализмов в медиатексте, как правило, обусловлено коммуникативными задачами в использовании не столько их номинативных, сколько экспрессивных возможностей: «Окказиональные слова (от лат. *occasio* — случайность, случайный) — речевые явления, создаваемые под влиянием контекста, ситуации речевого общения для осуществления какого-либо актуального коммуникативного задания, главным образом для выражения смысла, а также экспрессивного оттенка, часто комического или иронического характера, необходимого в данном случае» [КРР 2003: 384].

Экспрессивность исследователи в сфере словообразования выделяют как внутренний, изначально присущий авторскому новообразованию признак: «Обязательная экспрессивность — характернейшая черта окказиональных слов. Это их сквозной признак, в отличие от слов канонических, большей части которых экспрессивность не свойственна» [Лыков 1976: 23]. При этом степень экспрессивности окказионального слова напрямую связана со степенью его окказиональности (нестандартности): «Чем меньше формальных и семантических нарушений правил языкового (социально отстоявшегося) словообразовательного стандарта совершается при образовании окказионального слова, тем меньше окказиональности (а вместе с нею и экспрессивности) содержится в этом слове, и наоборот» [Лыков 1976: 24].

Окказиональные лексемы могут обладать ингерентной (внутренней) или адгерентной (внешней) экспрессивностью. Ингерентная экспрессивность определяется структурно-семантической спецификой словообразовательных единиц. Оценочный характер новообразования может определяться следующими условиями: новое слово включает экспрессивный формант или оценочную производящую основу, оно создано с использованием экспрессивного словообразовательного способа (контаминация, тмезис, заместительная деривация и др.), принадлежит к словообразовательному типу с экспрессивным зна-

чением и др. Адгерентная же экспрессивность окказионализмов может создаваться за счет их стилистических свойств, лексического и контекстуального окружения, тематической направленности материалов, использования в словообразовании ключевых слов эпохи, прецедентных феноменов.

Как уже отмечалось, необходимость использования экспрессивных языковых (речевых) единиц в рамках медиадискурса во многом определяется его воздействующим (прагматическим) потенциалом. И именно с нецелесообразным, немотивированным включением в медиатексты экспрессивных средств языка (речи) зачастую связано появление КР в медийной коммуникации.

По нашему мнению, новообразования, имеющие широкие возможности для реализации своей экспрессивности в медийном тексте, могут нарушать критерии понятности, точности, уместности, эстетической и этической приемлемости речи. Эти нарушения отрицательно отражаются на коммуникативном процессе: они провоцируют коммуникативные риски, препятствующие реализации коммуникативных намерений (интенций) автора.

Поиск новых выразительно-изобразительных средств в медийном дискурсе порождает необходимость использования окказионализмов с целью словообразовательной игры (СИ) (здесь и далее СИ рассматривается как разновидность языковой игры): «На рубеже XX—XXI вв. словообразовательная игра получает широкое распространение в языке СМИ, что является принципиально новым явлением для русского языка. Экспрессия, по мнению исследователей языка СМИ, побеждает стандарт, и немаловажную роль в этом играет словообразовательная игра» [Ильясова, Амири 2015: 125].

Понятие окказиональности сегодня перестает рассматриваться как неправильность, вызванная незнанием, неумением, невнимательностью автора, а рассматривается как «преднамеренная аномалия», тесно связанная с представлением о коммуникативно-прагматической норме: «Большую роль в изменении отношения к окказиональности сыграло и развитие теории нормы, прежде всего появление такого типа нормы, как

ситуативная, или коммуникативная, вследствие чего окказионализм можно рассматривать не как нарушение нормы, а как другую норму» [Ильясова 2002: 52]. Тезис «“правильно все то, что целесообразно, уместно”, определяет реальность коммуникативной или ситуативно обусловленной нормы» [Ильясова 2002: 32]. При трактовке языковой игры как мотивированного отклонения от определенной языковой нормы, средством и результатом словообразовательной игры становятся медийные новообразования, которые отсутствуют в лексической системе языка и по ряду параметров не соответствуют словообразовательным нормам [Рацибурская 2016: 206]. Языковая, и в частности словообразовательная, игра способна значительно усилить воздействие на сознание массовой аудитории, чем и обусловлено обращение к ней журналистов.

Однако безграничная свобода в выборе и использовании единиц языковой системы в целях экспрессивизации не всегда положительно отражается на процессе коммуникации. В современные деривационные процессы все чаще вовлекаются заимствования, сниженная лексика, снижено-маркированные словообразовательные средства, деривационные модели, характерные для разговорной речи и пр., оказывающие влияние на эффективность речевой коммуникации. Неполнота, двусмысленность, повышенная экспрессивность новообразований делает невозможной их быструю интерпретацию, перевод в приемлемые для адресата смыслы: «Для журналиста первостепенным становится желание произвести впечатление на публику, передать личное отношение к происходящему, а не сделать так, чтобы адресат полностью освоил материал. Страдает коммуникативная прозрачность текстов СМИ — сообщение становится недоступно или только частично доступно аудитории» [Соловьева 2018: 112—113].

Чрезмерное стремление к экспрессивному «словомейкерству» может отрицательно сказаться на впечатлении адресата о статье. При создании нового «эффектного» слова журналист должен знать меру и считаться не только с юридическими, но и

нравственными законами [Рацибурская, Самыличева, Шумилова 2015: 181].

За создателем медиатекста остается право вовлекать читателя в процесс интерпретации своего творения, увы, не всегда в полной мере отвечающего требованиям создания информативно значимого, в меру экспрессивного и эстетически выдержанного текста. Высокая концентрация языковой игры на страницах СМИ, навязывание читателю игрового начала, заставляющего его совершать определенные усилия по разгадыванию «текста-шарады», далеко не всегда оправданные [Ремчукова 2009: 314]. Журналисты перестают учитывать тот факт, что «активность словообразовательной работы требует определенного напряжения сознания, вызывает усталость к восприятию новых единиц у носителей языка» [Дуличенко 1994: 295].

Однако не каждое экспрессивное новообразование рискогенно, т.е. способно порождать риск, например, «упрек, осуждение, критический анализ, критические замечания сами по себе представляют нормальное явление, если они обоснованы и выражаются адекватными ситуации средствами» [Петрова, Рацибурская 2011: 20]. При анализе медиатекстов необходимо не только указать потенциально «опасные» новообразования, но и определить, чем конкретно обусловлена их рискогенность.

Более того, при рассмотрении медийных новообразований в аспекте их рискогенности важно учитывать интенции создателей сообщений.

С одной стороны, причиной КР может быть низкая речевая культура адресанта, неумение соотнести языковые и речевые средства с условиями общения, недостаток знаний, связанных с функционированием языковых единиц, и пр. В этом случае необходимо говорить о низком уровне коммуникативной компетентности журналиста. Под коммуникативной компетентностью понимается «способность решать средствами языка актуальные задачи общения в разных сферах жизни, знания и умения пользоваться фактами языка и речи для эффективной реализации целей общения» [Рискогенность 2015: 20]. Исследование комму-

никативной компетенции личности предполагает обязательный учет социального аспекта [Байкулова 2010: 49]. Ведущую роль в современном процессе коммуникации играет именно автор сообщения, «он выбирает языковые средства для выполнения своего коммуникативного намерения. Следовательно, решающее значение приобретает культурный и профессиональный уровень журналиста, его мировоззренческая и нравственная позиция» [Клушина 2004: 270].

С другой стороны, причиной КР может стать сознательная установка на негативное речевое воздействие, так называемая речевая агрессия, призванная эпатировать публику, оказывать на нее психологическое давление. Речевая агрессия — это «жесткое, подчеркнутое средствами языка выражение негативного эмоционально-оценочного отношения к кому- / чему-либо, нарушающее представление об этической и эстетической норме, а также перенасыщение текста вербализованной негативной информацией, вызывающее у адресата тягостное впечатление» [Петрова, Рацибурская 2011: 24]. Эксплицитное (незавуалированное) выражение речевой агрессии особенно ярко демонстрируют медиатексты оппозиционных изданий. В них речевая агрессия связана «с языковым насилием, языковой манипуляцией — вербальным воздействием на адресата с целью изменения его личностных установок, навязыванием адресату определенной точки зрения» [Рацибурская 2006: 136].

ВЫВОДЫ

Таким образом, изменения, происходящие сегодня в языке печатных СМИ (прежде всего, демократизация и субъективизация) предопределили актуальность изучения медиатекстов в аспекте коммуникативно-прагматического подхода, при котором изучается не столько система языка, сколько речь (функционирование этой системы). Отсюда интерес исследователей к сущности коммуникативной (коммуникативно-прагматической) нормы, не тождественной норме языковой. В первую очередь,

выбор того или иного знака определяет его уместность (целесообразность) и эффективность в конкретных условиях протекания массовой коммуникации.

На эффективность медийной коммуникации отрицательное влияние оказывают так называемые коммуникативные риски (КР), провоцируемые стремлением журналистов воздействовать на получателя информации любыми известными способами. Под КР понимается возможность возникновения коммуникативной неудачи (провал коммуникации или ее нежелательный (непрогнозируемый) результат).

Одной из зон формирования КР в медиатексте являются новообразования, используемые с целью его экспрессивизации, выражения определенных авторских интенций. Термин «новообразование» в работе употребляется применительно к лексико-словообразовательным неологизмам узуального и неузуального (потенциальные и окказиональные слова) характера. Окказиональным словом называется экспрессивная речевая единица, созданная в соответствии со словообразовательным типом или с его нарушением, а также по уникальным словообразовательным моделям. Значимыми признаками окказионального слова являются его творимость, ненормативность, номинативная факультативность, словообразовательная производность (по А.Г. Лыкову). Потенциальные слова признаются разновидностью окказиональных слов, которые противопоставлены словам узуальным. Представляется целесообразным отталкиваться от разделения новообразований на стандартные и нестандартные, определяемого по их соответствию или несоответствию стандартной словообразовательной схеме. Степень стандартности / нестандартности новообразований влияет на механизм реализации такого их свойства, как экспрессивность, которая может быть ингерентной (внутренней) или адгерентной (внешней).

Ингерентная экспрессивность нового слова обусловлена особенностями его структуры и семантики. Адгерентная экспрессивность новообразования связана с условиями его функционирования. При анализе степени рискогенности медийных

новообразований важно учитывать непреднамеренность / преднамеренность речевого действия: актуализированные в текстах СМИ коммуникативные риски могут объясняться низким уровнем журналистской компетентности или выраженными интенциями адресанта оказать негативизирующее воздействие на получателя информации, осуществить манипулирование общественным сознанием.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какие факторы обусловили актуальность изучения рискогенности современных медийных текстов?
2. Дайте определение понятию рискогенности. Покажите связь рискогенности современных медийных текстов с коммуникативными качествами речи.
3. Покажите на конкретных примерах, в чем проявляется рискогенность медийных текстов.
4. Покажите на примерах новообразований различие их ингерентной и адгерентной экспрессивности.

ГЛАВА 2. СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА НОВООБРАЗОВАНИЙ КАК ФАКТОРА РИСКОВЕННОСТИ МЕДИЙНОГО ТЕКСТА

2.1. МЕДИЙНЫЕ НОВООБРАЗОВАНИЯ СТАНДАРТНОЙ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ

Новообразования, обладающие стандартной словообразовательной структурой, образуются «по стандартным словообразовательным моделям в рамках существующих активных и продуктивных словообразовательных типов» [Самыличева 2011: 54].

Ингерентную (не зависящую от контекста) экспрессивность новообразований, созданных узуальными способами, могут формировать семантико-стилистические свойства производящей лексемы, характер денотата, номинируемого новообразованием, оценочность аффиксов, экспрессивность словообразовательной модели [Рацибурская, Самыличева, Шумилова 2015: 29].

2.1.1. Префиксальные новообразования

Справедливо замечание Е.А. Земской, что «для конца XX — начала XXI в. характерен расцвет префиксации, как именной, так и глагольной» [Земская 2010: 212]. Префиксальные новообразования активно участвуют в формировании и выражении социальной оценочности, которая «выступает как главная особенность газетно-публицистического стиля, выделяющая его среди других функциональных стилей и проявляющаяся на всех “уровнях” его языка, особенно в лексике» [Солганик 1981: 8].

Заемствованные префиксы *псевдо-* и *квази-*, имеющие семантику 'неистинности, ложности', в медиатекстах современности часто используются для негативной характеристики деятеля: «В современную эпоху смены прежних ценностных ориентиров, когда наша жизнь наполнилась огромным количеством мнимых ценностей, ложных авторитетов и фальшивых вещей, в прессе для негативной оценки тех или иных социальных реалий активно используются новообразования с префиксами *квази-*, *псевдо-*» [Петрова, Рацибурская 2011: 66].

Именные новообразования с префиксом *псевдо-* могут служить для обозначения лиц, организаций, против которых выступает журналист: *У псевдонаблюдателей, весь день отмечавших явку сотрудников своих организаций, их не было* (НГ, 07.09.2018) — о фиктивных наблюдателях, задействованных на выборах; *То, что внедряется в России, — это система псевдогосмонополий* (НГ, 08.02.2019) — об организациях, которые ведут ложную деятельность, создают «видимость» работы; *Зато появились псевдоправозащитники...* (Вести FM, 15.01.2019) — о правозащитниках, которые только делают вид, что рьяно отстаивают права человека; *...псевдоисторики вновь стали оправдывать гитлеровский фашизм* (Россия-1, 19.01.2019) — об историках, искажающих исторические факты в угоду той или иной политической программе.

Префикс *квази-*, соединяясь с именами существительными, также формирует у деривата семантику фиктивности и неистинности с оттенком неодобрения: *Развитие российско-китайского стратегического квази-союза* (Завтра, 27.12.2017); *Вначале некий квази-суд якобы признает власти нашей страны виновными в отравлении сбежавшего в Англию офицера ФСБ...* (НВ, 01.02.2016); *На фоне традиционных идеологий эта зеленая квазиидеология будет только возрастать* (Россия-24, 06.10.2019); *Какое-то время Украина просуществует как некая квазистрана* (Россия-1, 13.01.2019) — оценочный характер новообразования *квазистрана*, которое даже можно считать оскорбительным,

во многом объясняется происходящими в мире социально-политическими изменениями.

Авторы медиатекстов нередко критикуют современные общественно-политические реалии, давая им емкие характеристики при помощи префиксов **псевдо-**, **квази-** в составе адекватных дериватов: *В том числе и той, которая была воодушевлена крымской кампанией и возрождением псевдоимперского сознания* (НВ, 17.09.2018); *Эти универсальные псевдогосударственные деятели, похоже, решили компенсировать собственную никчемность за счет российских эксплуатантов* (НВ, 29.11.2018); *Увлечение детей псевдоблатной «романтикой» стало настоящей страшилкой для взрослых* (МК, 18.07.2018) — в последнем случае уровень ингерентной экспрессивности нового слова значительно возрастает в связи с тем, что нарушаются стилистические ограничения сочетаемости морфем: книжный префикс присоединяется к прилагательному *блатной* ('относящийся к преступному миру; воровской' [СРЯ 1981—1984]) жаргонного характера; *...Дамаском, взятие которого для ИГИЛ [*террористическая организация, запрещенная в России] означало бы выход на квазигосударственный уровень и окончательное закрепление как лидера исламского возрождения* (Завтра, 24.08.2016). В представленных фрагментах новообразования с префиксами **псевдо-** и **квази-** используются журналистами в номинативных целях, а также становятся средством выражения авторской позиции. Критические замечания адресантов являются естественной и неотъемлемой частью медиатекстов оппозиционных массовых изданий, в которых журналисты стремятся указывать на недостатки современного общественного и политического устройства.

Вероятность появления в медиатекстах коммуникативных рисков возникает, если оценочность дериватов, обусловленная экспрессивным словообразовательным формантом, а также семантикой мотивирующего слова, значительно усиливается окружающим их контекстом: *...не учитывая всякую продажную псевдопрофессуру* (Вести FM, 26.09.2019) — прилагатель-

ное *продажный* (презр. ‘такой, который достается или отдает себя, свои чувства за деньги’ [СРЯ 1981—1984]) сообщает деривату дополнительную экспрессию; *Сами собой высветились химеры псевдолиберализма, занудливая гнусь раскрепощенных от морали паскудников, ничтожество претендующих на власть пустоцветов* (Завтра, 08.12.2016) — отрицательная оценочность именного новообразования усилена присутствующими в контексте стилистически сниженными лексемами и словами с резко негативной семантикой: *паскудник* — груб. прост. ‘тот, кто делает мерзости, гадости; пакостник’; *гнусь* — прост. ‘то, что вызывает отвращение, омерзение’; *ничтожество* — ‘крайнее убожество и незначительность кого-чего-л.’; *пустоцвет* — перен. ‘человек, деятельность, жизнь которого не приносит пользы другим людям, обществу’ [СРЯ 1981—1984]; *На этом фоне умиляет скандал с непосредственной красоткой из «Эха Москвы» Лесей Рябцевой, которая ничтоже сумняшея посмела в своем органе похвалить представителя чужой квазипартии и, походя, пнуть своих* (МК, 18.07.2015) — новообразование приобретает явный иронический оттенок также за счет контекста, в котором используются эмоционально заряженные лексемы, выражающие авторскую насмешку (*умиляет, красотка, ничтоже сумняшея*); *Мне хотелось перебить всю эту квазидемократическую свору* (НТВ, 15.03.2019) — негативная оценка заложена в префиксальном деривате, а также в присутствующих в контексте словах: *перебить* — в данном случае глагол используется в значении ‘поочередно убить всех представителей какой-либо группы’, *свора* — перен., неодобр. — ‘шайка, сброд’ [СРЯ 1981—1984].

Словотворчество в указанных примерах с участием префиксальных новообразований с семантикой ‘ложности, мнимости’ можно признать проявлением речевой агрессии, оказывающей деструктивное воздействие на процесс коммуникации. Прежде всего, нарушаются критерии стилистической уместности, эстетической и этической приемлемости речи: провоцируют-

ся КР, связанные с неприятием читателем агрессивной, грубо-ироничной тональности медиатекстов.

В другом примере префиксальное новообразование служит средством негативного оценивания конкретного лица (лиц): *В Марий Эл еще один помощник псевдо-коммуниста Сергея Казанкова поддержал Путина* (НВ, 15.03.2018) — подобная номинация оскорбительна для человека, ставшего объектом внимания журналиста, неприемлема с точки зрения этических постулатов; *Псевдобиржа — мошенники, которые имитируют биржевую деятельность* (Россия-24, 27.10.2019) — *мошенник* ('нечестный человек, плут' [СРЯ 1981—1984]), в некоторых случаях подобные высказывания, если они не подкреплены существенной доказательной базой, могут восприниматься аудиторией как оскорбление. Прямая категоричная оценка, имеющая цель дискредитировать предмет речи без должных на то оснований, всегда рискогенна.

В медиатекстах проявляют активность новообразования с префиксом *анти-* со значением 'противоположности, противодействия или враждебности тому, что названо мотивирующим словом' [РГ 1980]. Их оценочность в значительной мере усиливается контекстуально, что может спровоцировать риск негативной читательской реакции: *Антипиарщик* (заголовок). *Экс-замглавы администрации губернатора Пермского края Кирилл Маркевич нанес ущерб государству и скрылся за границей?* (НВ, 09.11.2015) — в контексте автор открыто и, в сущности, бездоказательно предъявляет обвинения называемому политическому лицу; *Сейчас сильные мира сего создают единую содомскую антицерковь* (Завтра, 27.06.2016) — экспрессивность новообразования формирует инвективное определение *содомский* ('имеющий отношение к содомии' [СРЯ 1981—1984]). Инвективы — слова и выражения, заключающие в своей семантике, экспрессивной окраске, оценочном компоненте содержания интенцию говорящего или пишущего унижить, оскорбить, обесчестить, опозорить адресата речи или третье лицо, обычно сопровождаемое намерением сделать это в как

можно более резкой и циничной форме [Петрова, Рацибурская 2011: 43—44].

С точки зрения рассматриваемого в работе явления рискогенности примечателен префиксальный дериват в заголовке «*Школа антибуллинга*» (Известия, 09.08.2018) ← *анти* + *буллинг* (от англ. *bullying* — ‘запугивать, задирать’). На наш взгляд, журналист нарушает критерий понятности высказывания — производящий англицизм стал пользоваться популярностью в последнее время в связи с обсуждением проблемы травли подростков в школах. Использование в качестве производящего слова малоизвестного заимствования, которое не поясняется автором, провоцирует КР полного непонимания / неправильного понимания высказывания.

Префиксу *анти-* синонимичны исконно русская приставка *не-* с семантикой ‘противоположность чему-л., отсутствие чего-л.’ [Лопатин, Улукханов 2016: 117] и префикс *контр-* с семантикой ‘противоположность чему-л.; направленность против чего-л., в ответ на что-л.’ [Лопатин, Улукханов 2016: 100]. Экспрессивность дериватов с данными префиксами может быть обусловлена условиями их функционирования: *Нечесть мундира* (заголовок). *Оборотни в погонах: от кражи машин до захвата заложников* (НВ, 26.10.2018) — формированию негативной экспрессивности нового слова способствуют прецедентные феномены (*честь мундира, оборотни в погонах*), а также фонетическая переключка новообразования с узуальным *нечисть* в значении ‘недостойные, презренные люди’ [БТСРЯ 2014]; *Нефутбольные достижения* (заголовок). *СМИ сообщили о долгах российских футболистов перед государством* (НВ, 17.10.2018) — иронический эффект достигается за счет принципа иронической антитезы — *достижения* футболистов — это их долги; *Хроника нелечения: три недели в Москве не могли госпитализировать больную COVID-19* (Известия, 07.04.2020) — подобный заголовок заранее нацеливает читателя на критическое восприятие всей медицинской сферы, ее работников, хотя реальное положение дел адресату еще неизвестно; *В пробуксовках*

внедрения опять виновата сама наука, <...> которая эту экономику делает, во-первых, ригидной и **контринновационной**, а во-вторых, **нереформируемой** (НГ, 10.09.2018) — на негативную оценочность деривата работает соответствующее лексическое окружение — *пробуксовка* ('торможение'), *ригидная* ('неспособная приспособляться, адаптироваться к чему-либо') экономика [БТСРЯ 2014].

Функционирование в медийном пространстве новообразований с префиксами **анти-**, **не-**, **контр-** свидетельствует о высоком уровне информационного противостояния, разобщенности современного социума, его нестабильности. Между СМИ ведется ожесточенная идеологическая борьба за влияние на общественное сознание, в которой могут применяться любые средства воздействия, давления, манипуляции. Словообразовательный механизм становится зоной формирования коммуникативного напряжения, имеющего неблагоприятные социальные последствия, явно демонстрирующего «риск конфликта» (по О.Б. Сиротининой), отсутствие у современных СМИ навыков гармонизирующего общения.

В современных медийных текстах появляются многочисленные производные имена существительные с семантикой 'кто-либо (что-либо), не обладающий (-ее) полностью признаками того, кто (что) назван(о) мотивирующим существительным' [Лопатин, Улуханов 2016: 124]: «*Во-первых, украинская **недо-революция**, даже в нынешнем своем виде, — национальная*» (НГ, 31.03.2014); *Становились не боссами ларьков со сникерсами, а — главами маленьких, но гордых **недостран*** (Завтра, 08.09.2018); *Торги для **недоторговцев*** (РБК, 25.09.2017); ***Недобойкот*** (заголовок). *Шотланд-Ярду придется связать отравление Сергея Скрипаля с Россией, но бойкотировать ЧМ-2018 англичане не будут* (НВ, 07.03.2018). В контексте статей новообразования с приставкой **недо-** приобретают резко отрицательный, оскорбительный характер: *Полностью совпал с адресом **недоотравленной** госпожи Шапиро* (Вести FM, 19.09.2018); *Господа атланты, **недорасправившие** крылья* (Вести FM,

25.03.2020) — едкая ирония в адрес бизнесменов. Журналисты даже не пытаются смягчить оценки, превращая газетно-публицистический дискурс «в арену для сведения счетов» [Ржанова 2004: 121], что с большой степенью вероятности может привести к неприятию авторской позиции (КР негативной реакции читателя).

Новообразованиям с префиксами *сверх-* и *супер-* изначально была присуща мелиоративная экспрессивность, они образуют «производные с общим значением интенсивности, превосходства, высокой степени того, что названо производящей основой (*сверхчеловек, суперсыщик* и др.)» [Земская 1973: 265]. Тем не менее в языке исследуемых общественно-политических СМИ дериваты с данными префиксами часто стали приобретать отрицательную оценочность, связанную с семантикой производящего слова, микроконтекстом, экстралингвистическими факторами: *В этой картине мира есть какие-то **сверхмудрые** люди, которые почему-то засели в Минобрнауки, которые точно знают, куда пойдет наука, и поэтому готовы всех за собой вести* (НГ, 14.08.2017) — чересчур, излишне мудрые люди; ироническая окраска нового слова формируется общей оценочностью предложения; *Безграмотность или **сверхнахальство*** (заголовок). *Космонавт, Герой России Павел Виноградов считает затею с частным космодромом в Нижнем Новгороде авантюрой* (НВ, 09.03.2019) — производящая лексема *нахальство* (разг. ‘беззастенчивая назойливость; наглость, бесцеремонность’ [БТСРЯ 2014]) обуславливает негативную коннотацию префиксального новообразования. В некоторых новообразованиях негативную оценочность проявляет сама приставка *сверх-* при нейтральном производящем слове: *Чем опасен **сверхтуризм**? Слово достаточно новое, но от него уже пострадали Барселона, Париж...* (Радио России, 10.06.2019).

Мотивирующая негативная семантика обуславливает негативную оценочность и в многочисленных новообразованиях с префиксом *супер-*: *Десять процентов сидят дома, но это же те самые **суперразносчики** инфекции...* (Первый ка-

нал, 02.04.2020); *Вирус — это суперпаразит* (Первый канал, 18.03.2020). В оценочных новообразованиях на базе нейтральных производящих префикс **супер-** может быть средством иронии: *Все эти энергии утра, счастливые потягушки, лавандовые поля и суперсоветы дня от нескончаемых коучей...* (Sunmag.me, 25.06.2019). В другом случае с помощью префикса **супер-** усиливается негативная экспрессия префикса **анти-** в адективном деривате на базе антропонима: *Газета, которая занимает суперантирамповские позиции* (Вести FM, 27.02.2019). В следующем примере дериват создается на базе политического термина *ястреб*, который обозначает представителей кругов (обычно в США), наиболее враждебно настроенных против разрядки международной напряженности [НСЗ 1997]: *Начнем с частностей. Прежде всего, с маршрута и личности самого Джона Болтона. То, что он «суперьястреб» и ненавистник России, хорошо известно* (Завтра, 01.07.2018). Негативная, обличительная оценочность деривата *суперьястреб* связана с внелингвистическими факторами: сложившейся геополитической ситуацией. Считаем, что в рассмотренных примерах журналистская критика уместна и оправдана обсуждаемыми темами. Однако в последнем случае наблюдается КР полного непонимания / неправильного понимания информации: для адекватного осмысления деривата *суперьястреб* адресат должен обладать обширными фоновыми знаниями.

Отрицательной оценочностью, допустимой в текстах оппозиционных СМИ, могут обладать новообразования с иноязычными префиксами **мега-** и **гипер-** с семантикой 'превышения': *Мегастройки или пенсии?* (заголовки). *Большие страны не могут жить без амбициозных проектов* (НВ, 03.09.2018) — негативная коннотация деривата связана с наличием противопоставления: существительные *мегастройки* и *пенсии* в заголовке статьи выступают как контекстуальные оценочные антонимы; *Компанию, сотрудникам которой на Ямале задерживают зарплату, обманули на мегастройках к чемпионату мира 2018 года* (URA.RU, 07.02.2019) — антитеза, использо-

ванная автором в данном предложении (*мегастройки*, но — *задерживают зарплату*), также формирует отрицательную оценочность префиксального деривата; *Мы подогрели бы все эти польские **мегамечтания*** (Вести FM, 28.02.2019) — новообразование получает явную ироническую окраску за счет экстралингвистических факторов.

Дериваты с префиксами *гипер-* зачастую приобретает оценку со знаком минус за счет общей отрицательной оценочности предложения, тональности всего медийного текста: *Зоной особого риска он считает крупные **гиперурбанизированные** регионы, Питер, например, где к этому вопросу достаточно фривольно относятся* (Завтра, 30.09.2018); ***Гипер-социализация** последних 30—40 лет преподнесла землянам коварный подарок. Быть «на людях» — это жить. Без возможности поехать «в заграницу» или хотя бы посидеть в модном кафе, о коем писали ресторанные критики — это прям-таки лишиться смысла жизни* (Завтра, 21.03.2020); *Американское государство переходит в **гиперпатерналистскую** позицию* (Вести FM, 23.03.2020). Негативная окрашенность новообразований обусловлена субъективным отношением журналистов к описываемым явлениям.

Журналистская критика действительно неблагоприятных общественных процессов, передаваемая посредством новообразований с префиксами *мега-* и *гипер-*, вполне понятна и уместна, поэтому риск неприятия адресатом авторской позиции возможен только в случае существенного расхождения точек зрения участников коммуникации.

Ироническую, а иногда и откровенно пейоративную окраску в медиатекстах современности приобретают дериваты с изначально безоценочной приставкой *экс-* с семантикой ‘бывший ранее тем, кто (что) назван(о) мотивирующим существительным’ [РГ 1980]: *Этот подарок не конфискуют в отличие от автомобиля, купленного сыну **экс-чиновника** на взятки* (Россия-24, 17.08.2018) — негативная окрашенность безоценочного деривата обусловлена тональностью медиатекста; *Сети прогнозиру-*

ют, что Ольгу Глацких может постигнуть судьба саратовской «макарошки» — **экс-министрши**, объявившей на весь свет, что в России можно прожить на 50 долларов в месяц (Завтра, 05.11.2018) — оценочность деривата формируется разговорным характером производящего феминитива *министерша*. Отрицательная окраска существительного *экс-министерша* направлена на конкретное лицо, номинация приобретает уничижительный, оскорбительный характер: провоцируется КР нежелательной реакции адресата.

В медиатекстах используется префикс **про-**, служащий для образования дериватов со значением ‘приверженный тому, осуществляемый в пользу того, что названо словом, которым, в свою очередь, мотивировано суффиксальное мотивирующее прилагательное’ [РГ 1980]: Для «**промайданного**» большинства и радикалов на улице Добкин — один из главных врагов в рамках легальной украинской политики (АиФ, 17.07.2017) — о сторонниках массового выступления народа против действующей власти на Украине, начавшегося в 2013 г.; Если Россия начнет проводить не «**проитатовскую**» политику в отношении Северной Кореи, то и нашему бизнесу там будут предоставлены абсолютно льготные условия. Нас там ждут и помнят о нашей помощи (Завтра, 15.06.2018) — о политике, проводимой Соединенными Штатами Америки в отношении других стран. В данных примерах сема ‘приверженность’ имеет отрицательно заряженный эмоциональный фон: дериваты обозначают склонность к враждебным (следовательно, неправильным, ошибочным) политическим взглядам.

Таким образом, префиксальные инновации демонстрируют, как деривационный механизм реагирует на происходящие в обществе процессы. На наш взгляд, в случае префиксального словообразования риск неверного / неточного декодирования сообщаемой информации будет минимален: приставки отличаются моносемантичностью, «они не столь “расплывчатые” и многообразны по значению, как суффиксы» [Земская 2010: 213]. Коммуникативные риски, связанные с функционированием в ме-

диатекстах префиксальных новообразований, как правило, обусловлены семантико-стилистическими характеристиками производящих слов (*антибуллинг, суперъястреб, сверхнахальство*). КР нежелательной читательской реакции (из-за нарушения критериев уместности, этической и эстетической приемлемости речи) провоцируются отрицательной экспрессивностью дериватов, усиленной их лексическим окружением, общей негативной оценочностью высказываний (*псевдолиберализм, квазипартии*). Рискогенными также следует признать префиксальные новообразования, негативная окраска которых направлена на конкретное лицо (*псевдо-коммунист, экс-министерша*). Кроме того, с точки зрения социальных рисков представляет интерес анализ многочисленных дериватов, демонстрирующих конфронтационную позицию общественных группировок по отношению друг к другу (*антицерковь, контринновационный*), характеризующих «болезненное» состояние современного социума, пропитанного искаженными и фальшивыми идеями (*промайдаанный, недо-революция*).

2.1.2. Суффиксальные новообразования

Высокопродуктивным способом словообразования является суффиксальная деривация, когда к основе производящего слова присоединяется словообразовательный формант — суффикс. Экспрессивность суффиксальных новообразований также может определяться их структурно-семантическими особенностями: семантикой и стилистической характеристикой суффиксов и производящих основ (слов).

Негативная оценочность присуща большинству новообразований на базе имен собственных с продуктивным суффиксом *-щин(а)*, со значением ‘бытовое или общественное явление, идейное или политическое течение, исторический период, характеризующиеся отношением к лицу, названному мотивирующим существительным (преимущ. с неодобрительной оценкой) [Лопатин, Улуханов 2016: 701]. Многие новообразования соз-

даются на базе имен собственных, называющих социально значимых или исторических лиц: *В 1993-м у Белого дома были те, кто недоволен ельцинским компрадорским капитализмом. Однако же их идеологией стала прохановщина, игра на имперском поле* (НГ, 09.11.2015) — дериват создается на базе имени политического деятеля А.А. Проханова, выступающего против либералов и являющегося главным редактором радикальной антилиберальной газеты «Завтра»; *Вся эта власовщина... мерзость, на которую не стоит тратить время* (Россия-1, 20.01.2009) — базой для новообразования становится имя советского военачальника А.А. Власова, в ходе Великой Отечественной войны перешедшего на сторону гитлеровской Германии; *Нам пытаются показать, что в Москве сплошная ходорковщина...* (Вести FM, 17.12.2019) — в основе деривата имя российского предпринимателя М.Б. Ходорковского, объявленного в 2015 г. в международный розыск.

Сочетаясь с именами собственными, экспрессивный суффикс участвует в создании негативно окрашенных производных. Возможность неудачи в процессе коммуникации видится нам в повышенной экспрессивности дериватов, уместность которых может быть по-разному воспринята массовым адресатом: такие новообразования в сознании аудитории вызывают исключительно негативные ассоциации, основанные на субъективном отношении журналистов к действиям (деятельности) лиц, имена которых стали исходными для новообразований.

Критерий понятности высказывания нарушается в следующем случае: *Тут долгая, безнаказанная, все контролирующая цапковщина в полный рост и полная уверенность духовно-патриотичных цапков* (НГ, 29.04.2017) — автор текста мотивирует дериваты именем собственным, которое сегодня уже неактуально для массового читателя: Сергей Цапков — лидер организованной преступной группировки в России, осужден в ноябре 2013 г.

Источником экспрессии в медиатекстах становятся многочисленные феминитивы, позволяющие журналистам передать

резко отрицательное отношение к «героине» повествования: «Сниженной стилистической окраской, определяющей их ограниченное употребление, характеризуются существительные женского рода, называющие лица по профессии и роду занятий» [Плотникова 2015: 61]. Для выражения личной неприязни используются новообразования разговорно-просторечного характера с разговорным суффиксом **-ш(а)** с семантикой ‘лицо женского пола, характеризующееся отношением к тому, что названо (кто назван) мотивирующим словом’ [Лопатин, Улуханов 2016: 693]: *Писк юной хипстерши, раздающей банальные истины* (Завтра, 08.09.2018) — о певице Монеточке (Елизавете Гардымовой); *Отповедь «оскорбленных представителей русского народа» не заставила себя ждать, как и оперативная реакция расширившей свои полномочия МИДовской спикерши* (МК, 20.03.2018) — о российском дипломате Марии Захаровой; *Самыми сексапильными депутатшами, по мнению коллег-мужчин, признаны прошедшие в Думу по спискам «ЕР» актрисы Мария Кожевникова и Мария Максакова, чьи откровенные фото публиковали в мужских журналах* (АиФ, 11.07.2012). Негативная оценочность таких образований, на которую работает стилистическая окраска суффикса **-ш(а)**, открывает возможности их экспрессивного использования. Феминитивы, образованные от стилистически нейтральных имен существительных мужского рода (*хипстер, спикер, депутат*), в медиатекстах приобретают неодобрительную, уничижительную коннотацию, тем более рискованную потому, что указываются имена лиц, в отношении которых журналисты дают негативные оценочные характеристики.

Риск негативной реакции получателя информации актуализируется при использовании журналистами отрицательно коннотирующего суффикса **-оид**, имеющего семантику подobia: *Причем, обнулив приморские выборы, Москва показала готовность не цепляться за кандидатов и начать с чистого листа. Это действительно ловкий ход, выбивший все козыри из рук оранжюидов* (Завтра, 25.09.2018) — о сторонниках Оранжевой

революции; *За что либерал-ельциноиды так ненавидят Путина?* (Завтра, 01.07.2016) — о сторонниках Бориса Ельцина; *Если «клинтоноиды» делали ставку против России, рассчитывая свалить Путина и уничтожить «ось Пекин-Москва», то «трамписты», судя по всему, нацелились на континентальную Европу* (Завтра, 28.09.2017) — о сторонниках Хиллари Клинтон. Авторы публикаций явно намекают на то, что в людях, относящихся к данным группам, нет ничего человеческого, хотя они и являются разумными существами. Абсолютно правы исследователи, отметившие, что «тексты, которые включают в себя экспрессивизмы, обозначающие внешнюю и внутреннюю несостоятельность человека, обычно способствуют инвективизации имен с финалями **-oid**, **-oid**, их трансформации в этические пейоративы активного неуважения» [Радбиль, Рацибурская 2017: 37].

Новообразования, созданные на базе ключевых онимов эпохи, «обладают способностью интенсивно воздействовать на восприятие медийных текстов, вызывая у их реципиентов острые негативные интеллектуальные и эмоциональные реакции. Кроме яркой выразительности и отрицательной оценочности эти неодериваты несут богатую социально-культурную информацию об общественно-политической обстановке» [Коряковцева 2016: 119].

В ряде случаев изначально безоценочные суффиксы участвуют в создании новообразований с негативной оценкой, которая может быть обусловлена мотивирующей семантикой и / или контекстом. Например, новообразования с продуктивным суффиксом **-(из)ациj(a)**, который используется для производства отвлеченных существительных с семантикой ‘действие или состояние, характеризующееся отношением к предмету, явлению, названному мотивирующим существительным’ [РГ 1980]: *Если по аналогии предположить, что у подавляющего большинства населения изначально, где-то в зародыше, присутствует вирус скотинизации, то крайне наивно полагать, что излечить его возможно точечными инъекциями* (Завтра, 26.10.2017); *Ведь за-*

щита прав личности, в том числе и гей-личности, — это одно, а педерастизация массового сознания — совсем другое (Завтра, 27.11.2013). Новообразования *скотинизация* и *педерастизация* созданы на базе инвектив *скотина* ('грубый, низкий, подлый человек') и *педераст* ('тот, кто предается педерастии') [БТСРЯ 2014]. Именно инвективы формируют рискогенность указанных суффиксальных новообразований: журналисты рискуют вызвать недовольство адресата оскорбительными лексемами. Кроме того, ингерентная экспрессивность новообразования *скотинизация* усиливается посредством метафорического поля, имеющего отношение к «болезни» общества — *вирус скотинизации*. В публицистике такие метафоры имеют глубокие корни, они начинают использоваться тогда, когда общество уподобляется живому организму, подвергнутому негативному влиянию. Это семантическое поле сегодня успешно внедрилось в общественно-политическую сферу, особенно часто используется в оппозиционной публицистике.

Инновации с суффиксом *-(из)аццuj(a)* не всегда можно однозначно «расшифровать»: *Оказалось, что вербальное самовыражение мешает коллекционированию случайных фактов, поверхностным оценкам, клиповому сознанию, неумению концентрироваться на объекте дольше минуты, мемизации памяти и возврату к стадному мифологическому мышлению* (НГ, 22.08.2018) — имеется в виду восприятие и запоминание информации посредством мемов (англ. *meme* — 'единица передачи культурной информации'). Дериват на базе мотивирующего *мем* может не понять часть читательской аудитории, так как исходное слово не так широко распространено в печати, как в интернет-пространстве. Опасность состоит в том, что в настоящее время люди, не общающиеся в интернете, испытывают все больше трудностей в понимании медийных текстов. Наблюдается нарушение критерия понятности (ясности) высказывания, актуализирующее риск полного непонимания / неправильного понимания сообщения. Именно о таких неологизмах писала Е.А. Земская, отмечая, что они не соответствуют требованиям

социальной коммуникации: «Они употреблены всерьез, а лишь шутовскость могла бы быть оправданием их включения в текст» [Земская 2010: 226].

В новообразованиях с безоценочным суффиксом *-ость* со значением отвлеченного признака или состояния [СТСРЯ 2006] негативная оценка, граничащая с грубостью, а, следовательно, не исключающая рискогенность, может быть обусловлена семантико-стилистическими свойствами мотивирующего слова: ...*следствие ее* (Н. Савченко. — Авт.) *общей тряханутости головой* (Вести FM, 23.03.2018) — авторский неологизм получает значение ‘ненормальность, помешанность’, что может оскорбить человека, находящегося в фокусе внимания журналиста.

Существительные с суффиксом *-иан(а)* называют ‘произведения, посвященные историческому лицу, названному мотивирующим словом, а также совокупность изданий сочинений этого лица’. Мотивирующие — собственные имена, преимущественно фамилии [РГ 1980]. В контексте статей оппозиционных газет новообразования с этим суффиксом обладают выраженной социальной оценкой: *Нежность к палачам в нынешнем сезоне обрела новые краски. Сокровищница сталинианы* пополнилась уже не самим Иосифом Виссарионовичем, а его тенью (НГ, 25.12.2017). Употребление деривата в контексте с общей негативной модальностью способствует приобретению новообразованием дополнительной экспрессии. Враждебное отношение журналиста к мотивирующему антропониму *Сталин* распространяется на производное слово. В свою очередь, это обуславливает рискогенность новой номинации по отношению к тем носителям языка, которые не согласны с негативной оценкой деятельности данной исторической личности.

Увеличение числа новообразований, номинирующих лиц, связано с процессом субъективизации медийного дискурса, возрастающей ролью автора: «Рост личностного начала в современном словообразовании проявляется в словообразова-

тельной активности суффиксов *-ец, -(н)ик, -щик(-чик), -ист, -ант*, образующих наименования лиц» [Николина, Рацибурская 2017: 46].

Лексическое значение производящей основы, а также окружающий контекст определяют отчетливую социальную оценочность именных образований с суффиксом *-тель*, обозначающих ‘лиц, принадлежащих к той или иной профессии, занимающихся той или иной деятельностью, характеризующихся определенными поступками’ [СТСРЯ 2006]: *Люди, жизненное кредо которых быть либеральными, независимыми от власти, агитировать за «невидимую руку рынка», а, значит, зарабатывать самим и платить налоги, оказались самыми жадными и голодными прожирателями государственной казны* (Завтра, 13.06.2017) — отглагольный дериват *прожиратель* обладает явной оценочностью благодаря мотивирующему *прожрать* (груб. прост. ‘истратить на еду’ [СРЯ 1981—1984]), на повышение экспрессивности нового слова также влияют оценочные прилагательные *жадные* и *голодные*. Новообразование с суффиксом *-тель* получает ироническое переосмысление, с оттенком пренебрежительности. Ироническая оценочность визуального слова с суффиксом *-тель* также может передаваться производным от него новообразованиям: *Человек привык к тому, что есть небожительный губернатор* (НТВ, 14.11.2019).

Иронически-уничижительную окраску нередко приобретают дериваты с суффиксами *-щик (-чик)*, обозначающие ‘лицо, характеризующееся отношением к предмету, явлению, названному мотивирующим словом’ [РГ 1980]: *А вот расхожие доводы непримиримых караул-патриотов и записных всевропальщиков — типа «путин все слил», «коррупция рулит» и «экономика мертва» — напротив, кажутся мне надуманными, непрофессиональными* (Завтра, 26.02.2016) — так журналист отзывается о приверженцах либеральных взглядов. Оценка со знаком минус новообразования, созданного сложно-суффиксальным способом, заложена в мотивирующем словосочетании *все пропало*. Она значительно усиливается посредством контекста: *непримиримые*

караул-патриоты, записные (разг. ‘заядлые, отъявленные’ [СРЯ 1981—1984]). В данном случае также наблюдается отклонение по линии производящей основы: дериват мотивируется словосочетанием, что для данного типа не характерно.

Эмоционально усиленные посредством контекста новообразования *прожиратели* и *всепропальщики* приобретают статус агрессивных номинаций-ярлыков, сомнительных с точки зрения уместности, этичности, эстетичности речи. Такие номинации с большой степенью вероятности вызовут неодобрительный отклик читательской аудитории.

С помощью суффикса **-ец** образуются дериваты с семантикой ‘лицо, принадлежащее к группе людей, общественно-политическому движению, этническому сообществу’ [СТСРЯ 2006]. Данный суффикс может присоединяться к основам личных имен собственных как исконного, так и иноязычного характера. В свою очередь, отыменные новообразования, особенно новообразования от имен собственных, актуальны для медиадискурса, так как «название, обозначение сторонника или противника является отправным пунктом любого идеологически заряженного сообщения» [Трошкина 2004: 158]: *В этом отношении показателен успех «жириновцев», которые отпраздновали победу сразу в двух регионах* (Завтра, 26.09.2018) — о членах партии ЛДПР, лидером которой является В.В. Жириновский; *Улюкаевец из «Сколково» назначен на пост имуществва и земли Крыма* (АПН-Северо-Запад, 23.12.2016) — дериват создается на базе имени российского политического деятеля А.В. Улюкаева, осужденного в 2017 году за взяточничество; *Верный эрдоганец привел убедительный, на его взгляд, аргумент в пользу допустимости вовлечения во власть членов семьи* (Новое время, 27.01.2015) — о стороннике политики президента Турции Реджепа Эрдогана.

Обычно такие суффиксальные дериваты эмоционально заряжены, передают информацию о прагматических интенциях адресанта: *Он же сообщил прессе, что среди «секторовцев» в Закарпатье есть «ранее судимые лица, негодные*

к военной службе, беглецы, уклоняющиеся от призыва»... (СС, 04.08.2015) — о сторонниках украинской политической партии «Правый сектор»; *Нельзя судить об многослойных отрядах правосеков или **свободовцев** и прочих нациков по численности бойцов* (Завтра, 08.12.2016) — так автор называет членов украинской радикально-националистической партии «Свобода». Распространению негативного значения на дериват способствует объединение в один ряд слов *правосеки, свободовцы, нацики*. Это так называемая квазисинонимическая ситуация: «Оказавшись в квазисинонимической ситуации, данное слово “впитывает” в себя негативную коннотацию квазисинонимов» [Клушина 2000]. Как отмечает Н.И. Клушина, такой прием удобен для журналистов: он помогает избежать уголовного наказания, так как прямого оскорбления кого-либо в тексте нет. Однако, по нашему мнению, данный фрагмент обладает рискогенностью, он неприемлем с точки зрения этических принципов.

Безоценочный суффикс *-ист* служит для образования имен существительных мужского пола с общим значением ‘лица, которое характеризуется отношением к определенной сфере занятий, общественно-политическому, идеологическому, научному направлению, а также к предмету, отвлеченному понятию, бытовому явлению, предприятию или учреждению, названным мотивирующим словом’ [СТСРЯ 2006]. В текстах СМИ нередко встречаются суффиксальные образования такого типа, мотивированные именами собственными: *Не все **трамписты** — идиоты* (НГ, 14.11.2016); *Навальнист задержан за нападение на журналиста* (Завтра, 02.02.2018). Негативная оценочность новообразований с суффиксом *-ист* поддерживается контекстом. Журналисты с помощью «упрощенной номинации» (по Н.И. Клушиной) обозначают своих идейных противников: отрицательная экспрессия дериватов обусловлена отношением автора к мотивирующим их антропонимам — *Дональд Трамп, Алексей Навальный*. Отыменные новообразования вновь используются в качестве идеологического средства воздействия на

аудиторию, что может спровоцировать КР нежелательной реакции реципиента.

Рискогенностью, связанной с выражением открытой неприязни к конкретному человеку, могут обладать разговорные наименования лиц женского пола с суффиксом **-к(а)**, имеющие оттенок пренебрежения, значительно усиленный контекстом: *Единственное послабление, которое милостиво согласилась внести **единоросска**, заключается в том, что уведомление о проведении такой встречи должно подаваться не позднее, чем за семь дней* (НГ, 04.02.2017) — о политическом деятеле Ирине Белых; едкая ирония заложена в значении устаревшего наречия *милостиво* (‘о выражении снисходительности, благосклонности’ [СРЯ 1981—1984]). Экспрессивное лексическое окружение также негативизирует феминитивы с суффиксами **-есс(а)**, **-ин(я)**: *Особенно много об этом говорит наша ярая феминистка Мария Арбатова и рьяная либеральная **«политикесса»** Ирина Хакамада* (НГ, 31.01.2018) — в контексте иронически используются прилагательные *ярый* (‘страстно преданный чему-л., упорно придерживающийся чего-л., увлекающийся чем-л.’) и *рьяный* (‘очень усердный, ретивый, с увлечением занимающийся чем-л.’ [СРЯ 1981—1984]); *Долго все сходило ей с рук, поскольку она обычно умучивала простых крестьянок, а сама была **«олигархиней»**, как сказали бы сейчас* (Завтра, 01.11.2017) — в контексте, характеризующем героиню, используется инвектива *умучить* (устар. ‘истязаниями, мучениями лишить жизни; замучить’ [СРЯ 1981—1984]); *«Наши дети и внуки владеют иностранными языками!» — радостно вещала **педагогиня*** (Завтра, 17.03.2016) — негативная оценка новообразования актуализируется ироническим переосмыслением глагола *вещать* (устар. и высок. ‘говорить что-л. значительное, важное’ [СРЯ 1981—1984]).

Таким образом, многие новообразования с безоценочными суффиксами со значением лица приобретают в медийных текстах отрицательную оценочность, используемую с целью воздействия на массовую аудиторию. Давление, оказываемое

журналистом на адресата, провоцирует риски, связанные с возможным неприятием читателем тенденциозной авторской позиции.

Итак, повышенная экспрессивность суффиксальных новообразований, провоцирующая риски нежелательной реакции читателя, может быть связана с семантико-стилистической характеристикой суффикса (*прохановщина, депутатша*), мотивирующей основы (*недерастизация, всевропальщики, прожиратели*), а также с особенностями того контекста (или ситуации), в котором функционирует новое слово. Неверное / неточное восприятие информации возможно в том случае, когда мотивированное слово производится на базе неактуальных имен собственных (*цапковщина*), неспецифической лексики (*мемизация*). В условиях современного медиадискурса отрицательные коннотации получают суффиксальные инновации, обозначающие наименования лиц (*свободовцы, спикерша, единоросска, трамписты*). Резко негативная, рискогенная экспрессивность таких новообразований во многом определяется их контекстуальным окружением, а также обусловлена воздействием экстралингвистических социально-культурных факторов.

2.1.3. Новообразования аффиксоидного типа

Промежуточную, «особую зону словообразования, пограничную между словосложением и аффиксацией» [Земская 2009: 119], занимают аффиксоиды. Аффиксоид (ср. греч. *eidōs* — ‘вид’) — ‘похожий на аффикс, напоминающий чем-то аффикс, имеющий вид аффикса’ [Немченко 1994: 60]. Это гибридный тип морфем, сочетающих в себе значение корневых морфем и регулярность аффиксов.

Аффиксоиды иноязычного происхождения проявляют словообразовательную активность в текстах общественно-политических изданий, что, в первую очередь, является отражением процесса интернационализации языка. Этот процесс протекает

в условиях глобализации мирового пространства, возрастающей международной интеграции, интенсивного развития межнациональных контактов (языковых, социальных, культурных и др.). В пространстве социума появляются новые явления, следовательно, возникает потребность в их номинации. Вместе с тем наряду с номинативной функцией новообразования с аффиксоидами становятся средством экспрессивизации медиатекстов.

Геополитические факторы повлияли на распространенность префиксоида *евро-* ('европейский' [АРЯ 2009]): *Евроармия* (заголовок). В *Европе может появиться единый оборонный союз — конкурент НАТО* (НВ, 24.10.2016). Особенная экспрессивность присуща новообразованиям, задействованным в создании развернутых метафор: *Евроловушка* (заголовок). *Вступил в ЕС — получил проблемы. И поначалу все действительно шло прекрасно. <...>. Страна всю пользовалась европодачками, благодаря чему в Португалии появились современные автотрассы, а в экономику потекли дешевые кредиты* (НВ, 28.01.2019) — негативная оценка дериватов заложена в семантике мотивирующих слов — *ловушка* (перен. 'опасное место, откуда зачастую нет выхода, где грозит неизбежная гибель'), *подачка* ('то, что дается из жалости') [БТСРЯ 2014]. Посредством новообразований авторы пытаются обличить обманчивую привлекательность проводимой странами ЕС международной политики: *Украинцы копируют польский «еврорай». А в нем пусто! Как поляки стали главными «понаехавшими» в Британии* (КП, 26.09.2016) — в контексте дериват приобретает ироническое звучание, связанное с контрастом переносного значения мотивирующей лексики *рай* ('хорошие условия для существования' [БТСРЯ 2014]) и реальным положением дел (миграция поляков). В данном примере противоречит действительности и значение компонента *евро-*, в сознании носителей языка соотносимое с такими характеристиками, как лучший, высококачественный. В двух последних контекстах отмечается необъективность, предвзятость журналистов в информировании аудитории, их

стремление негативизировать образ того, о чем идет речь. Нарушается критерий этичности речи, актуализирующий КР негативного читательского отклика.

Префиксоид **кибер-** изначально был необходим для номинации явлений, имеющих отношение к эпохе высокоразвитых технологий, однако журналисты стали активно эксплуатировать его для создания негативно окрашенных обозначений: **Кибер-преступник** (заголовок). *Павел Врублевский: суперагент или жертва ФСБ?* (НГ, 30.11.2012); *Вторжение кибервандалов* (заголовок). *Роскомнадзор пытается сломать интернет. Как защищаться?* (НГ, 25.04.2018); *Вроде кибершантажа — когда зараженные вирусами компьютеры требуют от пользователей перевода денег на биткоин-кошельки* (НГ, 31.07.2017); **Кибер-орда** (заголовок). *В мире действуют не единичные хакеры, ворующие данные кредиток, а мощные преступные группировки* (НГ, 28.06.2017). Негативная экспрессивность новообразований заложена в семантике мотивирующих слов — *преступники, вандалы, шантаж, орда*. Первостепенная задача журналистов — убедить читателя в том, что все неблагоприятные явления, происходящие в общественном пространстве, постепенно переходят и в пространство интернета, он перестает быть свободным и независимым. Подобное нагнетание отрицательно заряженной информации может нести коммуникативные риски, связанные с неприятием авторской позиции, ее отторжением.

Характер исходных слов может определять оценочность новообразований с актуальными заимствованными префиксоидами. Препозитивный элемент **нано-** (греч. *nanos* — ‘гном, карлик’) указывает на отношение к сфере нанотехнологий, формант активизировался в связи с достижениями современного научного прогресса: **Наноизоляция** (заголовок) (НГ, 04.12.2017) — так журналист определяет процесс, когда Россия фактически оказывается отделенной от научно-технических достижений западных стран. Нейтральный префиксоид **эко-**, обозначающий явления, относящиеся к области экологии, служит средством оценки благодаря сочетанию с существительными *шок, паника*: **Экошок**

(заголовок). *В заповедниках теперь можно вести строительство и сдавать землю в аренду* (НВ, 19.09.2016); *Сеять эконанику не следует* (Россия-1, 01.03.2020).

Новые экспрессивные единицы активно создаются с участием префиксоида **теле-** с семантикой ‘телевидение, телевизионный’, а также ‘действующий на дальнее расстояние, осуществляемый на расстоянии’ [СТСРЯ 2006]: *За теми исключениями, когда вопрос не потребует выбора между более серьезными вещами, чем телеболтовня* (Завтра, 17.01.2019); *Нам показывают в телеящике разухабистых бабенок в поневах из занавесочной ткани, а мы презрительно фыркаем в сторону якобы русского народного* (Завтра, 08.10.2015) — мотивирующие болтовня (‘многословие, пустословие’) и ящик (перен. пренебр. ‘то же, что телевизор’) [БТСРЯ 2014] придают медийным новообразованиям оттенок пренебрежительности. В других случаях происходит обратное: *Впрочем, он старается и в других своих произведениях не снижать градус мракобесия, что, видимо, и позволило голосовавшим назначить Прокопенко главным телепросветителем страны* (НГ, 05.10.2017) — исходное существительное просветитель с мелиоративной коннотацией иронически переосмысливается автором, на что указывает и контекст: (градус) мракобесия (‘взгляды и образ действий мракобесов’ [СРЯ 1981—1984]).

Коммуникативный риск вызова читательского негатива в указанных случаях обусловлен подчеркнутой авторской тенденциозностью, необъективностью, категоричностью высказываемых заявлений. Посредством экспрессивных мотивирующих основ новообразования с префиксоидами **кибер-, нано-, эко-, теле-** приобретают статус отрицательно заряженных ярлыков для номинируемых событий, явлений, конкретных лиц.

Новообразования с префиксоидом **нео-** со значением ‘новый’ [РГ 1980] нередко за счет мотивирующих приобретают коннотативную составляющую, которая может быть воспринята в ироническом или пейоративном ключе: *Даже кипрский прецедент 2013 года не пошел «необандеровцам» и «необуратицам» впрок*

(Завтра, 10.02.2015) — новообразование *необуратины* ассоциативно связано с вымышленным сказочным персонажем, поэтому иронически окрашено, а дериват *необандеровцы* имеет неодобрительную окраску, обусловленную ввелингвистическими факторами: *бандеровцы* (или *бандеры*) — сторонники Степана Бандеры, профашистского лидера времен Великой Отечественной войны. *Необандеровцами* в современной публицистике называют участников военно-политических формирований на Украине. Использование оценочных новообразований в качестве однородных членов обусловило рискогенность авторской позиции. Журналист явно стремится дискредитировать, даже оскорбить предмет речи.

Множество экспрессивных инноваций создается посредством интернационального префиксоида **крипто-** (от греч. *krypto* — ‘тайный, скрытый’). Его активность объясняется популярностью неологизма® *криптовалюта* — это вид цифровой валюты, создание и контроль за которой базируются на криптографических методах [ССЛЖС 2014]. В некоторых случаях журналисты находят весьма оригинальную форму для использования иноязычного элемента: *Британские банки не подвержены криптостраданиям* (Коммерсантъ, 24.10.2017) — журналист иронизирует по поводу жалоб британских криптовалютных компаний, вынужденных открывать счета за границей.

В отличие от предыдущих компонентов, префиксоид **нарко-** изначально несет в себе негативную сему: он служит для обозначения ‘предметов и явлений, имеющих отношение к производству, продаже и употреблению наркотиков’ [Крысин 2000]. Логично, что такая противозаконная деятельность осуждается общественностью: *Синтетический наркотрафик: Украина сделала серьезную заявку на лидерство* (Завтра, 20.02.2018); «*Нарковорота*» в Соединенные Штаты (АиФ, 19.09.2018). Предполагаем, что подобные новообразования являются элементами скрытого воздействия, манипуляции: коммуникативное намерение адресанта как бы маскируется под простое информирование, а «языковые средства подбираются таким образом, чтобы

вызвать у адресата негативные чувства и эмоции» [КРР 2003: 562—564].

Семантико-стилистические особенности производящих слов обусловили повышенную отрицательную оценочность следующих дериватов с префиксоидом *нарко-*: *Актриса угодила в жуткий наркоскандал* (НТВ, 03.10.2019) — негативной коннотацией обладает мотивирующее существительное *скандал*; *На этом пути ждут враги. Их много, они разные. Бандюги на колесах, «оборотни в погонах», наркошваль с ядом в руке, чиновник со взяткой в кармане, «освободитель» с гринкартой* (Завтра, 13.07.2011) — экспрессивность деривата создается ярко выраженной негативной семантикой мотивирующего *шваль* (разг. сниж. ‘негодный, ничтожный человек’ [СТСРЯ 2006]), а также значительно дополняется контекстом с инвективными лексемами — *бандюги, яд, взятка*.

Дериваты с компонентом *лже-* с семантикой ‘неистинности, ложности’, с одной стороны, могут обозначать те объекты, деятельность которых порицается членами общества по объективным причинам, поэтому негативная оценка, передаваемая журналистами, уместна: *Прекращена деятельность более 200 лжефирм, участвовавших в его незаконных схемах* (НГ, 14.11.2016); *Лжебанки атакуют* (заголовок). *Количество выявленных ЦБ кибермошенников выросло в семь раз* (Известия, 12.11.2018); *Лжемедики в Кирове, лжеврачи обманывали пенсионеров* (Первый канал, 15.08.2018).

С другой стороны, такие новообразования участвуют в выражении субъективной социальной оценки: *И, наконец, очередной провал лже-либералов — это история про несчастного арбатского мальчика* (Завтра, 13.06.2017); *Нечто похожее Россия уже проходила в 90-е годы. Хищнические и компрадорские замашки лжеэлиты привели к геноциду* (Завтра, 20.09.2016). Наблюдается агрессивная направленность дериватов *лже-либералы* и *лжеэлита*, авторское стремление понизить статус номинируемого в восприятии читателя. Инновации характеризуются рискогенностью (в первую очередь, нарушение критерия корректности):

адресат может не согласиться с оскорбительной интонацией, выбранной журналистом, и отказаться от дальнейшего прочтения статьи. Хотя и не исключаем, что может произойти обратное.

Новообразования с префиксоидами **евро-, кибер-, нано-, эко-, теле-, нео-, крипто-, нарко-, лже-** характеризуются эмоциональной окрашенностью, они активно включаются в политико-идеологическую борьбу, наблюдаемую в медийном пространстве. Экспрессивность инноваций во многом определяется коммуникативной политикой изданий, а также теми событиями, которые происходят в обществе. Предполагаем, что новообразования такого типа могут стать причиной нежелательной реакции адресата, обусловленной эмоциональной перегруженностью фрагментов, которая способна вызвать удручающее впечатление об окружающей действительности у получателя информации.

При использовании указанных выше префиксоидов могут иметь место и другие коммуникативные риски. Например, на волне своей популярности префиксоид **крипто-** стал проникать в тексты, совершенно не связанные с компьютерной тематикой: *База флота в криптодолине* (НГ, 28.02.2018) — поводом для написания статьи послужило заявление В.В. Путина о том, что ошибочно развивать Севастополь исключительно как военную базу. Четких оснований для использования именно этого префиксоида в заголовке статьи нет: в дальнейшем журналист рассматривает инвестиционный климат города, проблемы с предоставлением земельных участков, развитие малого бизнеса и пр. В публикации отсутствует информация о развитии криптовалютных компаний.

Неясность присуща заголовку *«Фокстрот для нанонародной артистки»* (МК, 17.04.2017) — в материале журналист пишет о юбилее Светланы Немоляевой. Непонятно, чем руководствовался автор в процессе создания деривата с префиксоидом **нано-**, а также, каким образом новое слово соотносится со всем текстом. В указанных примерах высок коммуникативный риск непонимания или неправильного / неточного понимания читате-

лями заголовков, их связи с последующим текстом из-за смысловой неопределенности производных слов.

В следующем фрагменте адекватной интерпретации всего медийного сообщения препятствует избыточная метафоричность, формирующая экспрессивность нового слова: *Еврофлюс, надутый под давлением американской администрации, созрел* (НВ, 16.03.2015) — журналист в целях экспрессии обращается к семантическому полю, имеющему отношение к теме «болезни» общества (государства, политического строя). Такое эмоциональное физиологическое сравнение имеет мощное негативизирующее воздействие, но, по нашему мнению, подменяет собой реальные факты, которые могли бы подтвердить авторскую позицию; провоцируется риск неполного / неточного понимания медиатекста реципиентом.

Представлены в медиатекстах также новообразования суффиксоидного характера. Постпозитивные заимствованные морфемы позволяют журналистам создавать емкие номинации, избегая сложносоставных конструкций, затрудняющих восприятие текста. Но используются они не только для номинации объектов, лиц, явлений или событий, но и для их оценочной характеристики.

Так, возросла продуктивность заимствованного суффиксоида *-гейт*, у которого в качестве этимона в словаре АРЯ «приведено существительное *Уотергейт* ‘политический скандал в США (в 1972—1974 гг.)’» [АРЯ 2009: 57]. Производные лексемы обозначают громкий политический скандал, запутанное дело, чаще всего связанное с именем главного действующего лица, с названием фигурирующей в деле организации или с местом события: *Чем закончился Сердюковгейт* (СС, 10.03.17) — на базе антропонима А.Э. Сердюков; *Все это, получившее название Скрипальгейта, уже порядком надоело* (НТВ, 09.02.2019) — от имени С.В. Скрипаля — разведчика, обвиненного в России в государственной измене; *Баишефтегейт* (заголовок). *Скандал с «Баишефтью» и «Лукойлом» продолжается* (НВ, 26.10.2018) — на базе аббревиатурного наименования нефтяной компании

«Башнефть»; **Алтайгейт** (заголовок). *Последняя глава* (НГ, 17.02.2017); **Чечен-гейт** (заголовок). *Как следователи доказали, что в Чечне пытали и убивали геев и почему не стали возбуждать уголовное дело* (НГ, 24.12.2018) — на базе топонимов Алтай и Чечня; *Бывшего мэра Нью-Йорка затянуло в воронку Украина-гейта* (Россия-1, 11.10.2019); **Украина-гейт** *может быть разрушительнее, чем рашиа-гейт* (НТВ, 06.10.2019); *Буквально на следующий день американский Минюст выпустил датированный 9 декабря отчет по расследованию роли ФБР в раздувании «Рашиагейта» по итогам президентской кампании 2016 года* (Завтра, 18.12.2019). Зафиксирован случай, когда мотивирующим словом стало название фармакологического препарата: **Мельдонийгейт** (заголовок). *Допинг-скандал с российскими спортсменами — заговор Запада или собственная беспечность?* (НВ, 14.03.2016).

Исследователи не без причин говорят о манипулятивной природе дериватов с компонентом **-гейт**. Размытость лексических значений названий скандалов с этим суффиксоидом делает их весьма удобным средством создания ложных аллюзий при манипуляции общественным мнением, активно осуществляемой СМИ [Коряковцева 2018: 22]. В эпоху глобализации, постмодерна и «медийного бума», когда экспрессивность и вербальная агрессия становятся нормами поведения, растет спрос на scandalальную информацию, представляющую мир в упрощенном виде [Коряковцева 2016: 37].

В качестве суффиксоидного можно рассматривать и популярное сегодня новообразование с компонентом **-мет** на базе частотного сленгизма *фейк* ('что-либо лживое, не соответствующее действительности, поддельное' [СТСРЯ 2006]), обладающего яркой негативной экспрессией: *Люди, которые, сидят дома, становятся все более и более подвержены фейккометам* (Первый канал, 02.04.2020); *Этим пользуются всевозможные фейккометы, то есть создатели лживых псевдоновостей* (Вести FM, 30.01.2019); **Фейккомет** *против фейков: украинский опыт зачистки информпространства для ЕС* (regnum.ru, 13.12.2018).

В целом, повышенная активность таких новообразований, характеризующих провокационное, аморальное поведение тех или иных социальных групп, приводит к нагнетанию негативной информации в текстах СМИ, что способно оказать удручающее воздействие на массовую аудиторию: вновь провоцируются риски социального характера.

Итак, новообразования, произведенные путем аффиксоидации, участвуют как в обозначении актуальных общественных явлений, так и в формировании отношения к ним. Признавая воздействующий потенциал таких инноваций, нельзя не отметить негативные моменты функционирования их в медиатекстах, провоцирующие коммуникативные и социальные риски: повышенная экспрессивность, агрессивность номинаций (*лжелибералы*), проблемы с определением денотата нового слова (*криптодолина*, *нанонародный*), доминирование негативно окрашенных лексем в медийных текстах (*Чечен-гейт*), их избыточная метафоричность (*еврофлюс*).

2.1.4. Новообразования, созданные путем сложения

Анализ медиатекстов показывает, что аффиксации по степени продуктивности не уступает такой способ словообразования как сложение или композиция (лат. *compositio* — ‘сложение’). Сложение — один из распространенных способов образования новых слов, в большинстве своем имен существительных и прилагательных. Это нетипичный способ образования глаголов и наречий [Земская 1973: 296—297].

Современные медийные тексты пестрят сложносоставными новообразованиями, первый компонент которых несклоняем и, как правило, имеет англо-американское происхождение. Их широкое распространение в речи Н.А. Николина связывает с усилением тенденции к аналитизму (*бизнес-клуб*, *Горбачев-центр*, *попкорн-аппарат* и др.) [Николина, Фролова, Литвинова 2005: 102].

Всемирная экспансия Интернета породила множество сложных дериватов с первой корневой частью **интернет-**: *интернет-индустрия*, *интернет-связь*, *интернет-провайдер*, *интернет-услуги* и др.. Авторская оценка освещаемого явления может быть заложена в семантике мотивирующих слов: *Как и зачем организуется интернет-травля* (НГ, 22.10.2018); *Навстречу интернет-феодализму* (СС, 29.07.2013); *Что такое интернет-пиратство?* (АиФ, 08.02.2012) — существительные *травля*, *феодализм*, *пиратство* имеют отрицательные коннотации, которые они сообщают и производным словам. В других случаях экспрессия создается контекстуальным окружением деривата: *У интернет-популистов, для которых самым злым врагом долгое время были лозунги Навального, сейчас рвется шаблон* (Завтра, 13.09.2018) — негативное отношение формируется словосочетанием, заимствованным из сферы психологии (*разрыв шаблона* — ‘разрушение устоявшихся представлений’).

В образовании новых слов проявляет продуктивность иноязычное производящее **пиар-** (от англ. *Public Relations (PR)* — ‘связи с общественностью’), кириллически освоенное, которое в некоторых новообразованиях имеет отпечаток гламурности, критикуемой автором: *Конечно, само нашествие рыбацкой армады на Лондон тоже было весьма дешевым пиар-трюком изоляционистов в духе того цирка, который был устроен в России с «забастовкой дальнобойщиков»* (Завтра, 30.06.2016); *Кремль дал Западу замечательную возможность объяснить, что случилось с «умеренной исламской оппозицией», — пиар-фантомом, который существовал только на страницах The Washington Post и Guardian* (НГ, 12.10.2016); **Пиар-банкиры** (заголовок). *Зачем Агентство по страхованию вкладов ввело общественность в заблуждение, объявив об аресте замка Шато де Гаро в Ницце?* (НВ, 17.06.2013); *Как в случае с Ирой Кудрявцевой и Сергеем Лазаревым придумывать пиар-романы* (Sunmag.me, 13.11.2019). Часто негативная оценочность производных поддерживается контекстом и семантикой мотивирующих — *дешевый, фантом, придумывать роман* и пр.

Учитывая популярность таких дериватов в текстах исследуемых СМИ, не можем не сказать о том, что бесконтрольное проникновение англицизмов в медиатексты несет КР непонимания, неполного понимания информации. При использовании иноязычных слов в языковых играх некоторые журналисты больше руководствуются модой: *На самом деле все эти медийные полиграфы полиграфычи выполняют две важные для Кремля пиар-задачи* (НГ, 15.02.2017).

При создании сложносоставных дериватов в качестве первых компонентов активно используются аббревиатуры: **ВИП-кочевники** (заголовок). *Как российские чиновники целыми командами мигрируют с одной должности на другую, при распределении госконтрактов не забывая земляков и бывших коллег* (НГ, 17.09.2018) — от английской аббревиатуры *VIP* (*very important person* — ‘очень важная персона’), автор явно иронизирует по поводу положения современных чиновников, сравнивая их с народом, ведущим кочевой образ жизни; *О выборах вообще как будто забыли, сегодня на повестке дня — пожар в Калифорнии, британская политика, ЛГБТ-беженцы в караване мигрантов и столкновения в Палестине* (Завтра, 04.12.2018) — в данном случае на иронию, которая может быть расценена читателем как отступление от этических норм, работает объединение семантики двух исходных слов — *ЛГБТ* (обозначение сексуальных меньшинств) и *беженец* (‘человек, покинувший место своего жительства вследствие какого-л. бедствия’ [СРЯ 1981—1984]); **ПАСЕ-мазохизм** (заголовок). *Почему Россия не выходит из Совета Европы?* (НВ, 06.07.2015) — в заголовке используется оценочный дериват, также противоречащий нормам этики: автор объединяет аббревиатуру, номинирующую один из главных уставных ведомств Совета Европы (Парламентскую ассамблею Совета Европы), и существительное *мазохизм* (‘получение морального удовлетворения от причинения себе нравственных страданий; самоистязание’ [БТСРЯ 2014]). Риск неточного или неверного понимания отаббревиатурных композитов может быть связан с использованием в их составе малоизвестной аб-

бrevиатуры, не расшифрованной автором в тексте статьи. Риск нежелательной реакции реципиента могут провоцировать композиты, обладающие выраженной негативной оценочностью: они противоречат критериям уместности и этической приемлемости речи.

Процесс снятия запрета на освещение ранее табуированных тем демонстрируют инновации с компонентами **секс-, гей-, порно-**: **Секс-скандал по-демократически** (НГ, 02.11.2016); *Дуэт тульских сутенеров отсидит на двоих 8,5 лет за отлаженный секс-трафик* (МК, 11.10.2018); *Если верить телеграмм-каналам, за «секс-зачисткой» топа «Газпрома» мог стоять не кто-нибудь, а вездесущий Роскомнадзор* (НВ, 19.12.2018); **Секс-инквизиция** (заголовок). *Юлия Латынина: нынешние процессы о харассменте полностью нарушают презумпцию невиновности. Мужчина стал заложником женщины* (НГ, 10.11.2017); *Певица из Spice Girls начала лечиться от секс-зависимости* (Lenta.ru, 28.08.2018); *Лазарев на «Евровидении» — это был Наш Человек в Гаване. Штирлиц в стане врага. Диверсант, заброшенный с парашютом в гей-логово* (НГ, 18.05.2016); *Так сказать, стать главным геборцами Северного Кавказа. Однако все это привело только к большой смуте в республиках СКФО и международным скандалам* (НВ, 25.12.201); **Порнополитический процесс** (заголовок). *Как Навальный добился своей цели, хотя тех, кого он критикует, принято не сдавать* (НГ, 12.02.2018); *Но все же оппозиционер сумел сделать из порноромана новость, оттеснившую на задний план официальную президентскую кампанию* (НГ, 12.02.2018). Такие новообразования нарушают критерий этической приемлемости речи, актуализируя риск нежелательной реакции адресата. Активно вовлекаясь в словообразовательные процессы, такая лексика, в сущности, утрачивает этические ограничения, становится средством осмысления окружающей действительности, что имеет явные негативные последствия социального характера.

Этот же коммуникативный риск отмечается в случаях, когда сложносоставные дериваты обладают выраженной экспрес-

сивностью за счет семантики одного из мотивирующих слов: *Единственным бенефициаром этих бомбардировок является Башар Асад. Он является нетто-бенефициаром. Мы являемся **брутто-лузером*** (НГ, 12.10.2016) — от существительного *лузер* (жарг. ‘неудачник, невезучий человек’ [ССЛЖС 2014]); ***Хурма-банк** (заголовок). Навязанные услуги становятся визитной карточкой Сбербанка и ВТБ?* (НВ, 09.04.2018) — производящий сленгизм *хурма* используется в значении ‘неприятность, неудача’ [ССМЖ 2006]; ***Быдл-класс** поднялся с колен* (заголовок). *Почему насилие стало нормой для российского общества* (НГ, 30.08.2017) — стилистически отмеченным является мотивирующее *быдло* (бран. ‘о тупых, безвольных людях, покорных насилию’ [БТСРЯ 2014]); *Куски такого государства приятно и полезно забирать себе — и все, кроме **морлоков-бандеровцев**, будут этому только рады* (НГ, 02.10.2017) — негативную семантику имеют оба мотивирующих: *бандеровцы* ввиду культурно-исторических причин, *морлоки* — перен. ирон. ‘пролетарий’ [БТСРЯ 2014]. Журналисты в достаточно категоричной форме пытаются навязать адресату негативное отношение к референту высказывания. Агрессивное речевое поведение, не подкрепленное реальными фактическими данными, а основанное только на эмоциях, вполне может обернуться негативной оценкой самого адресанта.

Автор может передавать свое неодобрительное отношение к освещаемому событию, провоцирующее риск читательского несогласия, благодаря объединению таких слов, сочетание которых противоречит законам логики: *У Австрии **бородато-женское** лицо* (МК, 19.05.2015) ← *бородатый* + *женский*, подобная номинация появилась благодаря образу «женщина с бородой», который был представлен на конкурсе «Евровидение — 2014» австрийским певцом Томасом Нойвиртом, более известным под псевдонимом Кончита Вурст; *Несмотря на некоторую комичность спецопераций по разоблачению **зефирно-маникюрных** притонов», граждане от такой активности ФНС серьезно нервничают и изобретают новые способы оставаться в тени*

(НГ, 05.12.2018) ← *зефирный + маникюрный*. В отдельных случаях реализацией словотворчества становится возникновение сложных прилагательных, созданных на базе трех и более компонентов: *Опять же сравните эти соглашения с постоянными **молочно-таможенно-морковно-сметанно-газовыми** войнами, которыми занимается Кремль, принимая мелкое хулиганство в песочнице за большую геополитику* (НГ, 19.11.2014). Дериват образуется на базе пяти адъективных основ. Прослеживается критическое отношение создателя текста к действиям власти в санкционном противостоянии России и стран Запада. Экспрессивность деривата создается за счет алогичного сочетания — в одном ряду расположены такие явления, как *молоко, таможня, морковь, сметана, газ*, а также усиливается посредством комичного сравнения (*геополитика — это мелкое хулиганство в песочнице*).

Следующий композит, взятый в качестве заголовка, обладает полиинтерпретативной семантикой: **Трампооткат** (заголовок). *Почему Трамп то грозит России, то извиняется?* (НВ, 04.05.2018). Негативная оценочность деривата обусловлена жаргонной маркированностью производящего *откат*: одно из значений существительного — ‘взятка должностному лицу’ [ССМЖ 2006]. По заголовочному комплексу сложно определить, каким образом исходное *откат* соотносится с именем собственным, обозначающим президента США Дональда Трампа. Констатируем наличие риска полного непонимания / неправильно-го / неточного / не совсем полного понимания высказывания.

Как отмечают исследователи, «подавляющее большинство сложных слов, появляющихся в современных СМИ, создано узуальными способами без нарушений словообразовательных норм» [Рацибурская 2006: 133]. При этом композиты способны нарушать (и нарушают) нормы коммуникативно-прагматические. В следующих примерах рискогенная экспрессивность именных и адъективных композитов обусловлена резко негативной семантикой мотивирующих слов, а также тем контекстом, в который помещается новое слово: *Однако оценки,*

аналогичные оценкам православных людей, дают данному мероприятию и влиятельные **дьяволопоклонники**, хотя они, конечно, оценивают шабаши, происходящие в ночь с 31 октября на 1 ноября, вполне позитивно (Завтра, 01.11.2017) ← поклонники дьявола; **Нефтьесвара** (заголовок). Чем чреват для России ближневосточный конфликт (НВ, 25.01.2016) ← нефтяная свара (разг. 'шумная перебранка, брань, ругань' [ТСРЯ 2008]); С точки зрения экспертного совета, они оказались менее достойными, чем, например, «Рецепты сотворения мира» Андрея Филимонова, где о Великой Отечественной войне говорится в **бодро-похабном** тоне (Завтра, 09.12.2018) ← бодрый + похабный ('непристойный, бесстыдный' [СРЯ 1981—1984]); Далее немного **маньячно-фашистской** философии (НГ, 16.02.2017) ← маньячный ('свойственный маньяку') + фашистский ('свойственный приверженцу фашизма') [СРЯ 1981—1984]; Вот на этот раз «посчастливилось» услышать от **чертоподобных** эховцев стенания по поводу открытия Крымского моста (Завтра, 20.06.2018) ← подобный черту; Некий **жабоподобный** ведущий (Вести FM, 15.01.2019) ← подобный жабе; **Бытовухосклично**го мусора в головах <...> достаточно, чтобы на этом биотопливе закрутился и стремительно начал набирать обороты маховик исторического отторжения (Завтра, 08.12.2016) ← бытовуха (просторечный субстантив с суффиксом **-ух(а)**, имеющий оттенок сниженности) + склочный (разг. 'склонный к склокам' [СРЯ 1981—1984]). Украинская тема остается **обоюдотоксичной** (Россия-1, 27.10.2019) ← обоюдно + токсичный ('ядовитый' [СТСРЯ 2006]).

Очевидна нацеленность новообразований на информационную борьбу между враждующими объединениями. Авторы используют площадку СМИ для транслирования наиболее выгодных для них мнений и позиций, у читателя нет альтернативных точек зрения для адекватной и беспристрастной интерпретации изложенного, что следует признать нарушением сразу трех критериев нормативности — уместности, эстетической и этической приемлемости высказывания.

Рискогенность другого новообразования-заголовка, обладающего негативной оценочностью, связана также с тем, что посредством нового слова неодобрительно характеризуется конкретное лицо, стоящее во главе дружественного России государства: *Хитробатька* (заголовок). *Лукашенко хочет печатать у себя российские рубли, но не хочет дружить с Россией* (НВ, 10.11.2014) ← *хитрый батька*, т.е. глава, 'скрывающий свои истинные намерения, идущий непрямыми, обманными путями к достижению чего-л.' [БТСРЯ 2014]. Подобные дериваты не способствуют гармонизации социально-политических отношений. Кроме того, они неприемлемы с позиций этических принципов журналистики.

Новообразования с компонентами *-ман(ия)*, *-фоб(ия)* также участвуют в выражении авторских оценок. Как правило, такие дериваты акцентируют внимание читателей на отрицательных явлениях в социуме. Компонент *-ман(ия)* может иметь значения: 'сильное влечение, пристрастие к чему-н.', 'болезненная склонность к чему-н.' [Крысин 2000]. В политическом дискурсе распространены дериваты с этим компонентом, мотивированные именами собственными: *Я осилила лишь фрагмент дня, посвященный феномену путинomanии* (НГ, 24.06.2015); *Клинтомания* (заголовок). *Почему публикация переписки Хиллари Клинтон снизила ее кандидатский рейтинг* (СС, 17.09.2015); *Нынешняя массовая «трампomanия» в российском политическом истеблишменте, особенно — в ее державно-патриотическом крыле и не менее массовая «трампofобия» со стороны отечественного «либерального сообщества»* (Завтра, 03.12.2016). Последний пример показателен тем, что строится на противопоставлении дериватов-антонимов: *-фоб(ия)* имеет противоположное компоненту *-ман(ия)* значение — 'нетерпимость, боязнь чего / кого-либо' [Крысин 2000].

В медийном дискурсе компонент *-фоб(ия)* эксплуатируется регулярно, наглядно репрезентируя взаимоотношения между конфликтующими сторонами: *Христофобия* (заголовок). *Протоиерей Димитрий Смирнов о скандале на радио «Куль-*

тура» (Завтра, 20.06.2018); *Самого-то Путина нет, а обложки западных изданий при этом пестрят его портретами. Что это, как не путинофобия?* (НГ, 08.04.2016); *ГМО-Фобия* (заголовок). *Почему в России не регулируются продажи генномодифицированной продукции* (НВ, 14.01.2013); *Фейкофобия* (заголовок). *Что ждет россиян после принятия Госдумой закона о фейковых новостях* (НВ, 07.03.2019); *И в этой ситуации русофобия стала главным оружием западных стран и присоединившихся к ним сателлитов против России. Полагаем, что правильнее эту войну против нас называть не русофобией, а Рософобией* (Завтра, 25.12.2019).

Популярность компонентов **-ман(ия)** и **-фоб(ия)** в медиатекстах при событийном информировании населения, предполагающем журналистскую объективность и отстраненность, демонстрирует воздействующую направленность сообщений, стремление создателей текстов формировать мнение читателей и управлять их поведением в своих личных интересах. Коммуникативный риск (возможность отрицательной реакции реципиента сообщения) сопрягается с рисками социальными: невозможность гармонизации коммуникативного процесса, адресант постоянно напоминает аудитории о психологических проблемах общества, членом которого является читатель.

Повышенный уровень рискогенности отмечается в том случае, когда сложносуффиксальные дериваты образуются от жаргонных и грубо-просторечных слов (словосочетаний): **Мочемордный мессия** (заголовок). *Майданная, как и большевистская беспощадно насильственная украинизация в Малороссии сделала не только саму «украинскую идею» омерзительной, но и выбрала для этого нравственно распущенных мессий* (Завтра, 09.10.2015) — прилагательное создается путем сложения компонентов словосочетания *мочить морду* (*мочить* — жарг. ‘бить’ [ССМЖ 2006]) и добавления суффикса **-н(ый)**. Показателен подзаголовок материала, в котором прослеживается дальнейшая инвективизация экспрессивного заголовка с участием новообразования: *украинизация беспощадно насильственная,*

идея омерзительная, мессии нравственно распущенные. В другом фрагменте экспрессивный дериват образуется путем сложения компонентов инвективного словосочетания *наглая морда* и нулевой суффиксации: *Ругаем **нагломордые** СМИ, а ведь как все наглядно — ложь, лицемерие, подлость, достоинства, стойкость, верность отеческим идеалам и духовным принципам* (Завтра, 08.12.2016). На усиление негативной экспрессивности нового слова также работает его контекстуальное окружение.

Таким образом, инвективные, просторечные и жаргонные лексемы активны в производстве экспрессивных композитов, и чаще всего именно они определяют рискогенность медийных новообразований рассматриваемого способа (*морлоки-бандеровцы, нефтесвара, мочемордный, чертоподобный*). Особенно это заметно, если экспрессивизации дериватов способствует их контекстуальное окружение. Но наряду с излишней негативной экспрессией, вносящей в медиатекст коммуникативный дискомфорт, композиты могут допускать неопределенность трактовки семантики слова или выражения (*трамплооткат, ЛГБТ-беженцы*). В этом случае интерпретация нового слова невозможна без прочтения медийного текста.

2.2. МЕДИЙНЫЕ НОВООБРАЗОВАНИЯ НЕСТАНДАРТНОЙ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ

Е.А. Земская справедливо назвала рубеж XX—XXI вв. «веком окказионализмов», понимая под окказионализмами слова, при образовании которых «произошло нарушение действующих в языке законов производства тех или иных единиц» [Земская 1973: 229]. К подобным дериватам ученые относят новообразования, созданные с нарушениями условий словообразовательного типа, а также новообразования, созданные по окказиональным моделям словообразования или с помощью окказиональных способов словообразования. Дериваты, нару-

шающие словообразовательные стандарты, обладают огромным воздействующим потенциалом, обусловленным их широкими экспрессивными возможностями: «Окказионализмы, созданные специфическими способами, — необъятный резерв экспрессивности. Эта экспрессивность — в их незаданности и неожиданности, в эффекте рождения сложного художественного образа» [Намиитокова 1986: 140].

Новообразования нестандартной словообразовательной структуры наиболее ярко демонстрируют процесс интенсификации рискогенности в медийных текстах. Поиск новых выразительных форм неизменно привлекает создателей текстов, толкает их на неоднозначные с точки зрения культурно-речевых норм словообразовательные эксперименты.

2.2.1. Новообразования, созданные с отклонениями от условий словообразовательного типа

Медийные новообразования могут создаваться с отклонениями от условий словообразовательного типа. При создании нового слова может отмечаться изменение характера мотивирующей основы: дериват образуется от основы иной семантики или иных лексико-грамматических свойств, чем определяют условия словообразовательного типа (СТ): *Квартирно жить не запретишь* (заголовок). *Как чиновники и депутаты отчитались о своих доходах* (Коммерсантъ, 14.04.2018) — в последнем примере оценочность деривата *квартирно* возрастает за счет использования прецедентного текста — устойчивого выражения *красиво жить не запретишь*. В заголовке автор фактически делает иронически-уничижительный вывод о недобросовестности чиновников и депутатов, что может стать причиной не только коммуникативных, но и социальных рисков (например, судебный иск к изданию о защите деловой репутации).

При словообразовании с участием онимов могут нарушаться системные семантические (лексико-грамматические) ограниче-

ния в сочетаемости морфем. Так, характер производящей основы меняется в существительных со значением ‘процессуальности’ с суффиксом **-(из)ациj(a)** — вместо имени нарицательного используется имя собственное. В подобных случаях могут возникать риски, связанные с невозможностью правильного восприятия сообщаемой информации: **Динамизация** (заголовок). *Совместительство и «пацанство» — два основных тренда российского хоккея последнего времени, похоже, себя окончательно исчерпали* (НГ, 06.04.2015) — производное от названия хоккейного клуба «Динамо». Семантизация новообразования в заголовке *«Карманный брокер: “уберизация” на биржевом рынке»* (Известия, 22.11.2018) может вызвать значительные сложности у российского гражданина. Для адекватного понимания текста читателю необходимо знать, чем конкретно прославилась американская международная компания Uber, и как методы, придуманные и реализованные Uber, стали использовать другие организации. Поскольку соответствующих пояснений в статье нет, констатируем наличие КР полного непонимания / неверного понимания медийного текста.

Нарушение семантической сочетаемости морфем обусловило появление следующего окказионального экспрессива, выражающего авторское неодобрение: *За это время на действующего президента налили надежды, ожидания, мечталки этой самой гламур-элиты, рассчитывавшей с помощью него легко избавиться от постылого Путина* (Завтра, 24.12.2011). Суффикс **-лк(a)** сочетается с основами глаголов, называющих физические действия (ср.: *веялка, молотилка, сеялка* и др.) [РГ 1980]; производящий глагол *мечтать* к данной группе не относится.

Системные отклонения также могут касаться словообразовательного форманта. Экспрессивность следующих новообразований обусловлена наличием «нетипичного» словообразовательного форманта, что создает трудности при восприятии адресатом содержания заголовка или текста в целом: **Ядовый потенциал** (заголовок). *Лондон устал от загадочных отравлений русских* (НГ, 11.09.2017) — словообразовательные правила

предписывают использовать другой суффикс **-овит-** (ядовитый); *Поэтому, я думаю, голоса записных критиканов, **нано-пятой колонны** — ибо больше перспектив у нас этой «пятой колонны» нет — они будут присутствовать в общей какофонии* (АиФ, 07.03.2014) — в данном случае префиксоид **нано-** семантически связан с устойчивым выражением «пятая колонна» («вражеская агентура внутри страны» [ФСРЯ 2007]). Автор иронизирует по поводу несостоятельности действующего лагеря оппозиционеров.

Новообразования *мечталки* и *нано-пятая (колонна)*, созданные с отклонениями от условий СТ, обладают повышенной экспрессивностью, обусловленной условиями их функционирования: в контексте присутствуют негативно оценочные характеристики (*гламур-элита, записные критиканы* и др.); журналисты рискуют вызвать неодобрение читательской аудитории.

Отступления от словообразовательного типа, связанные с характером производящего слова, демонстрируют очень популярные у журналистов дериваты на базе антропонимов: *Порошенко страдает комплексом **недоПутина*** (Вести FM, 26.03.2019); *А все хорошие хотят быть **недоЭрнстом!** — приводит журналистка слова Богомолова* (sm.news, 04.10.2019); *Теперь уже есть и **анти-Грета** Тунберг* (Россия 1, 01.03.2020); *Давайте пересмотрим итоги **чубайсятины** девяностых* (Вести FM, 22.01.2019).

Во-первых, отмечая явную выразительность указанных дериватов, нельзя не сказать о провоцируемых ими коммуникативных рисках: неполного, неточного, неверного понимания сообщаемой информации. Для адекватного восприятия новых слов читатель должен хорошо разбираться в политической и общественной обстановке в стране и мире, как минимум, знать о фигурах, обсуждаемых журналистами, их социальном статусе, осуществляемой деятельности: *Петр Порошенко* — бывший президент Украины, *Константин Эрнст* — российский медиаменеджер, *Грета Тунберг* — шведская экоактивистка; *Анатолий Чубайс* — российский политический деятель.

Во-вторых, использование антропонимов в качестве производящих связывается с прагматическими задачами: за дериватами закрепляются определенные коннотации, которые помогают автору реализовать воздействующую функцию медиатекста. Н.И. Клушина определяет две основные тенденции в функционировании антропонимов в современном газетном языке — это экспрессивная игра со словом и его идеологическое использование, «когда антропоним становится оценкой (часто противоречащей сложившемуся в обществе этическому канону), является грозным оружием в умелых руках журналиста» [Клушина 2002а: 53]. По мнению ученого, в случае идеологического использования антропонимов, что более характерно для СМИ современности, основную роль начинает играть оценка (политическая, идеологическая), превращающая имя собственное в ярлык. Именно поэтому считаем, что такие новообразования в медийных текстах способны провоцировать КР негативной реакции получателя информации.

Новообразования на базе антропонимов редко имеют нейтральную тональность: «Они всегда оценочны, “насыщены” отношением к обозначаемому имени. Причем оценки могут быть разными и зависят от того, кто создает слова — сторонники или противники именуемого. Но в большей своей части оценки все-таки отрицательные, часто с ироническим подтекстом, даже с насмешкой» [Валгина 2001: 152]. Следовательно, появление таких инноваций в корпусе медийных текстов рискогенно, зачастую демонстрирует эмоциональную несдержанность, предвзятость журналистов: **Сечинизация** «Газпрома» (заголовок). Глава Роснефти предложил лишить «национальное достояние» экспортной монополии (НГ, 06.06.2014) — мотивирующим для суффиксального деривата выступает антропоним И.И. Сечин (главный исполнительный директор нефтегазовой компании ПАО «НК Роснефть»); *Не случайно многие на Западе, в том числе председатель Европарламента Мартин Шульц, предостерегают от путинизации Польши* (НГ, 11.05.2016); **Мазепенизация** Украины (заголовок). *Мазепенцы, фашисты,*

националисты... (Завтра, 16.07.2015) — от имени национального героя Украины И.С. Мазепы; *Ковтунизация политики* (Россия-24, 20.09.2019) — от имени достаточно недалекого и ограниченного украинского политика Вячеслава Ковтуна, являющегося объектом насмешки в российских политических телевизионных шоу. Негативная окраска дериватов во многом соотносима с фоновыми знаниями представителей российского общества.

Коннотация пейоративности выражается в отантропонимических дериватах с суффиксами **-енок / -ята**: «Предпенсионные» *навальнята* и *Вольфович* (заголовок). В Москве юные борцуны собрались на Пушкинской площади (Завтра 09.09.2018); Злобный скрипаль в черном плаще и черном трико посрамлен и в страхе убегает. Его преследуют маленькие *скрипалята*, среди которых выделяется *скрипаленок* (Завтра, 12.09.2018). Для создания выразительного образа журналист намеренно нарушает словообразовательные правила: мотивирующей основой в типе существительных с данными суффиксами со значением незрелости [РГ 1980] становится имя собственное, что является системным отклонением от условий СТ.

Согласно «Русской грамматике», иноязычный суффикс **-инг** при производстве существительных с процессуальным значением вступает в деривационные отношения с глагольными основами (*тренинг, крекинг, форсинг* и др.) [РГ 1980]. В медийных новообразованиях заимствованный формант сочетается с именами собственными: *Российские блогеры даже придумали термин «Псакинг» и употребляют его тогда, когда человек делает безапелляционные заявления, при этом путает факты и обходится без последующих извинений* (АиФ, 20.02.2015) — от имени собственного *Дженнифер Псаки* (экс-помощник президента США); *Поэтому скорый суд не ставит точку в расследовании. Оно будет продолжаться. Впрочем, его успех будет во многом зависеть от эффекта «кадыринга»* (НГ, 01.02.2016) — от имени собственного *Р.А. Кадыров* (действующий Глава Чеченской Республики); *То есть в переводе: некоторые из групп использовали*

полученные ими гранты на оплату протестов против Трампа. То есть часть этих беззастенчивых протестов были «обаминги» (НГ, 13.03.2017) — протесты, организованные сторонниками политики Барака Обамы; *Лекция была более чем актуальна, поскольку некоторые ученики этой гимназии участвовали в местных «навальнингах»* (Завтра, 13.08.2017) — имеются в виду протестные акции, связанные с оппозиционером Алексеем Навальным; *От «пехтинга» к дронам (заголовок). За десять лет из блогера «Живого журнала» Алексей Навальный превратился в хозяина собственной медиаимперии* (НГ, 16.02.2018) — производное от имени собственного В.А. Пехтин (бывший депутат Государственной думы).

Кроме немотивированного использования «лексического импорта», наличие таких дериватов может привести к КР неправильного или неточного понимания медийного сообщения. Например, для расшифровки номинации *пехтинг* нужно обладать достаточными сведениями о Владимире Пехтине, о расследовании Алексеем Навальным его политической деятельности. Только в случае наличия достаточных фоновых знаний возможна адекватная интерпретация нового слова.

Таким образом, окказионализмы, созданные с отклонениями от условий словообразовательного типа, достаточно распространены в текстах общественно-политической прессы. Повышенной рискогенностью, связанной с их выраженной эмоциональной доминантой, обладают новообразования на базе антропонимов (*скрипаленок, анти-Грета, недоПутин*). По мнению лингвистов, дериваты, созданные с участием иноязычных аффиксов (*псакинг, навальнинги*), демонстрируют вольное обращение журналистов с языком, их нежелание подобрать уместный синоним [Тарланов 2008; Сиротинина 2013]. Семантизация некоторых инноваций на базе онимов невозможна без обширных внелингвистических знаний (*уберизация, пехтинг*). Коммуникативные риски новообразований анализируемого типа также могут провоцироваться их экспрессивным лексическим окружением (*мечталки, нано-пятая колонна*).

2.2.2. Новообразования, созданные путем чересступенного словообразования

О чересступенном словообразовании говорят тогда, когда в словообразовательной цепочке как бы минует определенная словообразовательная ступень [Янко-Триницкая 2001: 141].

На наш взгляд, рискогенность следующих словообразовательных инноваций, созданных чересступенчатым путем, связана с их выраженной экспрессивностью, обусловленной мотивирующей семантикой: *Но на участке № 1512 в селе Сладково не видно ни одного русофобствующего иностранца* (НГ, 07.09.2018) — при образовании причастия *русофобствующий* оказывается пропущенной стадия глагола (**русофобствовать*), причастие производится от оценочного существительного *русофоб* — ‘человек, неприязненно, враждебно относящийся к России’ [БТСРЯ 2014]. Очевидные аллюзии, эксплуатируемые журналистом, содержат дискредитирующие намеки, окказиональная лексема обладает рискогенностью, так как становится средством негативной характеристики определенной группы лиц, а именно — иностранных граждан. Прежде всего, это неприемлемо с позиций этического критерия речи.

Авторское стремление высказать свою точку зрения, минуя любые эстетические и этические критерии, представлено в заголовке «*Рассвинячивание населения*» (НВ, 17.08.2015). Окказиональное имя существительное образовано по образцу узуального *раскулачивания* с пропуском несуществующей в языке глагольной формы несовершенного вида **рассвинячивать*. Узуальные глаголы, мотивированные существительным, имеют значение ‘лишить свойств, признаков того, заставить перестать быть тем, кто (что) назван (о) мотивирующим существительным’ [РГ 1980]. Поводом для написания статьи стало указание премьер-министра страны Д.А. Медведева на введение ограничения на численность поголовья скота и птицы в домашних хозяйствах: *Крестьян хотят заставить отказаться от скота* (НВ, 17.08.2015). Экспрессивность окказионализма поддержи-

вается контекстом: используется лексема *крестьяне* (при вариантах, например, *аграрии*, *фермеры* и пр.). Так журналист подчеркивает зависимость граждан от абсурдных, по его мнению, решений государственных деятелей.

К числу окказионализмов, созданных чересступенным способом, относится префиксально-постфиксальный глагол *заупыряться*: *Заупырился* (заголовок). *Как долго Алексею Улюкаеву сидеть на тюремных нарах?* (НВ, 18.12.2017). Он образуется от существительного *упырь* с пропуском окказиональной невозвратной глагольной формы **упырить* путем присоединения префикса *за-*, а также глагольного суффикса *-и-* и постфикса *-ся*. Семантика глаголов с префиксом *за-* и постфиксом *-ся* — ‘в течение длительного или чрезмерно длительного времени совершая действие, названное мотивирующим глаголом, целиком погрузиться в это действие, увлечься, утомиться (*забегаться*, *заслушаться*, *заиграться* и др.)’ [РГ 1980].

При создании другого экспрессивного префиксально-постфиксального глагола *дотолераститься* пропущена глагольная ступень **толерастить*: *Дотолерастились* (заголовок). *Почему уже не удивляешься, когда насильника зовут в студию и встречают аплодисментами* (НГ, 18.01.2018). Семантика глаголов с префиксом *до-* и постфиксом *-ся* — ‘довести себя до неприятных последствий путем интенсивного совершения действия, названного мотивирующим глаголом» (*доработаться*, *добежаться* и пр.)’ [РГ 1980].

Негативная оценочная доминанта в новообразованиях *рас-свинячивание*, *заупыряться*, *дотолераститься* предопределена характером производящих инвектив, имеющих явную агрессивную направленность: *свинья* в значении ‘невежественный, некультурный человек с низменными привычками’ [СРЯ 1981—1984]; *упырь* — бран. ‘о ком-либо, вызвавшем неудовольствие, раздражение, гнев’ [БТСРЯ 2014]; *толераст* — бран., неодобр., уничиж. ‘человек, который очень толерантно ко всем относится, даже когда к нему терпимо никто относиться не собирается’ [Словарь современной... 2014]. Грубыми оценками, выраженными

ми с помощью новообразований, журналисты рискуют спровоцировать ответную агрессию адресатов.

Подводя итог, можно сказать, что в результате чересступенного словообразования образуются дериваты различной степени экспрессивности. В медиатекстах встречаются чересступенные образования, обладающие выраженной негативной экспрессией (*русофобствующий, рассвинячивание, запыриться, дотолераститься*), связанной с характером мотивирующих слов и усиленной контекстуально. Они являются рискогенными, так как нарушают критерии корректности, эстетичности, этичности высказывания. Журналисты намеренно провоцируют массовую аудиторию, возбуждают негативные и деструктивные эмоции.

2.2.3. Новообразования, созданные путем заменительной деривации

При заменительной деривации в исходном слове заменяется одна из его частей (морфемная или неморфемная).

Под заменительной деривацией понимается такой словообразовательный процесс, при котором «заменяется один из аффиксов производящего простого слова или основы в составе сложного слова или одна из основ в сложном исходном слове» [Шумилова 2011: 145]. О словообразовании посредством мены корня есть основание говорить лишь в том случае, если слово сложное и возникает «на глазах» носителей языка. Причем исходное для окказионализма слово чаще всего присутствует в непосредственно предшествующем контексте [Сивова 2006: 103—104].

С точки зрения семантики, окказионализм может соотноситься с производящим словом, а может не иметь с ним смысловой связи. Заменяемая и замещающая основы часто находятся в семантических отношениях, при этом большинство окказионализмов имеет типовую структуру, как и исходное слово. Смысловая связь сохраняется, когда наблюдается синонимическая или антонимическая замена. Авторскую иронию позволяют

передать антонимические отношения между исходной основой и основой, ее замещающей: *Молоко из Сложноквашино* (заголовок). *Молоко из пальмового масла: детективные истории о «фермерских» продуктах* (МК, 19.05.2017) — ср. *Простоквашино* → *Сложноквашино*; при этом наблюдается актуализация внутренней формы исходного слова *Простоквашино*; **Импортодополнение** вместо импортозамещения (заголовок). ЦСР представил свой план развития несырьевого экспорта (Коммерсантъ, 03.05.2018) — ср. *импортозамещение* → *импортодополнение*, исходное и производное в данном случае являются контекстуальными антонимами.

Исходное и производное слово могут принадлежать к одной тематической группе: *О-о-о! Зеленощекое такси...* (заголовок). *Водителя, умывшего пассажира зеленкой, тоже покрасили по тарифу «Аватар»* (КП, 30.08.2017) — ср. *зеленоглазое* → *зеленощекое*; *В поддержку прямоговорящих* (заголовок). *В Самаре прошла поэтическая акция в поддержку арестованных на антикоррупционном митинге 26 марта* (НГ, 21.04.2017) — ср. *прямоходящие* → *прямоговорящие*; *Жижек, как и Бадью, не нравится неравенство. Особенно в Словении. Как европеец Жижек увлекается психоанализом и шизоанализом* (Завтра, 07.02.2017) — ср. *психоанализ* → *шизоанализ*; оценочность деривата со знаком минус обусловлена жаргонным характером замещающей корневой основы *шиз* (жарг. ‘шизофреник’ [ССМЖ 2006]). В подобных случаях коммуникативные риски могут быть связаны с семантическими отношениями исходного слова и деривата. Например, в новообразовании *прямоговорящие* иронически обыгрывается переносное значение наречия *прямо* (‘открыто, откровенно, правдиво’ [БТСРЯ 2014]). При этом журналист на самом деле симпатизирует тем людям, которые вышли на акцию, однако в заголовке явно прочитывается насмешка, что не согласуется с содержанием всего текста и может отрицательно отразиться на впечатлении читателя.

Другую группу окказионализмов, созданных путем заместительной деривации, составляют слова, связь которых с мотиви-

рующим словом контекстуально и / или ситуативно обусловлена. В зависимости от семантико-стилистической характеристики мотивирующих слов можно выделить несколько категорий.

1. Новообразования, включающие лексемы, обозначающие отрицательно оцениваемые социумом явления, поступки, действия. Негативный фон формируется посредством целого ряда ассоциаций, связанных с одним из мотивирующих слов. В большинстве случаев оценочность привносится словом-заместителем: **Хамнет** (заголовок). *Тонны жестокости и хамства день и ночь плещутся в русской Сети* (НГ, 17.06.2009) — ср. *интернет* → *хамнет*, производящим является существительное *хам* ('грубый, наглый, невоспитанный человек, готовый на подлости' [БТСРЯ 2014]); **Налогоудушение** (заголовок). *Налоговые инициативы правительства сделают население еще беднее* (НВ, 14.05.2018) — ср. *налогообложение* → *налогоудушение*, платформой для деривата становится распространенное в печати олицетворение — *налоги душат население*; **Мосэнергостыд** (заголовок). *Как «Мосэнергосбыт» открыто издевается над потребителями, вынуждая их терять деньги и время* (НВ, 13.04.2018) — ср. *Мосэнергосбыт* → *Мосэнергостыд*; **Уралвагондолжник** (заголовок). *Не желая рассчитываться по долгам, УВЗ ловчит в судах и идет на сомнительные ухищрения* (НВ, 14.09.2018) — ср. *Уралвагонзавод* → *Уралвагондолжник*. Посредством замены корня происходит столкновение производного слова и исходного. Коммуникативная интенция подобных окказионализмов — негативизировать образ объекта высказывания. Журналист должен понимать, что такое речевое поведение будет успешно только в том случае, если объект нападок возбуждает недовольство самого читателя. В противном случае может возникнуть коммуникативный дисбаланс: адресат не согласится с навязываемой точкой зрения и откажется от прочтения статьи.

2. Следующую группу составляют дериваты, мотивированные вульгаризмами, жаргонизмами, бранной лексикой, основная задача таких слов дискредитировать образ того, о чем идет речь,

понижить его статус в глазах читателей: **Сейсмофига** (заголовок). *В стране продолжают закрывать сейсмостанции и увольнять специалистов* (НВ, 04.09.2017) — ср. исходное *сейсмостанция*, в основе окказионализма разговорно-сниженная лексема *фига* ('сложенная в кулак рука с большим пальцем, просунутым между указательным и средним, как грубый жест в знак издевки, презрительного отказа и т.п.' [БТСРЯ 2014]). Негативная экспрессия адресанта направлена на чиновников, которые, по его мнению, проводят деструктивную политику в области сейсмологии; **Импортоблом** (заголовок). *Попытки отказаться от поставок из-за границы провалились* (НВ, 19.03.2018) — ср. исходное *импортозамещение*, в существительном заменяется корневая морфема на жаргонизм *облом* (жарг. 'невезение, неудача' [ССМЖ 2006]), тем самым дериват приобретает ярко выраженную социально-негативную коннотацию.

В заголовке **«Шизбат»** (СС, 29.01.2015) журналист заменяет первую корневую основу существительного *стройбат* на жаргонную лексему *шиз* (жарг. 'шизофреник' [ССЛЖС 2014]), которая несет основную оценочную нагрузку. Столкновение стилистически сниженной и книжной лексики прослеживается в тексте материала: *Психи наводнили армию* (СС, 29.01.2015). В статье автор рассуждает о том, почему в армию попадают психически неуравновешенные люди. Вне контекста заголовок *шизбат* приобретает собирательное значение 'люди, служащие в армии', такой номинацией журналист рискует вызвать возмущение всех представителей вооруженных сил страны. Существительное *стройбат* является мотивирующим и для лексемы *стройблат*: **Стройблат** (заголовок). *Авторитетные застройщики из Ставрополя дарят квартиры силовикам — и ничего не боятся* (НГ, 31.05.2017). В качестве замещающего журналист использует жаргонизм *блат* (жарг. *по блату* — 'по знакомству, по связям, которые могут быть незаконно использованы в личных целях' [ССМЖ 2006]). В материале речь идет о том, что авторитетные ставропольские застройщики дарят «по блату» квартиры силовикам. Отметим, что окказионализм *стройблат*

можно рассматривать как результат междусловного наложения: *стройбат* + *блат* (подробнее об этом в п. 2.2.4.).

Новообразования-заголовки *сейсмофига*, *импортблом*, *шизбат*, *стройблат* содержат отрицательные образы, демонстрируют стремление журналистов вызвать негативные эмоции читателя, который даже не приступил к чтению основного текста статьи. Посредством такого словотворчества может происходить деформация адресантом картины мира адресата. Присутствие таких лексем допускается в медийном дискурсе, однако их рискогенность имеет «отложенный эффект»: постепенно происходит так называемая криминализация общественного сознания, которая имеет разрушительные последствия для социума. Она «проявляется в замене моральных ориентиров поведения на право сильных контролировать окружающих, в снятии моральных запретов, в отождествлении официальной и криминальной власти, в пассивном принятии большинством населения своей жертвенной участи, в презрении к официальному закону, в распространении криминальной эмблематики в поведении и речи, в понижении эмоционального переживания по поводу насилия» [Карасик 2015: 256].

Достаточно легко восстанавливается исходная лексема в заголовочном окказионализме «*Фокусы-кокусы*» (НГ, 15.02.2016). В материале говорится о начале избирательной кампании в США. Вероятно, автора привлекла созвучность корневых морфем *фокус-покус* и *кокус*, смысловой соотнесенности между ними нет. Некоторые ученые относят такие окказионализмы к повторам-отзвучиям [Янко-Триницкая 1968] или к разряду слов, образованных посредством «заменяющей фонемы» (*космосмос*, *трешка-мрешка* и др.) [Улуханов 1996: 79]. В данном случае вызывает сомнение понимание массовой аудиторией англицизма *кокус* (англ. *caucus* — ‘партийное собрание’). Кокус — это ‘собрание сторонников или членов политической партии, политического движения. Наибольшее распространение кокусы получили в США и странах Британского содружества’ [Шагалова 2010]. Новообразование нарушает критерий ясности речи,

провоцируя риски непонимания / неполного понимания адресатом медийного сообщения.

Языковая мода на заимствованные слова привела к появлению заголовка «*Вятский наркочейн*» (Коммерсантъ, 26.10.2018). В публикации говорится о том, что кировский наркоторговец «отмывал» полученные от продажи наркотиков деньги через биржу криптовалют. Дериват создан на базе популярного в интернете иноязычного композита *блокчейн* (англ. *blockchain: block* — ‘блок’, *chain* — ‘цепочка’) с заменой первой корневой основы на префиксоид *нарко-*. Префиксоид передает отрицательную оценку, так как обозначает ‘предметы и явления, имеющие отношение к производству, продаже и употреблению наркотиков’ [Крысин 2000]. Пониманию деривата может препятствовать заимствованный элемент: автор избегает многокомпонентного словосочетания, но не задумывается о восприятии заголовка многотысячной аудиторией.

Значительно реже в текстах исследуемых СМИ встречается мена аффиксов. Мена аффиксов (трансaffиксация) рассматривается в качестве особого способа аффиксального словообразования, когда путем замены на место того или иного аффикса (префикса или суффикса) в составе мотивирующего слова ставится другая словообразовательная морфема [Сивова 2006: 102].

Транспрефиксация наблюдается в образовании окказионализма *некопления*, который является контекстуальным антонимом узуальной лексеме *накопления*: *Пенсионные некопления* (заголовок). *Президент дал правительству последний шанс спасти экономику и пенсионную реформу* (НВ, 19.11.2012). Окказионализм, образованный с помощью мены префикса в следующем примере, приобретает дополнительную экспрессивность благодаря прецедентному феномену: *Союз обрушимый* (заголовок). *ОДКБ (Организация Договора о коллективной безопасности. — Авт.) может прекратить свое существование* (НВ, 24.10.2016). В качестве прецедента автор эксплуатирует первые слова гимна СССР «*Союз нерушимый...*» и меняет во втором слове префикс *не-* на префикс *об-*. Новое слово получает иро-

ническое звучание, так как автор отсылает читателя к событиям недавнего прошлого — развал СССР. Как видно, с помощью новообразований журналисты критикуют неприемлемые для них общественные явления (нечестные выборы, пенсионная реформа) или же иронизируют по поводу некомпетентности определенных структур (ОДКБ). Коммуникативные риски в подобных случаях тесно связаны с рисками социальными: журналисты постоянно намекают на несостоятельность и бесчестность принимаемых в стране политических решений, что может вызвать читательское неприятие.

Таким образом, заменительная деривация является продуктивным способом создания новых слов в медиатекстах общественно-политической направленности. Иноязычные лексемы, включенные в состав дериватов, могут вносить смысловую неопределенность, усложнять восприятие всего медиатекста (*наркочейн, фокусы-кокусы*). При формальной связи заменяемого и замещающего в инновациях, созданных путем заменительной деривации, рискогенность может быть контекстуально или ситуативно обусловлена. Такие новообразования демонстрируют повышенную напряженность медийной коммуникации, которая может быть воспринята частью аудитории как проявление речевой агрессии (*хамнет, Мосэнергостыд, Уралвагондолжник*). Дериваты, созданные на базе жаргонной, вульгарной, бранной лексики (*импортблом, сейсмофига, шизбат*), участвуют в процессе криминализации массового сознания, их распространение в медиатекстах противоречит критериям хорошей, эталонной речи, главным транслятором которой должны быть СМИ.

2.2.4. Новообразования как результат контаминированного словообразования

Окказиональное словообразование, в результате которого новое слово создается на базе произвольного соединения двух мотивирующих основ, отечественные лингвисты обознача-

ют по-разному: «контаминация» (Е.А. Земская, С.В. Ильясова, Н.А. Николина), «междусловное наложение» (Н.А. Янко-Триницкая), «междусловное совмещение» (И.С. Улуханов), «скорнение» (В.П. Григорьев, Н.А. Николина), «телескопия» (В.М. Лейчик) и др. Наиболее распространены в лингвистической литературе первые два термина, которые определяются учеными по-разному.

По мнению Р.Ю. Намитоковой, «при контаминации происходит проникновение первой части (не обязательно морфемы) одного слова в другое и вытеснение из этого другого слова его начала» [Намитокова 1986: 135].

Н.А. Янко-Триницкая предлагает рассматривать междусловное наложение в качестве особого средства окказионального словопроизводства, сущность которого заключается в том, что «на конец основы одного слова накладывается омонимичное начало другого слова» [Янко-Триницкая 2001: 471]. А контаминация представляет собой «проникновение компонентов одной единицы языка в другую (иногда взаимное проникновение) с непременным вытеснением какого-либо компонента данной единицы» [Янко-Триницкая 2001: 473—474].

Контаминацию и междусловное наложение можно рассматривать как частные случаи гибридизации [Попова, Рацибурская, Гугунава 2017: 105]. В этом случае контаминация понимается в узком смысле. Если рассматривать контаминацию в широком смысле (как синоним гибридизации), то междусловное наложение является ее разновидностью (как и контаминация в узком смысле, тмезис, графодеривация и др.).

По замечанию лингвистов, сегодня контаминация переместилась с позиции периферии словообразования в центр частотных и продуктивных средств передачи информации и выражения экспрессии [Николина 2013: 58]. Это объясняется тем, что «бурные социальные изменения — благодатная почва для словотворческой деятельности путем различных контаминаций» [Дуличенко 1994: 285]. Не утратив своего значения как сильного выразительного средства в языке художественной литературы

(в основном в поэзии), контаминация вышла за рамки одного стиля и стала высокопродуктивным приемом словотворчества в языке СМИ [Ильясова, Амири 2015: 188].

Контаминированные новообразования, как правило, привлекают внимание читателя своей новизной и необычностью формы, преимущественно «выполняют характеризующе-оценочную функцию с преобладанием осуждающей, иронической и юмористической тональностей» [КРР 2003: 273]. Контаминанты отображают не только знания говорящего об обозначаемом и его оценку, но и образно-ассоциативные представления субъекта речи об объединении объектов, их связи, совмещении их признаков и их возможном подобии (множественность мотивации может сниматься контекстом) [Николина 1996: 315]. В семантическом плане контаминированное образование — это гибридная единица, семантика которой вбирает в себя и значения объединяемых слов, и присущие им аллюзивные смыслы, и семантику соединения, противопоставления или сравнения, развивающуюся уже в самом процессе словопроизводства [Николина 2009: 99—100]. Широкое распространение контаминантов в современной русской речи отражает интенсивный поиск новых оценочных средств, прежде всего средств выражения иронической оценки <...> [Николина 2013: 172]. Объединение двух мотиватов в одну произвольную словообразовательную единицу «способствует компрессии и “свертыванию” семантики словосочетания или предикативной единицы в одно слово. Семантика деривата складывается из значений мотивирующих единиц и, как правило, осложняется коннотацией оценки, экспрессии, языковой игры» [Минева 2015: 58].

Следует сказать, что новообразования-гибриды появляются тогда, когда текст нацелен на языковую игру, имеющую выраженную прагматическую направленность. Самое главное вовлечь в этот процесс адресата, чтобы он смог «расшифровывать» игровую окказиональную лексему, адекватно определить ее значение. Абсолютно права Н.А. Николина, говоря, что «использование гибридных слов в речи (тексте) требует

сотворчества слушателя (читателя), который должен не только восстановить исходные единицы, подвергшиеся сокращению, но и определить новое идиоматичное значение, обогащенное обычно эмоционально-оценочными «приращениями» смысла [Николина 1996: 313]. Поэтому адресант обязательно «должен учитывать звуковую форму объединяемых им компонентов, их ассоциативный ареал и аллюзивность, коннотативные возможности слов-«источников», а также возможность верного восприятия новой сложной единицы адресатом речи <...>» [Николина 1996: 312].

В текстах исследуемых СМИ в большом количестве представлены новообразования, созданные способом междусловного наложения. Журналисты обыгрывают сходства в звучании слов (основ), стремясь создать оригинальные каламбурные словообразовательные инновации. Семантическая емкость контаминантов определяется их включением в заголовочные комплексы: они способны заинтересовать читателя и одновременно формируют прагматическую установку на восприятие.

Проблемы с семантизацией окказиональной лексемы возникают при вовлечении в деривационные процессы иноязычных элементов, которые «часто служат не целям номинации или уточнения уже существующих понятий, а используются в чисто рекламных целях, в целях агрессивного воздействия на читателя или слушателя» [Петрова, Рацибурская 2011: 60]. В заголовке «*Дронуться можно*» (НВ, 14.06.2018) автор фактически проявляет неуважение к читательской публике. Окказионализм *дронуться* — результат контаминации глагола *тронуться* (разг. ‘стать психически не совсем нормальным’ [БТСРЯ 2014]) и существительного *дрон* (техн. ‘беспилотный летательный аппарат боевого назначения’ [ССЛЖС 2014]). Журналист не поясняет термин, мотивирующий неологизм, предполагая, что аудитории он известен. Словообразовательный эксперимент имеет ярко выраженную прагматическую направленность: автор пытается внушить аудитории, что массовое применение беспилотных аппаратов угрожает человечеству, его психическому состоянию.

Это обусловило трансформацию разговорного выражения *тронуться можно*.

Из-за вовлечения в процесс словотворчества заимствования осложнено понимание контаминанта в заголовке «*Троллевые игры*» (Коммерсантъ, 28.05.2015) ← *троль* + *ролевые (игры)*. Мотивирующий интернет-сленгизм *троль* не имеет ничего общего со знаменитым мифологическим персонажем, а является производным от существительного *троллинг* (англ. *troll* — ‘интернет-троль’) — это форма социальной провокации, издевательства в сетевом общении. *Троль* — ‘пользователь, занимающийся написанием провокационных тем и комментариев (это насмешки, резкие высказывания в адрес других пользователей, неаргументированная критика и т.п.), направленных на разжигание ссоры между пользователями’ [ССЛЖС 2014]. В тексте идет речь о судебном разбирательстве вокруг компании «Интернет-исследования», которая фигурирует в ряде журналистских расследований как один из главных поставщиков платных политических комментаторов. Заметим, что журналист эпатирует читательскую аудиторию: новообразование создается на базе словосочетания *ролевые игры*, чаще всего ассоциируемого современными читателями с сексуальной тематикой. Данная ассоциация отношения к смыслу статьи не имеет, словосочетание использовано в формальных целях. Оказиональные лексемы в заголовках «*Дронуться можно*» и «*Троллевые игры*» демонстрируют нарушение критерия понятности (ясности) высказывания и влекут за собой риск полного непонимания / неправильного понимания сообщаемого.

Проблемой «дешифрования» информационного сообщения не ограничивается круг коммуникативно-прагматических проблем современных журналистов. Как известно, мало сообщить что-либо, важно убедить адресата в верности своей позиции: «Иницирует же процесс общения стремление человека не передать информацию, те или иные сведения о внешней по отношению к нему реальности, а сделать свои интенциональные состояния не только понятными другому, но и в подавляющем

большинстве случаев разделенными, принятыми другими людьми» [Манаенко 2013: 65].

В погоне за всевозможными средствами убеждения журналистам нередко изменяет чувство меры. Большая часть КР в медийном дискурсе связана с наличием немотивированной экспрессии. Авторская оценка выражается в новообразованиях с различной степенью интенсивности: от едва уловимого намека до иронического переосмысления или даже демонстрации открытой враждебности. «Принятие» адресатом интерпретации действительности, представленной в медиатекстах, напрямую зависит от того, насколько взгляды создателя текста совпадают с его собственными воззрениями.

Риск спровоцировать нежелательную реакцию читателя актуализируется тогда, когда экспрессивность дериватов, обусловленная способом словообразования, усиливается за счет одного из производящих, имеющего резко отрицательную семантику: **Пентагония** (заголовок). Глава оборонного ведомства США Энтон Картер анонсировал появление оружия для сдерживания «российской агрессии» (Завтра, 11.11.2015) ← *Пентагон* + *агония* ('о последней стадии существования чего-л.; о состоянии упадка, хаоса где-л.' [БТСРЯ 2014]); **Жизнь с абсурдопереводом** (заголовок). Пора проводить реформы. И помахать им вслед рукой (НГ, 23.06.2016) ← *абсурд* ('то, что противоречит здравому смыслу; нелепость, бессмыслица' [БТСРЯ 2014]) + *сурдоперевод*; **Шифрофрения** (заголовок). Мессенджеры готовят к вскрытию (Коммерсантъ, 04.10.2016) ← *шифровать* + *шизофрения* ('о чем-л. странном, нелогичном, абсурдном' [БТСРЯ 2014]); **Ломбардак** (заголовок). Чтобы выжить, люди потянулись в ломбарды (НГ, 09.10.2015) ← *ломбард* + *бардак* ('беспорядок, неразбериха, хаос' [БТСРЯ 2014]); **Капутальный ремонт** (заголовок). Коммунальная реформа споткнется на саботаже и криминальных схемах (СС, 24.03.2015) ← *капут* ('гибель, конец, смерть' [БТСРЯ 2014]) + *капитальный*; **Ипотекатастрофа** (заголовок). В случае ипотечного кризиса 3 500 000 россиян могут оказаться на улице (НВ, 29.10.2018) ← *ипотека* + *катастрофа*

(‘неожиданное бедствие, происшествие с несчастными, трагическими последствиями’ [БТСРЯ 2014]); *Дуристическая поездка* (заголовок). «Кинув» 28 тысяч россиян, туроператоры заработали миллионы (НВ, 11.08.2014) ← *дурить* (‘сбивать с толку, морочить кого-л.’ [БТСРЯ 2014]) + *туристическая*; *Школьное питание* (заголовок). Детям скармливают некачественные и поддельные продукты (НВ, 19.03.2018) ← *пытать* (‘подвергать пытке’ [БТСРЯ 2014]) + *питание*. С нейтральными лексемами взаимодействуют слова (*агония, абсурд, шизофрения, бардак, капут, катастрофа, дурить, пытаться*), которые обозначают явления, вызывающие у адресата исключительно негативные эмоции, в результате чего вся номинация превращается в оценочную.

В медийном дискурсе распространен прием «навешивания ярлыков». Под ярлыком понимается «краткая отрицательно-оценочная характеристика человека или явления, тяготеющая к постоянству и дискредитирующая данную личность (явление) в общественном сознании» [Матвеева 2003: 415]. Н.И. Клушина отмечает, что «ярлык — это всегда проявление речевой агрессии, это дискредитация человека с помощью упрощенной номинации, в основу которой кладется только один частный признак» [Клушина 2005: 145].

Рискогенное обыгрывание имен собственных, передающее авторскую насмешку над объектом высказывания, представлено в следующих случаях: *Терекзит* случился раньше, чем Брекзит (НТВ, 25.02.2019) ← *Тереза* + *Брекзит*, — обыгрывается имя английского премьер-министра Терезы Мэй, которая проводила политику брекзита; *Мишико Саакашенико* (Вести FM, 23.03.2018) ← *Саакашвили* + *Порошенко*, в основе иронической номинации имени двух политических деятелей — М.А. Саакашвили и П.А. Порошенко; *Если Трампу покажется этого мало, то он окончательно утрампуует доллар* (Вести FM, 08.07.2019) ← *утрамбовать* + *Трам*, — о политических действиях президента США Дональда Трампа.

Особенно агрессивны дериваты, характеризующие конкретные лица (группу лиц) в нелицеприятном свете: *Агендурни*

(заголовок) (НВ, 08.10.2018) ← *агентура* + *дурни* (разг. ‘дураки’ [БТСРЯ 2014]), — так журналист отзываясь о представителях российской разведки; **Банкстеры** (заголовок). *Разорение банков поставлено на конвейер, а расплачивается за все государство — то есть налогоплательщики»* (НГ, 22.07.2016) ← *банк* + *гангстеры*, — о представителях банковской сферы. Новообразования инвективного характера нередко создаются на базе сниженных, грубых лексем с инвективным потенциалом: **Дермоеды**, *Вы свою страну ненавидите!* (Вести FM, 17.10.2019) ← *дермо* + *дармоеды*.

В производстве таких контаминантов активно задействуются антропонимы: **Эрдогад** (заголовок) (НВ, 30.11.2015) ← *Эрдоган* + *гад*, — контаминант дает негативную, оскорбительную оценку действиям президента Турции Реджепа Эрдогана; **Гражданин Навальный** (НТВ, 24.05.2019) ← *Навальный* + *врать*, — оценочная номинация российского лидера оппозиции А.А. Навального. Инвективная лексика, используемая в качестве производящих, унижает честь и достоинство тех людей, о которых пишут журналисты. Неуважительное отношение создателей текстов к объекту повествования с высокой степенью вероятности вызовет читательское неприятие, раздражение, и, как следствие, провал коммуникации. Кроме того, окказионализмы нарушают этические требования, предъявляемые к журналистскому тексту.

С позиций коммуникативно-прагматических, а также этических норм необходимо оценивать новообразования, включающие лексемы жаргонного типа, а также дериваты, созданные на базе грубо-просторечных выражений: **Гопинг-проба** (заголовок). *Все допинговые обвинения олимпийцы России расценили как простой наезд на страну* (Коммерсантъ, 11.11.2015) — новое слово создается путем междусловного наложения *гопник* (жарг. ‘представитель хулиганствующей молодежи’ [ССМЖ 2006]) + *допинг-проба*. Посредством жаргонизма дериват получает саркастическое звучание. Лексика преступного мира используется и в подзаголовке материала — *наезд* (жарг. ‘приставание к кому-

либо' [ССМЖ 2006]). В другом примере жаргонизм сочетается с антропонимом — в заголовке одновременно представлена оценка и объект оценивания: *Скрипалево* (заголовок). *Кто и с какой целью пытался убить помилованного предателя Сергея Скрипалю* (НВ, 19.03.2018) ← *Скрипаль* + *палево* (жарг. 'неожиданное появление начальства и командиров во время неуставных занятий солдат или курсантов' [ССМЖ 2006]). Журналист иронизирует по поводу того, что Сергей Скрипаль был разоблачен во время выполнения своего секретного задания.

В следующей публикации рассматриваются дипломатические вопросы, обсуждаемые на саммите БРИКС: *К такой-то дипломатери* (заголовок). *Слова Сергея Рябкова прозвучали в Сямэне как последнее китайское предупреждение американским властям* (Коммерсантъ, 05.09.2017) ← *дипломат* + *матери*. Новое слово приобретает отрицательную оценочность за счет переключки с бранным выражением *к чертовой матери* (бран. презр. 'выражение злобы, пренебрежения к кому-либо, желания отделаться, избавиться от кого-либо' [БФСРЯ 2006]). Контаминанты *гопинг-проба*, *Скрипалево*, (*к*) *дипломатери* выполняют не только компрессивную функцию, но и ярко выраженную экспрессивную. Сниженный характер мотивирующих лексем придает заголовкам оскорбительный характер.

Включение «некодифицированной» лексики в медиадискурс — спорный вопрос лингвистической дискуссии. Одни исследователи говорят о контактоустанавливающей функции таких слов, о том, что включение «элементов разговорного языка, сленга, жаргона, сниженной лексики направлено на снятие барьера, на создание впечатления “своего парня”» [Селяев 2003: 277]. Другие настаивают на том, что такие единицы способствуют «культивации вульгарного, фамильярного стиля общения, часто с установкой на иронически пренебрежительное отношение к обозначаемому предмету» [Коряковцева 2008: 101]. На наш взгляд, стремление установить контакт с читателем не должно сопровождаться нарушением критериев хорошей речи.

Шокировать адресата способна перекличка контаминированных новообразований со словами пейоративного и обценного характера, присутствие которых в текстах СМИ грубо нарушает правила речевой коммуникации: «Использование нецензурного слова как инвективы в печатной газетной речи неприемлемо по определению, так как противоречит функциональному назначению печатного издания. Использование этой группы слов во вторичных функциях также неприемлемо, так как нарушает этические нормы речевого поведения, национальные традиции речевого поведения, ведет общество к саморазрушению» [Коньков 2006: 115—116].

Недопустимыми с этой точки зрения являются следующие заголовочные окказионализмы: *Аккуеть!* (НВ, 22.08.2016) — в материале говорится о строительстве в Турции атомной электростанции Аккую, наименование которой и положено в основу окказионального слова; *Скукины дети* (заголовок). *Как новосибирская мэрия пыталась, но так и не сумела возглавить безобразие* (НГ, 04.05.2016) — инвективное выражение видоизменяется посредством существительного *скука*, которое, скорее всего, было необходимо лишь формально: завуалировать грубую экспрессивность инвективы; *Скапитализдили на ремонт* (заголовок). *В Фонде капремонта нашли лишние 200 миллиардов рублей* (НВ, 17.12.2018). В данных примерах наблюдается прямое нарушение законов успешной коммуникации (унижение собеседника), так как окказионализмы явно неблагозвучны, имеют фонетическое сходство с бранными выражениями, нарушающими коммуникативно-прагматические и этические нормы речи. Журналисты не считают с нравственными законами, изобретая новые слова, что может дискредитировать образ самих создателей текстов в глазах общественности, а также навредить имиджу печатных изданий в целом. Риск непонимания / неверного понимания информации также актуализируется в заголовке «*Аккуеть!*», так как исходное имя собственное может быть неизвестно читателям.

Другая разновидность контаминации (в широком смысле) — *тмезис* (греч. *temnein* — ‘рассекать’) — способ словообразования, при котором «одно слово вставляется внутрь другого» [Попова, Рацибурская, Гугунава 2017: 105].

Дериваты, созданные путем тмезиса, нередко становятся ярким средством выражения оценки журналиста злободневных событий, явлений, тенденций: *Аукцион как сгазили* (заголовок). *ФАС может заставить АЛРОСА поменять условия продажи непрофильных активов* (Коммерсантъ, 11.01.2018) ← *сгазили* + *газ*; *Обналожили* (заголовок). *Как ведомство Антона Силуанова и другие политики хотят обложить население странными налогами* (НВ, 11.05.2018) ← *обложили* + *налог*. В новообразованиях совмещаются формально тождественные части мотивирующих слов. Экспрессивность дериватов определяется словообразовательным способом, а также характером мотивирующих: ирония выражается с помощью глагола *сгазить* (‘по суеверным представлениям: принести несчастье, болезнь, повредить кому-л. взглядом (дурным глазом)’), негативная оценка — в значении исходного глагола *обложить* (‘обязать к уплате, к взносу чего-л. (налога, штрафа и т. п.)’) [СРЯ 1981—1984].

Рискогенное словотворчество можно отметить в следующих случаях. Сложно однозначно интерпретировать заголовок статьи «*Противоботство сверхдержав*»: *Россия предлагает изменить правила борьбы с киберпреступностью в мировом масштабе* (Коммерсантъ, 14.04.2017). В существительное *противоботство* вставляется интернет-сленгизм *бот* (усеченная форма существительного *робот*). Второе производящее слово могут не определить читатели, находящиеся вне интернет-пространства: провоцируется риск непонимания / неправильного понимания заголовка. Окказионализм приобретает негативную оценочность во многом благодаря интернет-дискурсу: деятельность ботов осуждается пользователями интернета, с их действиями связаны такие понятия, как мошенничество, рассылка спама, фейковая информация, взлом, слежение и пр. При этом заголовок не лишен двусмысленности: журналист хотел подчеркнуть, что стра-

ны вместе будут бороться против киберпреступности (это выясняется из дальнейшего текста), но создается впечатление, что они не могут наладить взаимодействие между собой, на что указывает исходное *противоборство*. Возможна и иная трактовка словообразовательного способа: окказионализм образуется путем трансрадикации (подробнее об этом в п. 2.2.3.): *противоборство* → *противоботство*.

Неэтичным следует признать окказионализм *развоинвались*: ***Развоинвались!*** (заголовок). *Большинство россиян ожидают большой войны. Насколько реальна эта угроза?* (СС, 14.04.2015) ← *развоинвались* + *война*. Новообразование, взятое в качестве заголовка, задает шуточный тон изложению, что неприемлемо с точки зрения тематики статьи: журналист пишет о возможности будущих вооруженных конфликтов.

В целом контаминированные новообразования являются одним из самых востребованных воздействующих средств в текстах общественно-политических газет: «Объективные процессы в языке влияют на большую продуктивность дериватов, реализующих компрессивную и экспрессивную функции одновременно. Закреплению контаминационной деривации как одного из излюбленных средств каламбура способствует ее активное использование в публицистике, в том числе и в заголовках» [Хабиллина 2006: 71].

Контаминанты, в которых отражены значения обеих мотивирующих основ, являются более удачными (*ломбардак, ипотека-катастрофа*), чем те, в которых одно из исходных слов играет роль «упаковочного средства» (*троллевые, скукины*). Незадействованная семантика исходного слова может ввести читателя в заблуждение, привести к возникновению ненужных, избыточных ассоциаций. Активизируется риск неправильного понимания сообщаемого.

Если контаминанты связаны с выражением отношения к социально-политическим реалиям, то они имеют ярко выраженную отрицательную окраску (*Пентагония, абсурдоперевод*). Контаминированные новообразования могут быть связаны с но-

минацией (и оценкой) неприемлемых для адресанта социальных явлений и событий (*шифрофрения, ломбардак*), порочной, разрушительной деятельности определенного лица (группы лиц) (*агендурни, банкстеры, эрдогад*). Инвективы, участвующие в словообразовании, обуславливают рискогенность таких номинаций, сомнительных с точки зрения критериев уместности, этичности, эстетичности речи. Лексемы с негативной семантикой не просто окрашивают медиатексты, но передают информацию о коммуникативно-прагматических интенциях их создателей. Сегодня журналисты стремятся не столько информировать, сколько эпатировать публику всеми возможными способами, зачастую в ущерб коммуникативно-прагматическим и нравственным нормам (*аккуеть, скапитализдить*). Кроме того, не всегда окказионализмы можно легко (и правильно) интерпретировать (*противоботство, дронуться*).

2.2.5. Новообразования как результат графического словообразования

Визуализация современной медийной коммуникации все больше привлекает внимание лингвистического сообщества. Подчеркивается, что активизация графико-орфографических игр со словом, происходящая в последнее десятилетие, обуславливает необходимость их теоретического осмысления: «Определения их природы, типологии, функционально-прагматического потенциала, причин создания и роли в письменной коммуникации» [Попова 2011: 161]. Графическое словообразование или графикация (В.П. Изотов, Т.В. Попова), графическая гибридизация (В.М. Костюков, Л.В. Рацибурская, Н.А. Самыличева) представляет собой особый тип функционирования языкового знака, позволяющий «развернуть» семантику одного слова до целой ситуации [Денисова 2010: 509].

Под графической гибридизацией, графиксацией понимается такой словообразовательный способ, в результате которого «обыгрывается, модифицируется графико-орфографическая

форма слова» [Попова 2012: 199]. Сущность графической игры заключается «в выделении той части слова, которая должна быть воспринята как активный элемент, формирующий оригинальный смысл» [Сметанина 2002: 204]. В это понятие может входить шрифтовая, цветовая, пространственная, небуквенная (кавычки, скобки, тире, дефис) актуализация элемента, организующего слово.

В зависимости от того, средства алфавитов одного или различных языков используются при создании графических окказионализмов, исследователи рассматривают явления монографиксации и полиграфиксации. При монографиксации в создании новообразования-гибрида участвуют средства одного языка, при полиграфиксации — средства алфавитов двух и более языков.

При монографиксации, когда прописными буквами в узуальном слове выделяется тот или иной сегмент, в научной литературе используется термин «капитализация»: «Капитализация — графическое выделение сегмента слова» [Ильясова, Амири 2015: 67]. Исследователи отмечают широкие выразительные возможности этого приема: «Безусловной журналистской находкой в борьбе за читательской внимание является использование капитализации» [Шишкарёва 2009: 85]; «Графическое выделение сегментов, омонимичных определенным типам узуальных морфем (лексем), определяет новый мотивационно-ассоциативный контекст восприятия узуального слова, опираясь на ситуативные и коннотативные пресуппозиции его употребления» [Гридина 1996: 119].

Особенный интерес представляют псевдомотивированные новообразования, в которых выделенная часть этимологически не связана с базовым словом. Именно псевдомотивация, по замечанию С.В. Ильясовой, играет ведущую роль при капитализации. В основе этого приема лежит преднамеренно ложная (искусственная) мотивация, базируемая на индивидуальных ассоциативных связях: *неКОМический сериал* (заголовок). *Бывший зам премьер-министра Коми Константин Ромаданов открыл серию новых арестов энергетиков* (НВ, 03.08.2018).

Псевдомотивированные новообразования востребованы в качестве заголовков. Это объясняется тем, что заголовок является сильной позицией текста и во многом определяет «судьбу» всей публикации: привлекает, «удерживает» внимание читателя, формирует прагматическую установку на восприятие. Возможны примеры капитализации и в тексте статей: *Ведь рабовладелец по найму рабов получает прибыль от работы рабов не на еду, а на **ОБОГашение**. <...>. Так наши боги живые до сих пор прячутся от зависти народной, что не мешает 100 самым **БОГатым** богам-филантропам иметь 50% прибыли со всей работы современных рабов всей планеты* (Завтра, 06.02.2018) — фрагмент публикации имеет выраженную саркастическую окраску: журналист дает понять, что *богатые люди* чувствуют себя *богатами*. Они противопоставляются всем остальным гражданам — *рабам*. Подобное эмоционально-субъективное сравнение несет коммуникативный риск негативной реакции адресата.

Во всех представленных примерах наблюдается удвоение семантики нового слова: графический гибрид содержит семантику общеупотребительного слова, на базе которого происходит выделение сегмента, а выделенная гибридообразующая основа (слово) дает окказионализму дополнительное лексическое значение.

Не всегда возможности псевдомотивации в рамках графического словообразования корректно используются журналистами. Категоричная позиция по отношению к освещаемому событию стала причиной появления заголовка «**ТРОНулись!**» (НВ, 23.05.2016). Журналист пытается убедить аудиторию в том, что российская элита одержима идеей реставрации монархии. Экспрессивность псевдомотивированного заголовка усиливается за счет актуализации разговорной лексемы *тронуться* (разг. 'стать помешанным, психически ненормальным' [БТСРЯ 2014]).

Сочетаемость сразу нескольких структурных особенностей обусловила рискогенность графического гибрида «**ДоБАЗАрились**» (НВ, 15.01.2018) — в публикации автор рассуждает о том, не разорит ли Россию строительство военных баз за границей. Журналист не только выбирает словообразовательный тип,

преимущественно представленный в разговорной речи, но и мотивирует окказионализм стилистически сниженным глаголом *базарить* (жарг. ‘говорить’ [ССМЖ 2006]). Значение глагола — ‘довести себя до неприятных последствий путем интенсивного совершения действия, названного мотивирующим глаголом’ (*доработаться, добежаться* и пр.) [РГ 1980]. Смысловая связь окказионализма и последующего текста устанавливается благодаря графической акцентуации слова *база*. Повышенная экспрессивность дериватов *ТРОНулись* и *доБАЗАрились* нарушает критерий уместности речи, а также может исказить представление об этико-речевой норме.

Затемненный смысл псевдомотивированных графических гибридов провоцирует высокую степень вероятности их неправильного / неточного понимания. Рассматриваемый прием становится причиной дезориентирующих заголовков: «**НЕСНОСные пятиэтажки**» (Коммерсантъ, 15.03.2017). В статье говорится о том, что планы властей по сносу пятиэтажек влияют на оживление рынка недвижимости. Получается, что пятиэтажки, которые пойдут под снос, стимулируют рынок, благоприятно на него воздействуют. Однако омонимия корней (графически выделенное узуальное *снос* от глагола *снести* (‘разрушить’) и *несносный* (‘невыносимый, неприятный, мучительный’) [СРЯ 1981—1984]) вносит двусмысленность, препятствует адекватному пониманию авторского замысла. Между тем, «неточность, замеченная читателем, подрывает доверие <...>, теряется ощущение достоверности описанного» [Головин 1988: 129].

В статье под заголовком «**ГраждОНин Казахмыса**» автор буквально заставляет читательскую аудиторию прочитать статью, только в финале которой читатель, наконец, может определить значение заголовочного новообразования: *Руководитель, Шамиль Элсаевич, типичный стареющий дон жуан* (НВ, 02.11.2018). Определить второе исходное слово для контаминанта с графически выделенным именем собственным **уСКО-РИНили** сложно даже после знакомства с публикацией. Считаю, что такие случаи графической игры со словом рискогенны:

инновации неоправданно усложняют восприятие медиатекстов. По выражению М.В. Ляпон, такое «блуждание вокруг денотата» делает невозможной быструю интерпретацию языковой единицы, неминуемо провоцирует критику со стороны читательской аудитории [Ляпон 1989: 25].

Сознательное искажение слова или отдельного аффикса не всегда может быть положительно воспринято читательской аудиторией. Распространение графико-орфографических дериватов в интернет-пространстве, а затем в текстах печатных изданий заставляет ученых все чаще обращать внимание на их деструктивную направленность. Появился специальный термин для характеристики таких явлений — антиорфография: «Сегодня антиорфография является не более чем преднамеренной игрой в неграмотность, очередной интернет-забавой, смысл которой может быть адекватно воспринят только при условии владения нормой. Вместе с тем антиорфография как социальный и коммуникативный феномен таит в себе опасность непредсказуемых последствий, поскольку с неизбежностью влияет на массовые представления о норме» [Дедова 2010: 34].

Широко представлены в текстах рассматриваемых СМИ окказионализмы с аббревиатурной основой. Их нацеленность на игру демонстрирует креативность современной журналистики. Семантическая емкость аббревиатур, которые эквивалентны словосочетаниям, позволяет создавать лаконичные, выразительные заголовки. Иногда новообразование становится средством выражения внетекстовой информации. В статье под заголовком «**ЦАРская охота**» (*В Центрально-Африканской Республике (ЦАР) были жестоко убиты члены съёмочной группы из России Орхан Джемаль, Александр Расторгуев и Кирилл Радченко* (СС, 07.10.2018)) журналист с помощью гибрида, содержащего аббревиатуру, весьма очевидно намекает на то, что убийство съёмочной группы было заказным, и предполагает, кто именно является заказчиком.

Исследователи отмечают, что обрывание аббревиатур в текстах СМИ все чаще направлено «не на развлечение, а на

выражение оценки к обозначаемому аббревиатурой явлению» [Ильясова 2016: 67].

Открытое навязывание отрицательной оценки прослеживается в следующих примерах: **ЦИКничный расчет** (заголовок). *Почему было решено не пересчитать голоса, а отменить выборы в Приморье* (МК, 20.09.2018); *Даже не ЦИКнули* (заголовок). *Как Центризбирком принимал власть в свои руки* (Коммерсантъ, 28.12.2017); **АСВоили** (заголовок). *Как Агентство по страхованию вкладов отбирает у россиян деньги, а его глава Юрий Исаев делает хорошую мину* (НВ, 08.02.2018). Графические отаббревиатурные гибриды совмещают в себе обозначение объекта критики и его критику: в заголовках прослеживается авторская ирония, язвительная насмешливость, которые усиливаются контекстом. При этом для оппозиционных изданий характерно одностороннее рассмотрение конфликтной ситуации, большую часть сообщаемых данных сложно верифицировать и подтвердить. Такая категоричная журналистская позиция, в первую очередь, вербализированная в заголовке, является фактором КР — провоцируется непрогнозируемая реакция адресата.

Иногда выраженная в заголовке оценка противоречит содержанию статьи: **ГРУбияны** (заголовок). *Почему Британия выбрала главной мишенью именно военную разведку России* (НВ, 13.09.2018). В гибриде объединяются аббревиатура ГРУ (Главное управление Генерального штаба — орган внешней разведки Министерства обороны РФ и центральный орган разведки ВСРФ) и существительное *грубияны*. В статье автор размышляет о том, насколько правомерны обвинения Англии по отношению к России в деле отравления Скрипалей. В сущности, в тексте находит отражение лишь аббревиатура (Сергей Скрипаль — бывший полковник ГРУ). Второе мотивирующее слово в содержании статьи не отражается. Можно было предположить, что автор даст оценку описываемым событиям и тем самым оправдает инвективную оценочность заголовка, однако в тексте представлено только последовательное изложение фактов, связанных с анализируемым событием.

Особенно опасны заголовки, в которых негативная оценка оскорбительна не только для отдельно взятого лица (группы лиц, организации, объединения и пр.), но и для адресата в целом: **ЧОПнулись по-быстрому** (заголовок). *Охранная фирма, отвечавшая за безопасность в ТЦ «Зимняя вишня», самоликвидировалась* (НВ, 30.03.2018). В материале рассказывается о последствиях страшного пожара в торговом центре «Зимняя вишня» (март 2018 г.). Журналист образует графодериват на базе аббревиатуры **ЧОП** (частное охранное предприятие) и омонимичного грубо-ироничного сленгизма *чпокнуться (по-быстрому)* (сленг. 'провести ночь с кем-то' [ССЛЖС 2014]). Насмешливая интонация, передаваемая заголовком, выглядит вульгарной и аморальной. Такое речевое поведение неприемлемо и недостойно, свидетельствует о коммуникативной некомпетентности создателя текста. Неслучайно Е.Н. Басовская говорит о том, что такие заголовки «обезглавливают» текст: «Вызывает тревогу та всеохватная ирония, которая заставляет журналистов подшучивать над людскими страданиями, не щадить ничьих чувств, унижать человеческое достоинство. Гуманистическое содержание статьи может быть перечеркнуто ерническим заголовком. Принцип “ничего святого” усваивается особенно легко и прочно не тогда, когда он открыто декларируется, а тогда, когда последовательно применяется» [Басовская 2003: 62].

Законы успешной коммуникации нарушают следующие графические новообразования с участием аббревиатур: **МИДаки** (заголовок). *Как спецкор «Новой» Павел Каныгин добивался встречи наших дипломатов с пленными гражданами России* (НГ, 25.05.2015); **ЕГЭнуться можно!** (заголовок). *Зону экзаменов Минобрнауки окончательно превратило в тюремную зону* (НВ, 16.06.2014); **РазВЭБали** (заголовок). *Почему ВЭБ банкротит стратегически важные предприятия, и кого Сергей Горьков назначил ответственным за новые технологии* (НВ, 09.02.2018); **ВОБнутые** (заголовок). *Как глава Всероссийского объединения болельщиков Шпрыгин нападает на журналистов и нелегально проникает в страны Евросоюза* (НГ, 19.09.2016);

АУЕвишие малолетки (заголовок), *У детей входит в моду жизнь по тюремным понятиям* (НВ, 28.05.2017) — в этом примере графический гибрид мотивирован малоизвестной аббревиатурой АУЕ (Арестантский уклад един), обозначающей неформальное объединение молодежи в современной России. Адресат может не понять, что именно оценивает автор в такой категоричной форме, актуализируется КР неверного / неточного понимания информации.

Зафиксированные нами неблагозвучные гибридные новообразования (*МИДаки, ЕГЭнуться, разВЭБали, ВОБнутые, АУЕвишие*) фонетически перекликаются с бранными словами и выражениями, поэтому признаются рискованными (риск читательского негатива). Непристойные, оскорбительные слова, «прячущиеся» за графическими гибридами, не соответствуют конвенциональному речевому поведению. В медиатекстах преобладает негативная эмоциональная составляющая, наблюдается журналистская пристрастность в информировании, стремление подчинить установки адресата собственным коммуникативным интересам. Прагматические интенции журналистов — опорочить, скомпрометировать образ того, что стало предметом их внимания.

При полиграффиксации в графическом новообразовании наблюдается сочетание кириллицы и латиницы. Прием пользуется популярностью в медийных текстах общественно-политических СМИ.

Распространение таких графодериватов демонстрирует особенности сознания современных носителей языка, отражает актуальные социокультурные реалии. Неопределенность языкового знака есть отражение нестабильности окружающей человека реальности, что может выгодно использоваться с целью манипулирования его сознанием: «Отказ от определенности значений и закрепленных в слове смыслов приводит к тому, что читатель воспринимает прежде всего не реалии и явления, изображаемые в тексте, а авторские интенции, “существующие на мерцающих, пульсирующих границах”» [Бавильский 2000: 182].

Семантика многих полиграфиксатов неоднозначна, многопланова и полиинтерпретативна [Попова 2013: 35]. Знаки другого языка могут вносить дополнительный смысл, осложнять семантику новообразования коннотативными семами, свидетельствующими об иной стилистической окраске графодеривата. На наш взгляд, журналисты не всегда уместно используют средства и приемы различных языковых уровней с целью достижения определенного коммуникативного эффекта.

Высокой степенью экспрессивности обладает полиграфиксат в следующем примере: **DDoSмалу** (заголовок). «Ъ просит МВД проверить причастность «Наших» к атакам на ИД (Коммерсантъ, 10.02.2012) — журналист обыгрывает омонимичность основы глагольной формы *достать* и англоязычной аббревиатуры *DDoS* (Distributed Denial of Service), чаще всего используемой в сложном существительном *DDoS-атака*, т.е. ‘хакерская атака’. Оценочность деривата обусловлена жаргонным характером глагола *достать* (жарг. ‘утомить, надоест’ [ССМЖ 2006]), выражающего неприязненное отношение журналиста. Но авторская интенция будет понятна только тем читателям, которым знакомо второе слово, составляющее гибридное новообразование.

Риск неправильной дешифровки деривата высок при осмыслении заголовка «**ARD-обстрел, пятая серия**» (МК, 24.01.2017) — мотивирующим для графодеривата выступает немецкая аббревиатура *ARD* — ассоциация немецких региональных общественных телерадиокомпаний. Стоит отметить находчивость автора, который, характеризуя информационную войну между Россией и Германией, обыгрывает омонимичность иноязычной аббревиатуры и сокращенного военного термина *артобстрел* (‘артиллерийский обстрел’ [ТСРЯ 2008]).

Некорректно по отношению к читателю построен следующий графодериват на базе прецедентного текста: **HOTELu** как лучше (заголовок). *Интуристов могут пустить в столицу без визы на 72 часа* (МК, 18.09.2018) ← (англ. *hotel* ‘отель, гостиница’) + *хотели* (как лучше). Материал посвящен политической инициативе введения в Москве временного безвизового режима

для иностранцев. Журналист намеренно разрушает графический облик узуального глагола, используя англоязычную лексику и обыгрывая известную цитату В.С. Черномырдина «*Хотели как лучше, а получилось как всегда*». Ассоциативная связь между новым компонентом и устойчивым словосочетанием размыта: в статье речь идет не только об отелях для иностранных граждан во время отдыха в Москве, но и визовой лояльности, ресторанном бизнесе, экономических выгодах от развития туризма и пр. Спорна и эмоциональная составляющая заголовка, выражающего сожаление, которое не поддерживается содержанием публикации.

В другом примере благодаря графодеривату оригинально обновляется структура разговорного выражения *вылететь со свистом* ('проиграть, выйти из игры, быть отстраненным от дел'), зафиксированного в словаре русского арго [Елистратов 2002]: ***Пролетели со SWIFT'ом*** (заголовок). *Финансовый аналитик Тимур Турлов — о том, когда появится европейский аналог платежной системы и как это поможет росту цен на нефть* (Известия, 10.10.2018). В новом слове обыгрывается омонимичность существительного *свист* и аббревиатуры *SWIFT* (от англ. *Society for Worldwide Interbank Financial Telecommunications* — Общество всемирных межбанковских финансовых каналов связи). Журналист намекает на то, что отключение от системы SWIFT может усилить изоляцию России на международной политической арене. Очевидно, что такая словообразовательная игра требует значительной коммуникативной компетенции читательской аудитории, особых знаний об экономическом и политическом взаимодействии между странами.

Таким образом, активизация графического словообразования в медиатекстах печатных СМИ демонстрирует тенденцию визуализации медийной коммуникации, необходимой в целях реализации воздействующего потенциала СМИ: «В печатных средствах массовой информации вербальность текста неразрывно связана с его графическим воплощением, следовательно, лингвистические средства манипулирования дополняются экс-

тралингвистическими (визуальными) способами, которые оказывают влияние на сознание и подсознание реципиента, на восприятие им информации» [Данилова 2011: 163].

При этом «графико-орфографические игры» (термин Т.В. Поповой) требуют особой коммуникативной компетентности от журналистов, так как графические гибриды могут значительно усложнять восприятие медиатекстов, что порою нецелесообразно в условиях современной информационной насыщенности. Нами определены случаи графической гибридизации, способные привести к коммуникативному дисбалансу: это излишняя экспрессивность дериватов, демонстрирующая категоричную авторскую позицию (*даБАЗАрились*, *ТРОНулись*); двусмысленность инноваций (*неСНОСные*); неопределенность исходных слов, препятствующая пониманию того, каким именно целям служит новое слово (*уСКОРИНили*, *ГраждОНин*); избыточная информативность графодериватов, требующая от адресата при восприятии значительных фоновых знаний (*Пролетели со SWIFT'ом*, *DDoSмали*).

ВЫВОДЫ

Словообразовательные ресурсы языка активно используются современными журналистами с целью воздействовать на сознание массовой аудитории, выразить личные пристрастия и антипатии, сформировать необходимое автору отношение к событию, явлению, конкретному лицу: «Технология создания текстов массовой информации предполагает максимальную эффективность воздействий сообщений на получателя» [Данилова 2011: 40].

О.Г. Ревзина отмечает, что появление окказиональных слов в речевой деятельности есть особое выражение свободы языковой личности, в процессе словотворчества происходит «высвобождение человека из-под власти языка» [Ревзина 1996: 306]. Вместе с тем словотворческая свобода авторов медиатекстов может стать фактором рискогенности последних.

Рискогенный характер медийных текстов может быть обусловлен степенью стандартности новообразований. Ингерентная (не зависящая от контекста) экспрессивность стандартных инноваций может быть обусловлена их структурно-семантическими особенностями: характером мотивирующей основы, маркированностью аффиксального элемента, несистемными нарушениями в сочетаемости морфем.

Наибольшая ингерентная экспрессивность присуща нестандартным новообразованиям, к которым относятся инновации, созданные с системными отклонениями от условий словообразовательного типа, и окказионализмы нетиповой словообразовательной структуры. Среди нестандартных новообразований наиболее рискогенными являются инновации, созданные неустандартными способами. Это графическое словообразование, гибридикация (контаминация в узком смысле, междусловное наложение, тмезис), заменительная деривация, чересступенное словообразование.

Результаты исследования подтверждают, что наблюдаемая сегодня в языке печатных СМИ свобода, «раскрепощенность» (по Е.А. Земской) нередко приводит к нежелательным последствиям коммуникативного и социального характера. Медийные новообразования стандартной и нестандартной словообразовательной структуры при определенных условиях могут обладать рискогенностью, то есть они способны приводить к возникновению коммуникативных рисков (КР). В каждом из рассмотренных способов создания новых слов выявлены случаи рискогенного словотворчества, связанные с нарушением критериев понятности, точности, стилистической уместности, этической, эстетической приемлемости речи.

Чаще всего рискогенность медийных новообразований (порядка 70% проанализированных примеров) определяется их повышенным уровнем экспрессивности, граничащей с проявлением речевой агрессии. О неуместном, некорректном использовании экспрессивных новообразований следует говорить тогда, когда их экспрессивная окраска имеет выраженный агрес-

сивный характер, противоречит этическим и эстетическим нормам; когда журналисты не учитывают особенности семантики исходных слов, представленных просторечными, жаргонными, инвективными, обценными лексемами, не принимают во внимание благозвучность новых слов. В большинстве случаев ингерентная экспрессивность рискогенных инноваций значительно усиливается стилистической тональностью того контекста, в котором они функционируют.

Риски, связанные с непониманием / неверным / неточным пониманием сообщаемого, провоцируются в тех случаях, когда авторы медиатекстов игнорируют неопределенность, двусмысленность семантики новых слов, активно задействуют в словообразовательных экспериментах заимствованные слова и компоненты, не поясняя их в тексте статей.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Как связан рискогенный характер новообразований со стандартностью / нестандартностью их словообразовательной структуры?
2. Какие коммуникативные риски могут возникать при функционировании разных структурных видов новообразований в медийных текстах?
3. Приведите примеры рискогенных медийных новообразований, созданных узуальными способами, неузуальными способами. Чем конкретно обусловлена их рискогенность? Какие коммуникативные риски могут провоцировать данные новообразования?
4. Покажите на примерах, как зависит возможность рискогенности от стандартности / нестандартности словообразовательной структуры новообразования.

ГЛАВА 3. ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РИСКОВЕННОСТИ НОВООБРАЗОВАНИЙ В МЕДИЙНЫХ ТЕКСТАХ

3.1. АКТУАЛИЗАЦИЯ СЕМАНТИКИ НОВООБРАЗОВАНИЙ КАК ФАКТОР ИХ РИСКОВЕННОСТИ

Многие исследователи неоднократно подчеркивали, что окказионализмы «структурируют смысловое пространство дискурса» [Сухопleshенко 1995], являются «важнейшей текстообразующей единицей» [Бабенко 1997], выполняют «дискурсивную (текстообразующую) и системно-ориентирующую функции» [Кубрякова 2004].

Факторы экспрессивности окказионализмов, обусловленные особенностями их функционирования, в научных работах определяются как внеязыковые, экстралингвистические [Костомаров 1971], функционально-дискурсивные [Самыличева 2011], функционально-прагматические факторы [Бекетова 2014] и др.

Контекст, в который журналист «помещает» окказиональное слово, может формировать или актуализировать его семантику, обуславливать экспрессивность нового слова или усиливать ее, способствовать пониманию всего высказывания в целом: «Текст служит средством актуализации различных сторон словообразовательного механизма. Производное слово в тексте обнаруживает свою специфическую природу, а именно — свой конструктивный характер. При рассмотрении того, как производное слово создается в речевом акте в процессе построения текста, особенно ярко виден деятельный характер словообразования» [Земская 2009: 163]. Речь идет о так называемой адгерентной

экспрессивности окказионализмов, которая как бы наслаивается на экспрессивность ингерентную. Адгерентная экспрессивность приобретает за счет лексического окружения окказионализмов, тематической направленности материалов, использования в словообразовании ключевых слов эпохи, прецедентных феноменов и пр.

1. Семантика новообразований может актуализироваться благодаря присутствию в контексте слов с тождественными корнями или тождественной структурой: *Когда были вынесены приговоры основным членам группировки «Шалтай-Болтай», версия о причастности офицеров ФСБ к деятельности шалтай-болтаевцев не нашла подтверждения* (НГ, 13.12.2017). В то же время присутствующие в контексте одноструктурные или однокоренные слова могут стать рискогенными факторами.

Новообразования, находящиеся в конце определенного микротекста, могут являться его своеобразным итогом, позволяют автору прийти к конкретному умозаключению: *В другом обществе можно было бы честно зарабатывать и не трястись от страха, что завтра посадят в тюрьму. Но тогда это послушание закону, а Родина превыше закона. Патриот отдает ей свою честь, имя, безопасность, жертвуя всем, что дорого человеку, ради утверждения воровского братства, круговой поруки. Это такая еще не вполне осознанная вера — родноворие* (НГ, 01.02.2016); *Никуда «Единая Россия» не перейдет и ни в чем не изменится. Ее внутреннее партийное пространство — это заповедная территория, где, скорее всего, еще долго все будет оставаться так, как было. Пока организация политически не вымрет и не получит у археологов будущего наименование «динозавры»* (НГ, 07.12.2018). В представленных фрагментах корневой повтор становится дополнительным средством экспрессивизации медиатекстов, он значительно усиливает общую негативную модальность высказываний. В новообразовании *родноворие* выражается оценка общественного явления, ирония деривата *динозавры* направлена на конкретную политическую группу. Риск негатива со стороны читателя возможен в том слу-

чае, если адресат не разделяет негативное отношение адресанта к объекту речи.

Экспрессия особенно заметна, когда в миниконтексте происходит столкновение нейтрального производящего и стилистически сниженного производного: *Любая однозначность и плакатность здесь совершенно неприемлемы, ибо мгновенно превращают символ в символятину* (Известия, 19.09.2018) — существительное с суффиксом **-атина(а)(-ятин(а))** называет собирательное понятие, характеризующееся признаком, названным мотивирующим словом, обычно с экспрессией неодобрения, отрицательной оценки [РГ 1980]; *И это как раз четкое и очевидное доказательство того, что все вышесказанное наши либералы (или, точнее, либерасты) сделали не случайно, а осознанно и целенаправленно* (Завтра, 16.06.2018) — конкретным образцом для окказионализма *либераст* является вульгаризм *педераст* ('тот, кто предается педерастии' [БТСРЯ 2014]), который и сообщает инновации отрицательную коннотацию. Контрастность, создаваемая посредством корневого повтора во втором случае, способна привести к КР — негативной реакции читательской публики: журналист в резкой, циничной форме выражает свое субъективное отношение к конкретной группе лиц.

Особенно значимо для данной работы наблюдение, что корневой повтор может быть своеобразным «ключом» к дешифрованию окказиональных лексем, играет роль семантизатора инновации, следовательно, помогает журналистам избежать нежелательных коммуникативных рисков, связанных с неверной / неточной интерпретацией новых слов: *От такой шизы развивается неврастения. Вот зачем так делать? Кому понадобился этот адов цирк? «Партнеры» — еще одна шизинка* (Завтра, 19.02.2015) — дериват с суффиксом **-инк(а)** выражает значение уменьшительности, совмещенное со значением единичности.

С целью эффективного воздействия на адресата активно используются ряды одноструктурных производных: *Псевдо-*

колдуны, лжецелители, псевдоцелители работали в лучших традициях не черной, а грязной магии (Россия-24, 13.09.2018) — негативная экспрессия одноструктурных новообразований также возрастает за счет словосочетания *грязная магия* — перен. ‘запахканная, нечистая, вызывающая отвращение’ [СРЯ 1981—1984]; *Нельзя пиар делать на псевдосвадьбах, псевдорождении детей* (Россия-1, 14.09.2019) — так и в первом случае, повтор одноструктурных производных способствует интенсификации негативной составляющей всего медийного текста; *Некогда вольное виртуальное пространство, разрекламированное как прообраз грядущего рая, захвачено и разграничено киберполицией и киберпреступностью, кибервойсками и кибершпионами, кибертеррористами и киберморалистами* (Независимая газета, 11.02.2019) — в данном случае безоценочный префиксид *кибер-*, обозначающий отношение к эпохе цифровых технологий, участвует в производстве сразу шести одноструктурных дериватов. Многочисленный повтор способствует нагнетанию критической информации, что необходимо автору для характеристики регрессирующего состояния современного интернет-пространства.

Особенно распространены в аналогическом словообразовании имена существительные, образованные от антропонимов и связанные в предложении синонимическими отношениями: *Трампушка за Обамушкой* (заголовок). *Россия снова выбирает президента. К сожалению, всего лишь американского...* (НГ, 22.08.2016) — уменьшительные дериваты выражают авторскую насмешку над излишней заинтересованностью российских граждан ходом американских выборов, а также их наивными надеждами на налаживание взаимоотношений с США; *Горбачевщина, ельцинщина, собчаковщина... что дальше?* (Завтра, 27.08.2018) — существительные с суффиксом *-щина*, образованные от личных имен собственных, имеют словообразовательное значение ‘обладание качествами того лица, которое названо производящей основой’ [РГ 1980]. Инновации характеризуются неодобрительностью, формируемой словообразовательным аф-

фиксом и поддерживаемой контекстом: *Почему столь презрительно относится народ к стилю руководства государством и обществом перестройщиком М. Горбачевым, реформатором Б. Ельциным, отцом новой русской демократии А. Собчаком? Потому что все они ренегаты, разрушители Советского Союза* (Завтра, 27.08.2018). Формирование отрицательного образа упомянутых исторических личностей происходит посредством негативно оценочной лексики — *презрительно* (‘пренебрежительно, высокомерно’), *разрушители* (‘тот, кто или то, что разрушает что-л.’), *ренегаты* (перен., презр. ‘человек, изменивший своим убеждениям и перешедший в лагерь противников; отступник, изменник’) [БТСРЯ 2014].

В следующем тексте словообразовательный формант **-изм** лишен маркированного оценочного значения, однако оценочность новообразований формируется благодаря включению их в развернутую метафору, отсылающую читателя к древнегреческой мифологии: *Нам предстоит уподобиться хитроумному Улиссу и проплыть и мимо Сциллы **путинизма**, и мимо Харибды **навальнизма**, потому что и та, и другая попытаются использовать левонастриотическую оппозицию и идущие за ней народные массы в своих целях* (Завтра, 22.10.2018).

В другом фрагменте с целью экспрессии используется целый ряд дериватов с суффиксоидом **-гейт** (о суффиксоиде **-гейт** см. с. 82): *Сплошной Хилларигейт* (заголовок). *За время пребывания Клинтон в Белом доме этот список пополнился **Трэвелгейтом**, **Уайтуотергейтом**, **Файлгейтом**, **Чайнагейтом**, **Моникагейтом** и **Пардонгейтом*** (СС, 07.11.2016) — так журналист обозначает политические скандалы, связанные с деятельностью Хиллари Клинтон.

Негативная тональность текста усиливается, если один из компонентов одноструктурных дериватов содержит в себе негативную оценочную сему: ***Гоп-политика**, **гоп-экономика**, **гоп-журналистика**, **гоп-религия** тоже по сути гибридные: они соблюдают одни законы профессии, чтобы создавать себе алиби при нарушении других* (НГ, 13.11.2017) — корневая морфема

гон- стилистически маркирована, представлена в жаргонных лексемах *гонота*, *гонник*, *гон-компания* и др. [ССМЖ 2006]; *Лже-собор*, *лже-церковь*, *лже-предстоятель*, *лже-президент*, *лже-государство...* (Завтра, 15.12.2018) — нарастание экспрессии происходит благодаря префиксоиду *лже-* со значением ‘мнимости, неистинности, ложности’. В двух данных случаях можно отметить подчеркнуто агрессивный тон высказываний, перенасыщенность текстов лексемами, имеющими отрицательную окраску, что может вызвать у читателя тягостное впечатление. В этих фрагментах повтор одноструктурных производных нарушает критерии эстетической и этической приемлемости речи, следовательно, актуализирует КР отрицательного отклика аудитории.

2. Следующий тип актуализации семантики новообразований — текстовая актуализация. Актуализирующий контекст «эксплицирует те семантические признаки, которые являются основой семантического согласования актуализируемого и актуализатора. Обеспечивая процесс коммуникации (передачу информации и воздействие на адресата), текст и актуализирующий контекст отражают познавательный процесс и его результаты, являются средством формирования и выражения мысли, воплощают чувственно-эмоциональную сферу жизни человека» [Абдуллина 2010: 160].

Посредством текстовой актуализации семантики новообразований может сниматься или «смягчаться» рискогенность новообразований, созданных как узуальными, так и неuzuальными словообразовательными способами.

Проблемы интерпретации новообразований стандартной словообразовательной структуры могут возникнуть из-за характера значения мотивирующей основы или абстрактной семантики словообразовательного аффикса. Например, в существительных с суффиксом *-тель* выражается агентивное значение производителя действия, конкретизируемое только контекстуально [РГ 1980]. Текст помогает понять, что обозначается дериватом, — одушевленное лицо или неодушевленный предмет:

«Вовлекатели» подростков сядут на 5 лет. Дума заинтересовалась «политическими педофилами»: кого посадят за вовлечение в митинги (МК, 08.11.2018); Омрачителем или осветителем пространства может быть назван человек (Завтра, 12.02.2016); В конце 2011 года чиновники решили разобраться, чем на самом деле занимаются «развиватели» инновационных бизнесов, и прояснить судьбу выделенных компании бюджетных средств (МК, 26.02.2012). Контекст позволяет исключить коммуникативные риски, связанные с неверным или неточным декодированием словообразовательных инноваций.

Правильной интерпретации всего медийного текста может способствовать авторское разъяснение семантики окказионального слова (или его составной части): *И это назначение не вписывается ни в какую из ранее обсуждавшихся многочисленными экспертами логик «губеропада» — омоложения губернаторского корпуса (НГ, 02.10.2017); Для отмывания денег, в том числе полученных от прямой криминальной деятельности вроде кибершантажа — когда зараженные вирусами компьютеры требуют от пользователей перевода денег на биткоин-кошельки (НГ, 31.07.2017); ЧОВУ. Чиновник — человек с ограниченными возможностями... ума (заголовок). Депутаты-ЧОВУ и чиновники-ЧОВУ может быть вы все же не ЧОВУ, а провокаторы, которые реально ведут подрывную деятельность в отношении существующего конституционного строя! (НВ, 08.11.2018). В контексте может даже присутствовать указание на особенности структуры нестандартного новообразования: Обвинение + приговор = **обвивор** (заголовок). Большую часть текста приговора братьям Навальным судья скопировала из обвинительного заключения (НГ, 26.01.2015).*

Особое значение приобретает контекст при семантизации окказионализмов на базе имен собственных и аббревиатур, денотат которых неочевиден для адресата. Вероятность неправильной / неточной интерпретации новообразования значительно снижена в следующих фрагментах, поскольку в подзаголовке присутствует мотивирующее слово: *Остановить «лысаковщи-*

ну!»! (заголовок) *Транспортники возмущены пиаром депутата Госдумы Вячеслава Лысакова* (НВ, 03.11.2015); *Недоманили* (заголовок). «Тольяттиазот» потерял порт в Тамани (НВ, 11.08.17); *ВЭБ-камера* (заголовок). *Кризис-менеджеры Внешэкономбанка распродают активы и снова просят денег у государства* (НВ, 01.04.2016).

В другом случае в результате журналистской небрежности не просто усложняется понимание всего медиатекста, но происходит дезориентация массового адресата в информационном потоке: *КОИБания с линией партии* (заголовок). *Как ЦИК создает политические проблемы из обычного разгильдяйства* (НГ, 11.03.2018) — сложность при восприятии окказионализма связана с определением денотата мотивирующего слова — редкой аббревиатуры *КОИБ* (*Комплекс обработки избирательных бюллетеней*). Авторские пояснения к исходному слову отсутствуют, актуализируется риск непонимания читателем содержания статьи и журналистских интенций. Кроме того, производное вызывает нежелательные ассоциации с бранной лексемой, что неприемлемо с точки зрения этических представлений.

С трудностями интерпретации адресат может сталкиваться при восприятии слов-гибридов, использованных в качестве заголовков. Чтобы понять окказиональный заголовок, читатель должен проанализировать его морфемный состав, однако структура новообразований бывает неочевидной, «не видны границы морфем, составляющих окказионализм» [Шумилова 2011: 247].

Новообразование-заголовок «*Плотоядные*» (НВ, 27.08.2012) создается способом междусловного наложения существительного *плата* и зоологического термина *плотоядные*. В статье журналист рассуждает о том, что бурный рост доходов (зарплат) государственных менеджеров губительно отражается на российской экономике. Буквально значение деривата можно сформулировать так — ‘питающиеся (зар)платой’. Дериват обладает выраженной негативной оценочностью. Структура контакминированного новообразования также выводится исключительно-

но благодаря контексту. Использование таких «неочевидных» окказионализмов в изолированном виде, в качестве заголовков, может ввести читателя в заблуждение.

В другом тексте даже намек, присутствующий в подзаголовке, может не помочь читателю интерпретировать окказиональный контаминант: *В обстановке взаимной талейрантности* (заголовок). *Президенты России и Франции в Версале проговорили три часа* (Коммерсантъ, 30.05.2017). Одно из производящих — существительное *толерантность*, оно легко может быть определено реципиентом, так как довольно часто используется в прессе. Второе исходное слово — имя французского политика и дипломата *Талейрана*, занимавшего пост министра иностранных дел Франции (в 1-й половине XIX в.). Второе производящее появляется в тексте статьи: *Специальный корреспондент “Ъ” Андрей Колесников считает, что не случайно после трехчасового общения президенты называли друг друга исключительно «он» и не демонстрировали даже признака теплых чувств, действуя в полном соответствии с заветами министра Талейрана* (Коммерсантъ, 30.05.2017). Подчеркнем, что журналист далее не раскрывает сущности обозначенных заветов. Заголовок материала демонстрирует скорее не находчивость журналиста, а его стремление показать свою эрудированность в ущерб информативности.

Поэтому в случае новообразований-заголовков *платоядные*, *талейрантность* текстовая актуализация их семантики может «не сработать»: заголовок, недопонятый адресатом, отрицательно скажется на его восприятии журналистского текста.

За счет контекстуального окружения деривата нередко достигается негативизирующее воздействие на реципиента, меняющее его представление о том или ином объекте действительности. Например, универбат *информационники* вне контекста является безоценочным, используется для обозначения журналистов информационных программ. В следующей статье «Новой Газеты» он приобретает устойчивое негативное содержание, способное исказить представление аудитории обо всех пред-

ставителях данной профессиональной группы: *Да почти у всех у них, и спортивных комментаторов, и информационных, «каждый бой как последний». Не знаю, содрогнется ли по наказу Исинбаевой мир, но лично я, натываясь на такие репортажи и комментарии, содрогаюсь и недоумеваю: зачем превращать яркое, красочное и азартное зрелище в идеологическое ристалище, к чему весь этот патриотический пафос, призванный убедить зрителей, что Россия — сильнейшая спортивная держава, которой, однако, буквально всюду вставляют палки в колеса, дабы унижить, выбить из седла, лишит заслуженного мирового лидерства. А так-то мы о-го-го! Так-то всем рекордам следовало бы наши звонкие дать имена!* (НГ, 12.08.2016). Негативный образ создается комплексно: использован метафорический перенос (*превращают зрелище в идеологическое ристалище*), ряды отрицательно оценочных однородных членов (*я натываясь, содрогаюсь, недоумеваю; Россию унижают, выбивают из седла, лишают лидерства и пр.*), ироничное переосмысление прецедентов (*последний бой, всем рекордам наши звонкие дать имена*).

Рискогенные экспрессивные наслоения нередко приобретают отантропонимические дериваты в медиатекстах политической направленности: *Для раздачи паек «благотели» незаконно используют труд совсем мелких ребяташек под издевательской надписью «дитячий майданчик». Особо подчеркнул, что стеб над шайкой Порошенко не означает поддержки изгнанной банды Януковича, при котором тоже подкупали всюю. Отрицать увиденное невозможно — и порошенковцам осталось только утереться* (Завтра, 25.10.2015). Негативная оценочность новообразования *порошенковцы* ('сторонники Петра Порошенко') создается контекстом, в котором высока концентрация лексических средств, снижающих образ описываемой группы: оценочные эпитеты (*мелкий, издевательский, изгнанный*), слова с негативной семантикой (*стеб, шайка, банда*), разговорные глаголы (*утереться*), уменьшительные дериваты с оттенком неодобрения (*майданчик*).

Окказиональное слово становится как бы отправной точкой экспрессивно-заряженного сообщения, прагматическая цель которого сделать объект негативного отношения адресанта объектом негативного отношения адресата: **ОМОНополия** (заголовок). *К детскому вопросу «Кем быть?» добавился еще один — «Кого бить?»* (НГ, 26.09.2018). Контекст свидетельствует о негативной оценке автора: *Как говорят театралы, если в первом акте дубинка висит на стене, то в третьем ею непременно кого-то огреют. Кого в условиях российской демократии полагается обхаживать омовской дубинкой? На этот вопрос есть подсказка. Демонстрация дубинки на детском празднике выглядела особенно убедительно после прошедших за несколько дней до того акций протеста, когда по всей стране бойцы ОМОНа с энтузиазмом разгоняли противников нового пенсионного закона. В самом Челябинске силовики в тот день, 9 сентября, тоже не облака разгоняли...* (НГ, 26.09.2018). Экспрессивность заголовочного новообразования создается оценочными штампами оппозиционного дискурса (*обхаживать дубинкой, разгонять противников*), метафорой с ироническим оттенком смысла (*разгонять облака*), трансформированным прецедентным текстом (*если в первом акте дубинка висит на стене, то в третьем ею непременно кого-то огреют*).

Можно заметить, что представленные фрагменты имеют примерно общую схему построения: в них присутствует избыточная выразительность и детализация, неуместная ирония или языковая игра, эпатаж и пафос, профанация ценностных установок. К сожалению, адресанты не учитывают или сознательно игнорируют возможные коммуникативные риски, провоцируемые агрессивным речевым поведением. А именно — неточное, искаженное информирование, нарушение этических принципов в предоставлении фактической информации.

3. Еще один тип семантической актуализации — это затекстовая актуализация. Это актуализация фоновыми знаниями воспринимающего адресата, а также идейно-тематической направленностью медийного текста, коммуникативными установ-

ками адресанта. Изучение современных медиатекстов подтверждает тот факт, что в использовании различных форм речевого воздействия журналистам часто не хватает этической культуры: многие журналистские тексты характеризуются эпатажностью и вульгарностью, в подаче информации чувствуется тенденциозность, пошлость, цинизм, агрессивность, которые и определяют рискогенность медийного текста. Это не может не отразиться и на происходящих в СМИ словообразовательных процессах.

Так, в современных условиях мультикультурализма рискогенными следует признать окказионализмы, нацеленные на формирование критического, насмешливого, отрицательного отношения к представителям расовых, этнических, религиозных групп.

В заголовке «*Узбешное лечение*» (НВ, 25.02.2013) журналист трансформирует словосочетание *успешное лечение*, выбрав в качестве второго производящего слова существительное *узбек*. В тексте говорится о финансовых растратах российской системы здравоохранения на медобслуживание нелегальных мигрантов: *Оказание медицинской помощи нелегальным мигрантам обходится казне в миллиарды рублей* (НВ, 25.02.2013). В таком контексте окказионализм приобретает явный оскорбительный характер: не все выходцы из Узбекистана имеют статус нелегальных мигрантов в России. На наш взгляд, подобные высказывания не должны допускаться в материалах газет многонационального государства, они не способствуют развитию толерантности в пространстве социума. Более того, такие новообразования можно считать проявлением экстремизма.

Проявление журналистского цинизма, глумления над человеческими страданиями видим в следующих фрагментах: *Туркнуть курдов* (заголовок). *Новый план Эрдогана в Сирии: остановить расползание Курдистана одним махом* (НВ, 15.10.2017) ← *турки* + *турнуть* (жарг. ‘выгнать, убрать’ [ССЛЖС 2014]); *Карабахнуло!* (заголовок). *Кто и зачем разогрел армяно-азербайджанский конфликт?* (НВ, 11.04.2016) ← (*Нагорный*) *Карабах* + *бахнуть* (разг. ‘выстрелить’ [БТСРЯ

2014]). Предметом журналистского обыгрывания становятся кровопролитные военно-политические конфликты, которые длятся на протяжении многих лет. Стилистически сниженные лексемы, мотивирующие контаминанты, формируют издевательский тон высказываний, особенно неуместный, если учесть те фоновые знания, которые актуализируются в связи с описываемыми событиями.

Нравственные ценности, закрепленные кодексом профессиональной этики журналиста, также игнорируются в следующих медийных текстах с участием новообразований: **Убоинг** (заголовок). *Дубайским лайнером управлял усталый пилот* (НВ, 28.03.2016) ← *убойный* + *Боинг*; *В состоянии полной **расстрелянности*** (заголовок). *Украина решила поиспытывать свои ракеты под Симферополем* (Коммерсантъ, 26.11.2016) ← *расстрел* + *растерянность*. Журналисты будто смакуют детали бед и несчастий, создают такие заголовки, в которых прослеживается насмешливый, язвительный тон. Дополнительные ассоциации, возникающие благодаря дериватам, необходимо признать недопустимыми, некорректными: они подогревают нездоровое любопытство массовой аудитории, не способствуют конструктивному и объективному отражению освещаемых событий. Такое речевое поведение журналиста опасно, способно приводить к социальной нестабильности.

На разжигание религиозного конфликта нацелен медиатекст под заголовком *«**Томосятина** на Украине: мечты, реальность и перспективы»: 15 декабря состоялся долго ожидаемый так называемый «Объединительный собор», организованный с целью создания единой Церкви, которая получит Томос об автокефалии от стамбульского патриарха Варфоломея* (Завтра, 28.12.2018). Дериват создается на базе узуального *томос* ('указ настоятеля поместной православной церкви по некоторому важному вопросу церковного устройств') и пейоративного существительного *гомосятина* (неодобр. 'гомосексуализм') [БТСРЯ 2014], обусловившего инвективность новообразования. Посредством такого заголовка весь последующий текст получает мощ-

ный агрессивный импульс. Уровень экспрессивности особенно высок в связи с тем, что данное явление связывается в сознании адресата с развитием русско-украинского конфликта.

Нередко для адекватного понимания новообразования читателю необходимо знание не только языковой системы (в случае обыгрывания полисемантов, омонимов, паронимов и пр.), но и знание экстралингвистических реалий, которые привели к появлению нового слова.

Новообразование *галстукоед* широко распространилось в медийном дискурсе после того, как телерадиокомпания ВВС показала в своем эфире кадры, на которых президент Грузии Михаил Саакашвили жует свой галстук. Новообразование до сих пор появляется в медийных текстах, характеризуется карикатурностью: *В этой ситуации есть еще один, не слишком афишируемый аспект: хорошо известно, что для Кремля «галстукоед» Мишико является абсолютно неприемлемой и «нерукопожатной» фигурой — в отличие даже от Порошенко* (Завтра, 19.09.2017); *В российских и юго-осетинских СМИ, вспоминая о конфликте, говорят о преступной агрессии неадекватного «грузинского фюрера» или «галстукоеда»* (МК, 12.08.2015).

Знания происходящего в пространстве интернета необходимы для верной интерпретации композита *няш-прокурор*: *Наталья Владимировна, увы, так и не снискала большего авторитета в прокурорской среде. По словам знакомого прокурорского работника, отношение к ней было, конечно, ироническим. Всем было понятно, что «няш-прокурор» — это сугубо политический проект с ограниченным сроком действия. О том, что Поклонская сделала свое дело, и пора бы уже заменить ее менее эксцентричной фигурой, разговоры пошли в Москве примерно через год после ее назначения* (МК, 21.09.2017) — за привлекательную внешность экс-прокурору Крыма Наталье Поклонской пользователи интернета дали прозвище *няша* (сленг. ‘прелесть, о чем-то умильном, красивом’ [ССЛЖС 2014]).

Полноценная интерпретация указанных окказионализмов, а также понимание механизма формирования их оценки, возможны только на базе фоновых знаний. Если адресат ими не обладает, процесс коммуникации может не состояться, авторские коммуникативные намерения не будут реализованы в полной мере.

Распространение в мире коронавирусной инфекции привело к лавинообразному словотворчеству в медийных текстах. Можно сказать, что в связи с пандемией подчас нагнетается паника, в том числе с помощью экспрессивных новообразований стандартной и нестандартной словообразовательной структуры. Базой для таких дериватов чаще всего становятся номинации нового вируса — *коронавирус* и *COVID-19*, а также частотные в СМИ существительные *вирус*, *пандемия*: *Мало того, прекрасно осознаем, что «корона-гейт» приведет к вполне ощутимым изменениям, включая финансовый кризис...* (Аргументы недели, 20.03.2020); *Докоронавирусные времена* (Первый канал, 24.03.2020); *Коронадайджест: миллион заразившихся, США начали тотальную слежку за гражданами, Москва самоизолировалась* (TSARGRAD.TV, 30.03.2020); *Три причины коронаистерики* (YouTube, 30.03.2020); *Психологи рассказали о «ковидофобии» у москвичей среднего возраст. <...>. Это болезнь — выйти на улицу и заразиться. Данный феномен можно назвать «ковидофобией»* (RADIOSPUTNIK.RIA.RU, 08.04.2020); *COVIDное постоянство: коронавирус станет сезонной болезнью, как грипп* (Известия, 28.02.2020); *Не разгоняйте паникодемию* (Вести FM, 30.03.2020); *Пугаловирус* (заголовок). *Коронавирус поможет одним заработать, другим — набрать политические очки* (Наша Версия, 23.03.2020); *Российскую экономику поразил сечинавирус. Реакция соцсетей на обвал курса рубля* (tvrain.ru, 12.03.2020). Журналистская словообразовательная игра в данной ситуации не способствует снятию напряженности в социуме, и может быть воспринята читателями как элемент издевки, глумления. Учитывая драматичность проис-

ходящих событий, считаем, что данные новообразования обладают рискогенностью, они способны спровоцировать риски коммуникативного и социального характера.

Таким образом, рассмотренный материал свидетельствует о значительной зависимости окказиональных слов от окружающего контекста. Актуализация ресурсов словообразования в медиатексте подчиняется намерениям — коммуникативного и прагматического характера — создателя сообщения. Так, корневой или структурный повторы могут играть положительную роль в процессе семантизации инноваций, являться важнейшей структурной единицей текста, способствовать интенсификации экспрессивности медийных новообразований.

Выявлены случаи отрицательного влияния результатов словотворчества на информативность медиатекстов. Риски, связанные со снижением информативности, могут быть обусловлены: многозначностью аффиксов (*вовлекатели*), использованием в качестве исходных слов имен собственных или аббревиатур (*КОИБания, цапковщина*), наличием у новообразований-гибридов неочевидной структуры (*платоядные*). Рискогенность таких новообразований может сниматься благодаря текстовой актуализации: в контексте присутствуют «ключи» к расшифровке инноваций. Нередко восстановить лексическое значение окказионализма возможно только благодаря обращению к «культурной памяти» читателя, к «внетекстовым» сведениям.

При этом условия функционирования новообразований могут определять их рискогенность. Во взаимодействии с другими единицами текста, с его идейно-стилистической направленностью, «затекстовыми» категориями новообразование может приобретать резкую экспрессивную окраску, способную оскорбить чувства адресата. Например, высокий уровень конфликтности современного общественного пространства отражают медийные новообразования, направленные на провокацию религиозных, этнических, расовых разногласий (*туркнуть, томосятина*).

3.2. МЕДИЙНЫЕ НОВООБРАЗОВАНИЯ НА БАЗЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ: РИСКИ СЛОВОТВОРЧЕСТВА

Рассматривая деривационные процессы в текстах СМИ, нельзя обойти вниманием столь яркое явление, как интертекстуальность, структурными единицами которой выступают прецедентные тексты (ПТ). Интерес к данному явлению обусловлен способностью ПТ отражать некий «образ мира» (модель действительности): «ПТ — это, прежде всего, средства когнитивно-эмотивной и аксиологической фокусировки <...>, указывающие на глубину индивидуальной и групповой (социальной) памяти и свидетельствующие о способах художественной “обработки” актуальных для нас вопросов и проблем. Эти тексты являются также и свидетельством притяжения или отталкивания, деформации или переструктурирования психологических и социально-психологических установок, существующих в социуме (в лингвокультурной общности)» [Сорокин 1993: 113].

Под прецедентным текстом (ПТ) понимается «текст, значимый для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющий сверхличностный характер, то есть хорошо известный широкому окружению этой личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такой, обращение к которому возобновляется неоднократно в дискурсе данной личности» [Караулов 2010: 30].

В лингвистической литературе чаще используется более широкое понятие — «прецедентные феномены» (ПФ). Под ПФ исследователи понимают такие феномены, которые: 1) хорошо известны всем представителям национально-лингво-культурного сообщества («имеющие сверхличностный характер»); 2) актуальны в когнитивном (познавательном, эмоциональном) плане; 3) обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества [Красных 2003: 170]. В рамках ПФ рассматриваются четыре категории: прецедентный текст, пре-

цедентное имя, прецедентное высказывание и прецедентная ситуация [Красных 2003: 172]. Вслед за В.В. Красных, предлагаем считать ПФ родовым понятием для всех перечисленных категорий.

Прецеденты, как правило, обладают значительным воздействием потенциалом, что обуславливает их широкое распространение в сфере медиа: «Прецедентный текст <...> — текст, обладающий определенным культурным авторитетом и вызывающий к себе уважение (иногда поклонение) у носителей языка. Этим обуславливается возможность использования прецедентного текста с целью убеждения коммуникативного партнера в своей точке зрения» [Слышкин 2000: 133]. Прецедентные феномены используются для формирования необходимого отношения к факту действительности или восприятия действительности адресатом, посредством создания эмоционального отношения (позитивного или негативного) к описываемым явлениям действительности [Воронцова 2006: 64].

Обыгрывание прецедентности преимущественно встречается в заголовочных комплексах, что объясняется их функцией по привлечению и удержанию внимания адресата. Словообразовательная игра, основанная на тесной смысловой связи между дериватом и используемым ПФ, помогает обострить внимание читателей, активизировать их мыслительную деятельность, порождает так называемое «коммуникативное соавторство» (термин Т.Г. Винокур).

Удачное обыгрывание прецедентности обогащает журналистский текст, побуждает адресата дальше участвовать в совместном соавторстве, которое «составляет особую привлекательность для адресата, заставляя его проделать ряд умозаключений, чтобы понять замысел отправителя текста, установить связь между цитатой и текстом журналиста» [Фашанова 2014: 126].

При всей выразительности рассматриваемого приема, важно подчеркнуть, что журналист должен всегда объективно оценивать кругозор своих читателей, иначе передаваемая мысль

останется недоступной для адресата или будет воспринята им в искаженном виде: без комплекса культурно-исторических ассоциаций, основанных на фоновых знаниях адресата, адекватная интерпретация новообразований на базе ПФ невозможна.

Окказионализм *киндернатор* мотивирован прозвищем бывшего премьер-министра Сергея Кириенко (*Киндер-сюрприз*) и существительным *губернатор*: **Киндернатор** (заголовок). *Сергей Кириенко затевает большой передел России* (НВ, 09.07.2018) ← *киндер* + *губернатор*. Осуждающая оценка известной политической фигуры выводится из контекста: *Кастинг-директор и утилизатор губернаторов* (Сергей Кириенко. — Авт.), а также *неформальный куратор перспективного плана развития страны* (НВ, 09.07.2018). В процессе словотворчества адресант исходит из нескольких моментов: 1) исходная номинация-ярлык *киндер-сюрприз* известна адресату; 2) адресату известны факты и события, которые привели к ее появлению; 3) негативные эмоции адресанта совпадают с эмоциями адресата. Перлокутивный эффект в данном случае реализуется при соблюдении всех трех перечисленных условий. При отсутствии первых двух условий читатель не поймет смысл негативной оценочной номинации, возникнут так называемые «смысловые ножницы, вызванные несовпадением смысловых «фокусов» общения в ходе речевого взаимодействия» [Дридзе 1984: 181]. Таким образом, новообразование на базе прецедентного имени становится рискогенным: не соблюдается критерий понятности высказывания. Читатель может не распознать смысл нового слова или, распознав его, может не согласиться с формируемой негативной оценкой — добавляется риск нежелательной реакции реципиента.

Коммуникативные риски в медийном тексте зачастую связаны с теми образными аллюзиями, которые возникают в сознании адресата благодаря используемым прецедентам. ПФ могут безосновательно усложнить медиатекст, стать источником избыточной метафоричности, излишней информативности, затрудняющей процесс коммуникации. Так, заголовок статьи «*Федре-*

зерву — федрезерво?» (Завтра, 10.03.2016) отсылает читателя к библейскому изречению *Кесарю кесарево, а Богу Богово*. Базовое выражение преимущественно используется в узком, житейском смысле — ‘каждому свое, каждому — по заслугам’ [Серов 2005]. Словообразовательная игра строится на базе существительного *федрезерв* (федеральная резервная система), которое полностью трансформирует исходный прецедент. Связь окказионализмов с библейской тематикой неоправданно усложняет текст, нацеливает читателя на поиск глубоких смыслов, не отраженных в журналистском материале. Заголовок также можно признать чересчур громоздким, его звуковой облик сомнителен с точки зрения эстетики.

Значительно осложнена семантизация графодеривата в заголовке «*CASyc белли*» (Известия, 06.03.2018). Информационным поводом для написания статьи стало то, что CAS (от англ. *Court of Arbitration for Sport* — ‘Спортивный арбитражный суд в Лозанне’) удовлетворил апелляцию российских олимпийцев, обвиненных Ричардом Маклареном в использовании допинга. Адресат должен быть знаком с употребленной аббревиатурой, а также должен понимать актуализируемый ПФ: *казус белли* (лат. *casus belli* — ‘случай (для) войны, военный инцидент’ — юридический термин времен римского права, означающий формальный повод для объявления войны [ТСРЯ 2008]). Журналист рассчитывает на значительные фоновые знания читателя, на его достаточно высокий уровень социального и культурного развития. По нашему мнению, автор переоценивает интеллектуальные возможности «среднестатистического» читателя: без социальных и общекультурных знаний восприятие медийного заголовка в данном случае невозможно.

Спорным является аллюзивный смысл заголовка «*БРИКС-криг*»: *Десятый саммит «пятерки» открывается на фоне торговых войн* (Коммерсантъ, 25.07.2018). *Блицкриг* (теория ведения скоротечной войны) в сознании российских граждан ассоциируется с реалиями Великой отечественной войны. Отрицательный оценочный фон, формируемый посредством деривата,

может стать причиной нежелательной читательской реакции. Кроме того, заголовок денотативно не точен, провоцирует двусмысленность. В статье говорится о торговых «разногласиях» между членами союза БРИКС (Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР) и Соединенными Штатами. А новообразование подталкивает читателя к другому толкованию текста: якобы экономическое взаимодействие затруднено между странами-членами БРИКС, но это не соответствует реальному положению дел. Возможной экстралингвистической причиной появления КР является различие в картинах мира адресанта и адресата.

Вообще, аббревиатуры, задействованные в создании гибридного новообразования, всегда работают на усложнение медиатекста: аббревиатуры по своему значению эквивалентны словосочетаниям. Следовательно, аббревиатурные новообразования, участвующие в игре с прецедентами, обладают особой семантической емкостью, требующей авторской компетентности: *Походка от «ЕдРа»* (заголовок). *Наши выборы похожи на конкурс красоты* (НГ, 07.09.2016) — автор в шуточной форме использует знаковую для нашего времени аббревиатуру *ЕР* (официальное сокращение названия политической партии «Единая Россия») и выражение *походка от бедра*, характерное для сферы моды, шоу-бизнеса. В тексте автор проводит сравнение между выборами депутатов и конкурсами красоты: *«И девушки мало чем отличаются друг от друга, и кандидаты в депутаты — как на подбор»* (НГ, 07.09.2016).

В заголовке *«Накрылись ТОАЗом»* (Как беглые олигархи Владимир и Сергей Махлай могли недоплатить еще 900 млн. руб. налогов с «Тольяттиазота» (НВ, 02.09.2018)) журналист в целях словообразовательной игры эксплуатирует устойчивое словосочетание жаргонного типа *накрыться медным тазом* (жарг. ‘погибнуть, потерпеть крах, оказаться неосуществимым’ [ФСРЯ 2007]) и аббревиатуру *ТОАЗ*, обозначающую крупнейшую российскую химическую компанию *Тольяттиазот*. В статье рассказывается о хищениях на предприятии на сумму более 85 млрд рублей. Заголовок передает

ироническое авторское отношение к тому, что махинации главных фигурантов дела раскрыты, подозреваемые находятся в бегах. Неоднократное обращение журналистов к образам, имеющим низкий социальный статус, может привести к огрублению языкового сознания населения.

Сложности осмысления новообразования могут быть связаны не с трансформируемым прецедентом, а с характером мотивирующего окказионализм слова: *Не смешите наши виписэны* (НГ, 02.10.2017) — окказионализм *виписэны* полностью вытесняет узуальную лексему из состава устойчивого выражения *не смеши мои подковы*. Это выражение используется тогда, когда нужно выразить несогласие по какому-либо вопросу (чаще — в шутливой форме). Дериват образован от иноязычной аббревиатуры *VPN* (англ. *Virtual Private Network* — ‘виртуальная частная сеть’). Данное понятие распространено в интернет-среде, в частности, *VPN-подключение* используется в целях безопасности: оно делает невозможным слежение в интернете. Какой-либо поясняющий авторский комментарий к окказионализму в данном примере отсутствует.

В заголовке статьи о хакерских атаках *«ХАКнули в душу»* (МК, 30.09.2016) используется разговорное экспрессивное выражение *плевать в душу* (разг. ‘оскорблять самое дорогое для кого-либо, самое сокровенное в ком-либо’ [ФСРЯ 2007]). Глагол *хакнуть* омонимичен гипониму глагола *плевать* — *харкать* (разг. ‘выплевывать мокроту при кашле, прочищая горло, плевать мокротой’ [СРЯ 1981—1984]). Графически в новом слове выделяется компьютерный жаргонизм *хак* (‘программа, предназначенная для компьютерного взлома’), от которого произведен популярный сленгизм *хакнуть* (‘взломать сайт, компьютер’) [ТСРЯ 2008]. Нарушение критерия понятности высказывания, обусловленное включением в состав дериватов англицизмов, влечет риск полного непонимания обсуждаемой в материале проблемы. Заимствованные лексемы *VPN*, *хакнуть*, участвующие в образовании окказионализмов, распространены в интернете. Читатели (особенно представители старшего поколения) могут не знать

значения исходных слов, между адресатом и адресантом возникает дистанция, провоцирующая коммуникативный дисбаланс.

Чисто формальная связь между новообразованиями и прецедентами, на базе которых они создаются, может препятствовать адекватному пониманию медийных текстов: *Керри-бредни, ангел мой* (Завтра, 01.05.2015) — эксплуатируется строчка из стихотворения Осипа Мандельштама (*Шерри-бренди, ангел мой*) и имя американского политика *Джона Керри*; *Легкое сдыхание* (заголовок). *От грязного воздуха каждый год умирают 140 тысяч россиян* (НВ, 15.01.2018) — междусловное наложение *сдыхать* + *дыхание*, на базе названия знаменитого рассказа И.А. Бунина «Легкое дыхание»; *В списках не бачатся* (заголовок). *Кто и за что на Украине попал под российские санкции* (Коммерсантъ, 02.11.2018) — междусловное наложение *бачить* + *значится*, трансформируется название романа Бориса Васильева «В списках не значился» посредством украинизма *бачить* (‘смотреть, глядеть, видеть’). Во всех указанных примерах, в которых используются прецедентные тексты со сферой-источником «Литература», смысловой связи между новообразованием и культурным контекстом не прослеживается: отсылка к известным литературным произведениям используется лишь в формальных целях. В работе К.М. Накоряковой такое использование ПФ называется «конструированием по образцу». Исследователь подчеркивает, что «в этом случае автор нового текста не опирается на переключку смыслов, а только заимствует внешнюю форму высказывания <...> Смысл такой операции с текстом сомнителен» [Накорякова 2009: 218—219].

Вероятно, запросами современной аудитории можно объяснить востребованность в качестве источника ПФ сферы «Телевидение и кинематограф»: чтению книг носители языка предпочитают просмотр популярных фильмов, телесериалов, различных развлекательных ток-шоу. В большинстве таких примеров прецедент также выступает в функции «упаковочного средства» для нового слова: *Слава ВЭБу, ты приехал* (заголовок). *Как визит Сулеймана Керимова в Россию может быть*

связан с махинациями Внешэкономбанка (НВ, 09.02.2018) — платформой для отабливированного деривата выступает название юмористической программы «Слава Богу, ты пришел!»; *Эль-Бабий бунт* (заголовок). *Турецкий сценарий борьбы с террористами в Сирии не совсем совпадает с российским* (Коммерсантъ, 15.02.2017) — междусловное наложение имени собственного *Эль-Баб* (город в Сирии) и названия советской оперетты «*Бабий бунт*»; *Откройте, интерполия!* (заголовок). *Российское бюро Интерпола ищет преступников по всему миру* (НВ, 16.07.2018) — в образовании деривата участвует префиксоид *интер-*, инновация создается на базе названия французской кинокомедии «Откройте, полиция!».

Прецеденты, используемые журналистами в формальных целях, обуславливают рискогенность проанализированных новообразований. Избыточные ассоциации, возникающие в ходе таких словообразовательных экспериментов, способны нарушать критерии понятности и точности речи; создатели текстов не облегчают понимание сообщаемого, а затрудняют его. Кроме того, риск читательской критики может связываться со сферой-источником прецедента. Инновации, трансформировавшие прецеденты из сферы «Телевидение и кинематограф», задают шуточный тон при подаче актуальной злободневной информации. Это может оттолкнуть компетентных читателей, нацеленных на вдумчивое обсуждение заявленных серьезных тем.

С целесообразностью (уместностью) речи тесно связана проблема ее этичности. Выразительная словоформа, придуманная журналистом, может оскорбить чувства тех людей, которым хорошо известен исходный прецедентный текст: *Медаль за город Дзюдопешт* (Коммерсантъ, 29.08.2017) — дериват создается путем междусловного наложения *дзюдо* + *Будапешт*. Поводом для написания статьи стало опоздание В.В. Путина на открытие чемпионата мира по дзюдо, ставшее, по мнению журналиста, причиной провального выступления российских спортсменов. Журналист для СИ использует финальные строчки из знаменитой песни военных лет «Враги сожгли родную хату»

(автор слов — Михаил Исаковский). Эти строки пропитаны горечью и болью невозполнимой утраты, использование их в таком ироническом ключе, как минимум, неэтично. Это одно из свидетельств низкой коммуникативной компетентности создателя текста.

Оскорбительной для членов общества может быть словообразовательная игра в заголовке «*Орден моченосцев*»: *В допинговом скандале и унижении России виноват Минспорт* (НВ, 11.12.2017). В публикации журналист пытается отыскать причины череды громких допинговых скандалов с участием российских спортсменов. Пейоративная коннотация окказионального слова *моченосцы* унижает честь и достоинство российских спортсменов. Прецедент *орден меченосцев*, обозначающий немецкий католический духовно-рыцарский орден, основанный в 1202 г., используется в формальных целях: автор обыгрывает созвучность узуальных лексем *моча* и *меченосцы*. Подобные высказывания антипатриотичны, могут оказать угнетающее воздействие на читательскую публику, не содействуют гармоничному общению адресанта и адресата. Н.И. Клушина такие случаи журналистской игры со словом обозначает термином «травестирование», когда происходит грубая вульгаризация тех явлений, которые заслуживают уважения [Клушина 2004: 270]. Желание журналистов произвести впечатление на читателей, убедить их в своей правоте оборачивается тем, что серьезные и важные образы подвергаются карикатурному осмеянию, постепенно теряют свою важность и значимость: «Смех утрачивает свою социально-нравственную остроту, превращаясь в имитацию остроумия» [Кройчик 2009: 208].

Таким образом, прецедентность становится одним из функционально-прагматических факторов формирования рискогенности медийных новообразований. Журналисты могут не принимать во внимание сложности восприятия, связанные с излишней информативностью трансформированных ПФ (*Федрезерву — федрезерво; CASyc белли*). Прецеденты слишком часто используются в формальных целях: возникающие ас-

социативные связи не имеют отношения к тематике статьи, могут ввести читателя в заблуждение (*Легкое сдыхание; Эль-Бабий бунт*). Коммуникативные риски, связанные с неверной интерпретацией прочитанного, могут быть обусловлены характером производящих слов (*ХАКнули в душу*). Создатели медиатекстов нередко игнорируют выраженную экспрессивность новых слов в составе прецедентов, нарушающую нормы этики (*Орден моченосцев*), а также задействуют в словообразовательных экспериментах те явления культурного пространства, которые должны заслуживать уважения (*Медаль за город Дзюдопешт*).

Вовлечение новообразования в определенное аллюзивное поле, соотносящееся с прецедентом (историческим, культурным, литературным и пр.), должно быть продуманным и оправданным. ПФ служат кодом для распознавания словообразовательных единиц только при условии информированности адресата, его достаточном социальном и культурном развитии: «Неуместность, неоправданность выбора (также как трансформации) прецедентного феномена неминуемо приведет к коммуникативной неудаче, ответственность за которую несет журналист как носитель (в идеале) более высокого типа культуры, нежели массовый читатель» [Ильясова, Амири 2015: 228].

3.3. СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ РИСКОГЕННОСТИ МЕДИЙНЫХ НОВООБРАЗОВАНИЙ

Вовлечение в деривационные процессы стилистически маркированных элементов связывается учеными с проявлением демократического начала в медийном словотворчестве. Их активное функционирование определяется необходимостью воздействия СМИ на сознание (подсознание) масс: «Стилистическая тональность текста помогает раскрыть отношение автора текста к действительности, его ценностные установки, идеалы, убеждения. Но, помимо ценностной и идеологической позиции

журналиста, стилистическая тональность раскрывает и психологические установки автора, его волевые и эмоциональные принципы» [Клушина 2008: 154]. Таким образом, определяющая роль в отборе стилистически окрашенных средств принадлежит автору сообщения.

В медийном словотворчестве стилистические нарушения в сочетаемости морфем, влияющие на формирование или интенсификацию экспрессивности, могут быть двух разновидностей: различное происхождение морфем или их различная стилистическая окраска.

По нашему мнению, вероятность КР (трудности понимания и вызов негативной эмоциональной реакции читателя) в медийном пространстве возрастает в связи с резко увеличившимся количеством новообразований, включающих заимствованные слова и компоненты. Такая тенденция, получившая название также «глобанглизация», является следствием мощной англоязычной экспансии: это «глобальное доминирование английского языка в различных сферах деятельности современного общества» [Коряковцева 2018: 15].

В последнее время в медийных текстах наблюдается тенденция создания экспрессивных дериватов по моделям русской словообразовательной системы, но на базе заимствованного корня. Высока рискогенность новообразований, образованных на базе заимствованных слов, которые не вошли в лексическую систему русского языка или вошли в нее сравнительно недавно.

Массовый приток иностранных слов, прежде всего англицизмов, ставший одной из сопутствующих примет культурно-экономической интеграции, является порой настоящим бедствием (в некоторых случаях авторы письменных текстов, копируя буквально английскую конструкцию, даже не дают себе труда подыскать соответствующий русский эквивалент) [Нещименко 2001: 117].

Включение в деривационные процессы иноязычных основ характерно, прежде всего, для жаргонизированной разговорной речи (чаще — для молодежного жаргона), когда под «норматив-

ной внешней формой камуфлируется обценный экспрессив» [Химик 2000: 231]. Такие слова «являются потенциальными “рискогенами”, их употребление в медиатекстах требует грамотных авторских пояснений» [Рацибурская, Соловьева 2018: 85].

Особенно востребованы иноязычные лексемы, заимствуемые из интернета, в области глагольного словообразования: **Накраудфанди** *наудачу* (заголовок). В 2018-м «узаконят» еще один модный, но пока не очень известный в России способ вложения денег — **краудфандинг**, то есть «организацию взаимного финансирования» (АиФ, 18.01.2018). Императивный глагол мотивирован англицизмом *краудфандинг*. В подзаголовке статьи журналист поясняет, что это такое *краудфандинг*, однако почему популярный способ вложения денег назван именно так, станет понятно только читателям, владеющим английским языком (англ. *crowdfunding* — ‘народное финансирование’, *crowd* — ‘толпа’).

Без знания исходных слов невозможно определить значения следующих глаголов: *Так, веб-сайт президента Михаила Саакашвили задидосили еще 20 июля* (НГ, 22.10.2016) — новообразование мотивируется аббревиатурой DoS (от англ. *Denial of Service* — ‘отказ в обслуживании’), значение глагола может быть сформулировано как ‘заблокировать веб-сайт в результате проведения хакерской атаки’; **Намайнились** (заголовок). *Почему блокчейн вдохновил скульпторов, и как выглядит алтарь поклонения биткоином* (Известия, 04.03.2018) — на базе глагола *майнить* (‘заниматься майнингом, то есть добычей криптовалюты’ [ССЛЖС 2014]), дериват приобретает дополнительную эмоциональную окраску благодаря созвучности с узуальным глаголом *намаяться* (‘очень устать’ [СРЯ 1981—1984]).

С точки зрения этического восприятия информации не однозначен глагол *захарассить*, перекликающийся с обценной лексемой: *Если босс пристаёт к тебе — дай пощечину. Не помогает — уйди. А если ты поощряешь это, чтобы сделать карьеру, не нужно потом рассказывать, как он тебя захарассил* (НГ, 10.11.2017) — в материале обсуждается проблема так на-

зываемого *харассмента* (англ. *harassment* — ‘сексуальное домогательство’). Новообразование характеризуется выраженной агрессивностью, из-за отсутствия в контексте исходного слова семантика глагола выводится с трудом.

В другом примере использование окказионального глагола на базе заимствованного слова приводит к появлению смысловой путаницы: *Если пьяная девочка переспала по своей воле с пьяным мальчиком, а потом, через день, посоветовалась со специально выделенным человеком в университете и решила, что ее обидели, — то она жертва изнасилования. И каждый человек, который в этом сомневается, **виктимизирует** жертву* (НГ, 11.03.2019) — мотивирующее существительное *виктимизация* обозначает ‘процесс или конечный результат превращения в жертву преступного посягательства’, получается, что словосочетание *виктимизировать жертву* означает ‘превращать жертву в жертву’. Семантическая избыточность, возможно, мотивирована либо стремлением журналиста «быть в тренде», либо желанием обозначить свою категоричную, «непримиримую» позицию по рассматриваемому вопросу: «Одна из распространенных стратегий негативного воздействия на адресата речи — это создание кодового конфликта: через разницу кодов адресант, стараясь унижить адресата, сознательно стремится к непониманию <...>. ...используется узкоспециальная терминология и, прежде всего, варваризмы — малоизвестные заимствования, иноязычные вкрапления» [Коряковцева 2008: 97]. Ни о какой эффективной коммуникации не может идти речи, если новообразование не вызывает в сознании реципиента нужное означаемое.

На интенсификацию рискогенности нового слова, тесно связанной с их повышенной экспрессивностью, могут оказывать влияние стилистические нарушения иного характера: когда в одном слове сочетаются разнородные по своей стилистической окраске элементы — стилистически сниженные и книжные морфемы. КР могут быть обусловлены специфической характеристикой новообразования, той сферой употребления, к которой оно принадлежит.

В производстве эмоционально окрашенных инноваций стандартной словообразовательной структуры востребованы суффиксы имен лиц, переводящие нейтральное слово в разговорный регистр: *Подкремлевские **пропагандявки** раскрыли зловещие планы уничтожения русской фантастики. От **кремлявок** ничего другого и не ожидаешь* (Завтра, 06.09.2018) — используемый журналистом суффикс **-явк(а)** обозначает лицо, характеризующееся качеством (обычно с оттенком неодобрительной экспрессии), заключенным в мотивирующем прилагательном (*малявка, соплявка*) [СТСРЯ 2006]. В приведенном примере наблюдается нарушение частеречной принадлежности мотивирующего слова, являющегося именем существительным (*пропагандист, кремль*). Использование номинаций, характерных для разговорной речи и просторечия, объясняется тем, что они, видимо, более эффективно способны реализовать авторские интенции: желание выразить крайнюю степень презрения к оппоненту. Новообразования противоречат критериям стилистической уместности и этичности речи, могут отрицательно сказаться на восприятии содержания статей адресатом.

В качестве средства выражения субъективной эмоциональной оценки современные журналисты активно используют размерно-оценочные суффиксы. Негативную окраску приобретают диминутивные дериваты, образованные от нейтральных или мелиоративных по значению существительных с помощью суффиксов **-к(а), -ишк**: *Но полагать, что люди, которые спят и видят, как бы заорать «власть — жулики!», не воспользуются такой острой проблемой для подогрева **обстановочки**, — тоже наивно* (МК, 27.04.2017); *Я еще тогда предполагала, что кончится твоя **карьерка*** (Вести FM, 05.07.2018); ***Карьерка-то** у него была ох какая неплохая!* (Вести FM, 13.03.2019); *Американцы неожиданно для себя получили такую **обраточку*** (Вести FM, 28.02.2019) — в данном случае иронический диминутив создан на базе сленгизма *обратка* (жарг. ‘обратный путь’ [СТСРЯ 2006]); *И всегда, когда какой-либо московский **либералишко** на одном из многочисленных ток-шоу, вылупив глазенки, требует*

вернуть Украине Крым и Севастополь у меня возникает непреодолимое желание... (Завтра, 07.08.2017). Новообразования передают насмешливый, язвительный авторский тон, стремление создателя медиатекста принизить объект своего высказывания. Подобное речевое поведение повышает вероятность появления риска несогласия читателя с категоричной позицией журналиста.

Словам, которые изначально имеют негативное значение, такие суффиксы сообщают дополнительную экспрессивность, усиливают их пейоративную семантику: *Будет воренок Ксюша* (Ксения Собчак. — Авт.) *каяться за своего жуликоватого папашу?* (Завтра, 31.03.2018); *Ким по-прежнему считает, что лучшие гарантии безопасности — это наличие в загоашнике хотя бы самой завалющейся ядерной бомбочки. Вот не нашлось ее у Саддама Хусейна, и где теперь он?* (НВ, 04.03.2019); *Секточка* (Вести FM, 27.03.2020) — о либеральной оппозиции в период пандемии коронавирусной инфекции весной 2020 г.

Ироническая, едкая оценка ситуации, события, конкретного лица (группы лиц) часто передается именами прилагательными, наречиями, словами категории состояния. Высокую продуктивность проявляет маркированный суффикс *-еньк-*, образующий дериваты с уменьшительно-ласкательным или пренебрежительным значением, указывая обычно на меньшую, смягченную степень качества в субъективном понимании [СТСРЯ 2006]: *Это выглядит очень специфично для нашего «толерантненького» мира, где примирить удалось, вон, даже бандеровца с евреем* (Завтра, 02.11.2017); *Надо поднять пенсионный возраст, это так либеральненько, мудрые экономисты должны думать об экономике, а не о каком-то там населении и его уровне жизни* (Завтра, 28.03.2012); *И что общая яма — лучшее место для гениев, не лежать же им, как простым смертным, пристойненько, в отдельных ухоженных могилах, под крестиком и веночком, с плачущей родней наверху* (МК, 01.04.2018).

Активизация диминутивного словообразования объясняется «усилившейся в последнее время тенденцией языка СМИ к

фамильярному умалению и снижению объектов номинации, к высокой плотности оценочной тональности медийного текста» [Рацбурская 2018: 69]. Уменьшительные суффиксы, сочетаясь с именами собственными, служат средством выражения неприязни, категоричного неприятия того, что названо мотивирующим словом: *И в этой связи нам в России следовало бы поумерить любованье «Америчкой», столь свойственное нашей новой элите. Нам не нужна навязчивая антиамериканская пропаганда (АиФ, 27.09.2017); Собчонка — как, впрочем, и остальные Соискатели, — обходит стороной, к примеру, вопрос, разрешит ли она, став во главе государства, и дальше вбухивать огромные деньжищи в расширение Москвы (Завтра, 31.03.2018) — мотивирующим выступает фамилия Собчак, экспрессия деривата усилена за счет его переключки с существительным собачонка.*

Заметим, что КР третьего типа (негативная реакция получателя информации), связанные с функционированием таких дериватов, чаще всего предопределены тем микротекстом, в который адресант помещает новое слово. Наблюдается несоблюдение критерия уместности, а также нарушения этико-эстетического характера.

На иронически-неодобрительную или пренебрежительную окраску высказывания указывает не только употребление существительного с уменьшительным / увеличительным суффиксом, но и определение к нему, синтаксическое строение фразы, широкий контекст высказывания [Виноградова 2016: 82]: *Впрочем, особенно смешны «обидки» Трампа на злых русских (которые, может, вмешивались, а может, и не вмешивались в выборы президента США, где Трамп одержал неожиданную и трудную победу над Хиллари Клинтон) выглядят на фоне совсем иного события (Завтра, 12.07.2017) — на первый план выходит не уменьшительное, а экспрессивное значение новообразования, выполняющего характерологическую функцию: в негативном свете представляется поведение президента США Дональда Трампа, не соответствующее его высокому статусу; Ошибка нашей власти в том, что она судит о будущем со-*

*граждан исключительно по себе. Со всеми ее тайными **офиорками**, лондонской (итальянской, швейцарской) недвижимостью и **бизнесочками**, оформленными на родственников (МК, 25.08.2017) — оценочность дериватов создается благодаря тому, что значения существительных с уменьшительно-ласкательными суффиксами противоречат реальному положению дел — источники доходов российских чиновников за границей в реальности достигают огромных масштабов; В тот момент, когда в безумной войне с «советским» или «имперским» Украина до основания уничтожает русскую историю, русский язык, русскую культуру — вдруг оказывается, что на этом месте у вас остается лишь мазаная хата, тын (забор), остается позитивная **хрюшечка**, которая ждет, пока ее заколют на заднем дворе, замечательные украинские песни, хлеб, соль, сало — и все (Завтра, 07.07.2016) — новообразование **хрюшечка** воспринимается как оценочное благодаря использованию развернутой метафоры, связанной с происходящими в жизни украинского народа социально-политическими событиями.*

Выразительным приемом публицистической речи является сопоставление или противопоставление слов с уменьшительным / увеличительным суффиксом и без него: *Нынче сделалось модно прожить свою **life** в «маленьком мире», где французский луковый суп в хипстерской забегаловке предвещает многия «лайки» запиленному look-у. **Монеточка** — богиня маленького и уютненького мира. **Мирочка**. Это даже не мирок. В сетевом общении популярны уменьшительно-ласкательные формы. Хорошенькая девушка — **няшечка**. Гастрономический изыск — **вкусняшка**. Мелькают «**печеньки**» и «**отношеньки**». Если все не о-кей и не сложились **отношеньки** или врач запретил **вкусняшки**, то — «**печалька**». **Хрупенькое**, болезненное, тухлое. **Тухловатенькое**. Потому как Большой Мир, созданный в эпоху индустриализации (ах, я опять о своем СССР!) позволяет девочкам с крохотными, неумелыми лапками ни черта не делать — сдавать прабабкину квартиру и целыми днями мацать пальцами новенький ай-пад. Монеточка — их кумир. Вы-*

разительница их миленького счастья, иногда отдающего печалькой *напополам с печеньками* (Завтра, 08.09.2018). Явно уничижительной окраской обладают диминутивные новообразования, выступающие средством пародирования: творческий псевдоним певицы не *Монета*, а *Монеточка*, следовательно, вокруг нее: *мибочек, отношеньки, печалька*. Негативная экспрессия присуща словообразовательной паре *тухлое — тухловатенькое*, демонстрирующей открытую авторскую враждебность. Негативный образ объекта высказывания создается за счет употребления разговорных слов и выражений (*забегаловка, ни черта не делать*), жаргонных лексем (*мацать — ‘трогать, щупать’* [ССЛЖС 2014]), абсурдных выражений, работающих на снижение (*девочки с неумелыми лапками*). Усилению негативной экспрессии способствуют многочисленные англицизмы (*life, лайки, look, ай-пад*). С одной стороны, заимствованная лексика помогает автору подстроиться под манеру общения современной молодежной аудитории, приблизиться к ней. С другой стороны, такой стиль однозначно «отсекает» от процесса восприятия представителей старшего поколения. Резкая, категоричная оценка журналиста крайне субъективна, может восприниматься читателем как проявление личной неприязни автора к певице, к ее творчеству. Такая авторская позиция называется «тоталитарной», так как происходит «не диалог с оппонентом, а подавление чужого мнения всеми возможными лингвистическими способами» [Клушина 2011: 155]. В связи с этим рассмотренный фрагмент медиатекста признаем рискогенным: адресат может не до конца понять его содержание или вообще отказаться от прочтения, возмущенный негативизирующим воздействием.

В настоящее время медийные новообразования явно демонстрируют процесс коллоквиализации языка, то есть проникновения в языковую систему периферийных, «некодифицированных» элементов. Жаргонизация литературного языка, рассматриваемая как проявление его демократизации, неоднозначно оценивается лингвистическим сообществом: «В настоящее вре-

мя наблюдается массовое и стилистически не мотивированное употребление жаргонных слов, приводящее к вульгаризации публичной речи» [Копнина, Сквородников 2008: 522].

Е.А. Земская пишет о так называемом «жаргонном словообразовании», реализация которого предполагает «высокую образность, нацеленность на передачу разного рода оценок. Это приводит к преобладанию экспрессивной функции словообразования над номинативной» [Земская 1981: 26]. Более развито жаргонное словообразование в сфере производства имен существительных и глаголов, менее — в производстве имен прилагательных.

Например, субъективная оценочность присуща дериватам с суффиксальным формантом **-лов(о)**, выражающим номинативное значение длительности и переводящим новое слово в жаргонную тональность (ср. *врубалово, месилово, обсуждалово*) [Химик 2000]: *Технологические площадки меняются, десять лет назад «размещалово» было сосредоточено в условно анонимном «Живом журнале», а сейчас процветает в либертарианском и запрещенном мессенджере* (НГ, 03.12.2018); *Вопрос, который на устах у всех: почему этой банде позволяли действовать 10 лет? Размах таков, что не знать об их **растацилове** было невозможно* (Завтра, 24.09.2015).

В производстве сленгизмов может участвовать суффикс **-ак(-як)**: *Находился под стражей чуть больше месяца и потому воспринял молодого «**важняка**» с тревогой* (НГ, 16.02.2017) — ‘следователь по особо важным делам’ [Земская 1981: 20]. Этот суффикс проявляет активность именно в создании оценочных существительных жаргонного типа, обозначающих какое-либо лицо, предмет или явление, по признаку, называемому базовой основой прилагательного: *Нам говорили, что она **наивняк**, глупенькая. Но, поверьте старому телекритику: я видел и слышал в «Останкино» персонажей гораздо глупее, просто они до Светы чуть «более лучшие» одевались* (МК, 16.01.2014); *И все же, если механизм «**вирусняка**» известен, то можно придумать такую же эмпатическую акцию — но чтобы она не вверга-*

ла людей в ад боли и страданий, а, наоборот, подымала к небу (Завтра, 14.07.2016).

Нередко журналисты используют в своих текстах наименования лиц с оценочным суффиксом **-л(а)** с семантикой ‘лицо, названное по характерному его действию, к которому оно склонно (с экспрессивной окраской, преимущественно неодобрительной; в разговорной речи)’ [Лопатин, Улуханов 2016: 477]: **Кивалы из партии власти** (заголовок). *Чем обернутся провальные законодательные инициативы для правительства и Единой России* (НВ, 30.07.2018); *Что стало известно в суде про жизнь и смерть «**решалы**» Перепеличного, важного информатора по делу Магнитского* (НГ, 11.09.2017); **Бюджетные правила** (заголовок). *Алексей Кудрин копает под Дмитрия Медведева?* (НВ, 22.10.2018); **Страховые разводилы** (заголовок). *Граждан заставляют покупать полисы, которые ни от чего не защищают* (НВ, 14.01.2019).

В медийных текстах новообразования разговорного и жаргонного типа обладают выраженным оценочным характером, могут передавать экспрессию «грубости, пренебрежительности, ироничности» [Земская 1981: 18]. Такие инновации в целом допустимы в текстах рассматриваемых СМИ, их появление закономерны и объясняется происходящими в медийной сфере процессами (см. п. 1.1). Однако увеличение их количества в речи журналистов может оказать пагубное влияние на речь и речевое поведение носителей языка. Активность таких словообразовательных моделей — свидетельство активизации жаргонной стилистики, имеющей серьезные негативные последствия в будущем: «Поведенческая, в том числе речевая, “приблатненность” во всех сферах жизни, в искусстве, в литературе, в межличностных отношениях стала сегодня обычной и даже модной» [Головина 2017: 68]. Именно поэтому считаем, что указанные новообразования обладают рискогенностью: в первую очередь они противоречат этическому критерию нормативности. Журналистский текст, в котором они функционируют, вряд ли можно назвать образцом «хорошей речи». Исследователи все чаще пишут о не-

гативных последствиях использования таких лексем в текстах массовых СМИ, которые «предлагают совершенно иной образец речевого поведения, пропагандируя заниженный, вульгарно-фамильярный стиль общения...» [Коряковцева 2008: 102—103].

Причины рискогенности новообразования могут быть обусловлены стилистической маркированностью не только словообразовательного аффикса, но и мотивирующей основы. Диапазон выражаемой оценки может варьироваться от ненавязчивой иронии до неприкрытого негодования: *Его* (Уголовного кодекса РФ. — Авт.) **антиотмывочные** статьи могут ужесточить (Коммерсантъ, 10.10.2018); *Увлечение детей псевдоблатной «романтикой» стало настоящей страшилкой для взрослых* (МК, 18.07.2018) — книжные префиксы **анти-** и **псевдо-** присоединяются к основам имен прилагательных жаргонного типа *отмывочный* (от жарг. отмывать деньги — ‘нелегально переводить деньги’), *блатная* (‘уголовная’) [ССМЖ 2006].

В деривационные процессы вовлекаются префиксоиды, семантика которых совмещается с негативной оценочностью стилистически сниженных производящих слов (основ): *Да, есть оппозиционно настроенная интеллигенция, которая читает «Википедию» на английском и держит киберфигу в кармане* (НГ, 21.12.2018) — окказионализм создается на базе разговорно-сниженной лексемы *фига* (‘грубый жест в знак издевки, презрительного отказа и т.п.’ [ССЛЖС 2014]) с присоединением префиксоида **кибер-**, обозначающего отношение к эпохе цифровых технологий; *Украинские экономисты, консультировавшие правительство по вопросу подписания ассоциации с Евросоюзом, не менее квалифицированные специалисты, нежели их российские коллеги, не смогли отличить «еврозамануху» от «еврофуфела» по одной лишь причине* (НВ, 07.07.2014). Окказионализмы создаются на базе лексем жаргонного и разговорного типа — *фуфел* (жарг. ‘подделка, ложь’ [ССЛЖС 2014]) и *замануха* (разг. ‘вовлечение во что-либо’ [ССМЖ 2006]). Новообразования со стилистически нейтральной топонимической семой, реализуемой с помощью префиксоида **евро-**, получают негативную экс-

прессивность благодаря стилистической отмеченности производящих слов.

Интернациональный суффиксоид **-гейт** со значением скандала (о суффиксоиде **-гейт** см. с. 57), тяготеющий к употреблению в книжной речи, в двух следующих примерах сочетается со стилистически сниженными лексемами: *К итогам «**телочкогейта**»* (заголовок). *Скандал вокруг публикаций «Медузы» — хороший знак для общества* (НГ, 30.03.2015) — производящим выступает жаргонное существительное *телочка* ('молодая женщина, девушка' [ССЛЖС 2014]), имеющее стилистическую помету «фамильярное». Конкретизацию значения окказионализма находим в контексте: автор отталкивается от комментария на портале «Медуза», предваряющего материал о том, как не быть сексистом в России: *Мужики, тут инструкция, как не обижать телочек* (НГ, 30.03.2015). В другом фрагменте неологизм образуется от грамматически неосвоенной иноязычной лексемы *раша* (англ. *Russia* — 'Россия'), используемой в некодифицированных сферах общения: *Целью было добиться назначения на пост специального следователя по «**рашагейту**» Роберта Мюллера, известного сторонника Хиллари Клинтон* (Завтра, 25.01.2018). Стилистическая разнородность суффиксоида и производящих основ в указанных примерах способствует созданию прагматического экспрессивного эффекта.

Анализ показывает, что жаргонизмы очень часто становятся базой для создания экспрессивных медийных новообразований: *Единственное, в чем мы преуспеваем — так это в производстве многочисленных **фифломицинов**, вроде арбидола или кагоцела, клиническая эффективность которых, мягко говоря, не доказана, что не мешает им быть внесенными в список жизненно важных препаратов* (НГ, 24.12.2018); ***Бабломойка*** (заголовок). *Как используются РОСТЕХом финансовые средства гособоронзаказа* (НВ, 06.02.2019); ***Намостырили!*** (заголовок) *Только охранник смог украсть на строительстве моста к саммиту АТЭС 96 000 000 рублей* (НВ, 28.01.2013); ***ПоМЕТРОсили***

(заголовок). *Почему в Санкт-Петербурге остановилось строительство новых станций подземки* (НВ, 26.02.2019). Новообразования возникают в результате суффиксации (*фуфломщины*), сложения (*бабломойка*), междусловного наложения и тмезиса (*намостырили* ← *натырить* + *мост* + *стырить*), тмезиса с графической акцентуацией одного из производящих (*поМЕТРОсилы* ← *поматросили* + *метро*).

На значительную экспрессивизацию окказионализмов могут работать различные факторы. Например, в образовании глагола *намостырили* участвуют сразу три слова, два из которых — жаргонизмы: *натырить* + *мост* (жарг. ‘украсть, наворовать’) + *стырить* (жарг. ‘украсть, стащить, стянуть’) [ССМЖ 2006]. В данном случае экспрессия усиливается благодаря тмезису и междусловному наложению. Инновация *поМЕТРОсилы* дополнительную адгерентную экспрессивность приобретает благодаря прецедентному тексту — эксплуатируется устойчивое разговорное выражение *поматросить и бросить*.

Важно отметить, что в целом жаргонные лексемы являются неотъемлемой частью современного медийного дискурса, нацеленного на эмоциональное воздействие, критику предполагаемого идеологического противника. Такие слова «не стали элементами литературного языка, они продолжают употребляться в специфически экспрессивных целях, их стилевая “инородность” и “концептуальная заряженность” ясно ощущается носителями языка, владеющими литературной нормой» [Какорина 2003: 276].

Однако чрезмерное использование уголовного жаргона в печати (как отдельно функционирующих лексем, так и в составе экспрессивных инноваций) создает у читателя тягостное впечатление об общественно-политическом пространстве страны, в котором, судя по содержанию медиатекстов, безнаказанно действуют криминальные элементы, господствует обман и незаконие, происходит искажение традиционных ценностей.

Индивидуально-авторские неологизмы могут создаваться по образцу уже имеющихся инвектив обценного характера. Об-

ценные экспрессивы передают еще большую неудовлетворенность в окружающей действительности, разочарование в ней. Табуированная лексика, завуалированная адресантом, без особого труда воссоздается читателем, может вызывать неприятие и отторжение авторской позиции: **Крымец** Украине (заголовок). *Украина разобьется на куски о закон об особых регионах развития* (НВ, 19.10.2015); **Полный мобилизец** (заголовок). *Все ли у нас на самом деле готово к тому, что завтра — война?* (НВ, 18.12.2017); *Соответственно, такое мощное «потреблятельство», возможность показать свою доминантную природу и т.д. — все это переносится именно в Россию* (Завтра, 02.06.2016); **Совсем охранили!** (заголовок). *Людам, по долгу службы приближенным к первому лицу, свойственно терять чувство реальности* (НГ, 22.11.2017); *Тем более, когда речь идет о путинской России, которая «скрымздила» у Украины якобы «сакральный» Крым* (МК, 05.04.2015). *Кто все это накручивает?* **Либерасня!** (Вести FM, 03.09.2019); *Хочу напомнить, как работают либерасты, хочу напомнить, как работают экологи, хотя скорее это экологасты* (Вести FM, 14.02.2019). Такие номинации грубо-бранного характера признаются нами рискогенными независимо от того, что стало причиной их появления в медийном тексте: некомпетентность журналиста или установка на агрессивное речевое поведение. Они нарушают этическую нормативность, приводят к коммуникативному дискомфорту, снижают общественный статус получателя информации, даже провоцируют вероятность судебного разбирательства.

Заметим, что жаргонные и обсценные лексемы часто включаются в состав инноваций, касающихся действий конкретных лиц (*намыстырили, поМЕТРОсили, охранили, скрымздила*). Очевидна манипулятивная направленность таких образований. Адресант в корыстных целях подталкивает реципиента к определенным образам смоделированной интерпретации сообщения, не дает ему альтернативной точки зрения при восприятии информации. Это может спровоцировать ответную агрессию,

вызванную неприятием категоричной, тенденциозной авторской позиции. Негативно заряженные экспрессивы «вызывают внутреннее сопротивление адресата, поскольку могут быть восприняты как стремление адресанта к психологическому и речевому доминированию» [Воронцова 2006: 144].

По замечанию исследователей, присутствие таких лексем в печати демонстрирует ментальную тенденцию СМИ последних десятилетий, имеющую серьезные этические последствия, а именно — «осмысление жизни через призму человеческого низа — общественного, биологического, языкового. <...>. Это искаженно интерпретирует выработанные веками представления о разумном, добром, вечном, дезориентирует в системе ценностей, обедняет, огрубляет языковое сознание аудитории СМИ, вымывает из человека человеческое, акцентируя его агрессивное, животное начало» [Сурикова 2009: 76].

Функционально-стилистический подход к исследованию деривационных процессов показал, что стилистические возможности медийных новообразований широко используются создателями текстов для достижения определенных коммуникативных целей. Инновации различной стилистической отмеченности должны оцениваться с позиций коммуникативно-прагматических и этических норм, при этом обязательно должны учитываться условия их функционирования. В определенном контексте экспрессия дериватов, обусловленная их стилистической маркированностью, может резко возрасть, приводить к коммуникативным и социальным рискам.

Опасность в социальном плане представляет процесс жаргонизации медийного дискурса, в том числе отраженный в словообразовании (*расташилово, наивняк, фуфломщины, бабломойка*). Агрессивная направленность жаргонных новообразований в материале на серьезную политическую тему часто является неоправданной, может спровоцировать негатив читателя, расценившего данные номинации как проявление неуважения. Кроме того, такие инновации способны оказывать негативное влияние

на общую культуру читательской аудитории, исказить принятые в обществе нормы общения.

ВЫВОДЫ

Анализ медийных новообразований в медиатекстах общественно-политической прессы начала XXI в. показал, что на рискогенность новых слов существенное влияние оказывают функционально-прагматические факторы.

Актуализация семантики окказионализмов, представленная тремя разновидностями (лексическая, текстовая, затекстовая, по Р.Ю. Намитоковой), может способствовать возникновению (или усилению) адгерентной экспрессивности новообразований.

Возможности корреляционного и аналогического словообразования (корневого и структурного повтора) при грамотном использовании позволяют снизить степень рискогенности новообразований и, следовательно, всего медиатекста: снимается риск неверной интерпретации сообщаемого. Повтор становится ключом к дешифрованию нового слова, важнейшим текстообразующим элементом. Оба вида повторов используются журналистами в целях экспрессивизации медиатекстов — это может быть ироничное переосмысление происходящих реалий или агрессивное воздействие на получателя информации. В последнем случае рискогенность медийных новообразований определяется скорее внелингвистическими факторами, а именно — коммуникативной политикой изданий, их враждебной настроенностью к определенным событиям, явлениям, политическим и социальным группам и пр.

Текстовая актуализация семантики медийных новообразований может играть положительную или отрицательную роль при восприятии инноваций массовым адресатом. Положительно оценивается нами возможность уточнения (разъяснения) семантики окказионализмов, снятие многозначности аффиксов

или исходных слов, расшифровка малоизвестных производящих (аббревиатур, имен собственных и пр.). Среди отрицательных моментов — формирование посредством актуализирующего контекста зоны речевой агрессии: новообразование приобретает резко отрицательную окраску, которая не всегда может быть разделена принимающим адресатом.

Рискогенность экспрессивных дериватов, прежде всего, их антиэтичность может формироваться тематикой статей, коммуникативными установками адресантов, фоновыми знаниями получателей информации. Зачастую без знания конкретных социополитических реалий нельзя однозначно определить денотат новообразования, выступающего в тексте СМИ как средство социальной оценки.

На активизацию культурных фоновых знаний адресата нацелено вовлечение в словотворчество прецедентных феноменов, использование которых требует от пишущего достаточной коммуникативной компетентности. Непродуманное включение в деривационные процессы ПФ приводит к тому, что в результате интеллектуализации медиатексты становятся доступны весьма ограниченному кругу лиц. Затемненная семантика словоформы снижает информативность медиатекста, может привести к неверной интерпретации написанного, вызвать неодобрительный читательский отклик.

Наконец, в третьей главе диссертации рассматриваются вопросы функционирования стилистически-маркированных инноваций в текстах СМИ. Экспрессивность новообразований может определяться отмеченностью аффикса или производящей основы, «нетипичным» сочетанием объединяемых морфем, различных по происхождению или стилистической окраске. На усиление эмоциональной составляющей медиатекста может работать строение фразы, широкий контекст высказывания, его стилистическая тональность. Отмечается, что жаргонные и обсценные экспрессы, вовлекаемые в медийное словотворчество, должны быть оценены с позиций коммуникативно-прагматических и этических норм. В большинстве случаев стандартные и нестан-

дартные новообразования на базе такой лексики следует признать рискогенными — неуместными и недопустимыми в текстах массовых печатных изданий.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Укажите функционально-прагматические условия рискогенности новообразований в медийных текстах.
2. Покажите на примерах, что корневой и структурный повторы способствуют как появлению рискогенности медийного текста, так и снятию последней.
3. Покажите на примерах, в каких случаях вовлечение в медийное словотворчество прецедентных феноменов может стать фактором коммуникативных рисков.
4. Покажите на примерах новообразований стилистические факторы рискогенности медийных текстов.

Литература

1. Абдуллина Л.Р. Фразеологическая единица и контекст: от структурализма к когнитивизму (теоретический аспект) // Дискурс, текст, когниция: коллективная монография / отв. ред. М.Ю. Олешков. — Нижний Тагил: НТГСПА, 2010. — Вып. 2. — С. 156—164.
2. Бабенко Н.Г. Оказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ: учеб. пособие. — Калининград, 1997. — URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Article/baben_okk.php
3. Бавильский Д.В. Из глубины // Знамя. — М., 2000. — № 2. — С. 182—186.
4. Байкулова А.Н. Некомпетентность в типах общения как фактор риска коммуникативных неудач и конфликтов // Известия Саратовского университета. Сер. Филология. Журналистика. — 2011. — Т. 11. Вып. 3. — С. 18—25.
5. Байкулова А.Н. Социальный аспект и социальная составляющая в изучении коммуникативной компетенции личности // Известия Саратовского университета. Сер. Социология. Политология. — 2010. — Т. 10. Вып. 1. — С. 45—49.
6. Байкулова А.Н. Устное неофициальное общение и его разновидности: дис. ... д-ра филол. наук. — Саратов: Саратов. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского, 2015. — 590 с.
7. Басовская Е.Н. Обезглавливание через озаглавливание // Русская речь. — 2003. — № 4. — С. 56—62.
8. Бекетова Н.А. Экспрессивное словообразование в современных медиатекстах (на материале суффиксальных имен существительных): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Белгород, 2014. — 24 с.
9. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособие. — М.: Логос, 2001. — 302 с.
10. Виноградова В.Н. Стилистический аспект русского словообразования. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016. — 184 с.

-
11. Воронцова Т.А. Речевая агрессия: коммуникативно-дискурсивный подход: дис. ... д-ра филол. наук. — Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2006. — 298 с.
 12. Головин Б.Н. Основы культуры речи: учеб. пособие. — М.: Высшая школа, 1988. — 335 с.
 13. Головина Э.Д. От «респекта» до «уважухи» // Русская речь. — 2017. — № 3. — С. 61—69.
 14. Горбачевич К.С. Нормы современного русского литературного языка. — 3-е изд. — М., 1989. — 208 с.
 15. Городецкий Б. Ю., Кобозева И.М., Сабурова И.Г. К типологии коммуникативных неудач // Диалоговое взаимодействие и представление знаний. — Новосибирск, 1985. — С. 64—78.
 16. Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. — Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1996. — 214 с.
 17. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. — М.: Гнозис, 2003. — 288 с.
 18. Данилова А.А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. — М.: Книжный дом «Университет», 2011. — 230 с.
 19. Дедова О.В. О языке интернета // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. — 2010. — № 3. — С. 25—38.
 20. Денисова Э.С. Активные словообразовательные процессы в языке современных СМИ // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2010. — № 4 (2). — С. 507—510.
 21. Дридзе Т.М. Язык и социальная психология. — М.: Высшая школа, 1984. — 224 с.
 22. Дуличенко А.Д. Русский язык конца XX столетия. Verlag otto, Munchen, 1994. — 350 с.
 23. Ермакова О.П., Земская Е.А. К построению типологии коммуникативных неудач // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. — М.: Наука, 1993. — С. 30—64.

-
24. Желтухина М.Р. Тропологическая суггестивность массмедиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: Монография. — М.: Ин-т языкознания РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003. — 656 с.
25. Земская Е.А. Литературная норма и неузвальное словообразование // Современный русский язык: Система — норма — узус / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. — М.: Языки славянских культур, 2010. — С. 207—254.
26. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. — М.: Наука, 1981. — 276 с.
27. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. — 4-е изд. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 224 с.
28. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование: учеб. пособие. — М.: Просвещение, 1973. — 304 с.
29. Ильясова С.В. Аббревиатуры: языковая игра как развлечение или как инструмент оценки? (на материале языка современных российских СМИ) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2016. — № 2 (22). — С. 64—67.
30. Ильясова С.В. Словообразовательная игра как феномен языка современных СМИ: дис. ... д-ра филол. наук. — Ростов н/Д., 2002. — 432 с.
31. Ильясова С.В., Амири Л.П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. — 5-е изд., стер. — М.: ФЛИНТА, 2015. — 296 с.
32. Какорина Е.В. Жаргонизация речи // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация / отв. ред. Л.П. Крысин. — М.: Языки славянской культуры, 2003. — С. 265—276.
33. Какорина Е.В. Активные процессы в языке средств массовой информации // Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX—XXI веков / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. — М.: Языки славянских культур, 2008. — 712 с.

-
34. Карасик В.И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. — Волгоград: Парадигма, 2015. — 432 с.
 35. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. — 7-е изд. — М.: Изд-во ЛКИ, 2010. — 264 с.
 36. Клушина Н.И. Языковые механизмы формирования оценки в СМИ // Публицистика и информация в современном обществе. — М.: Изд-во МГУ, 2000. — URL: <http://www.gramota.ru>
 37. Клушина Н.И. Коммуникативная стилистика публицистического текста // Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке. — М.: Академический Проект, 2011. — С. 148—159.
 38. Клушина Н.И. Образ врага (о военной риторике в мирное время) // Язык современной публицистики: сб. ст. / сост. Г.Я. Солганик. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2005. — С. 144—161.
 39. Клушина Н.И. Общие особенности публицистического стиля // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. — М., 2004. — С. 269—289.
 40. Клушина Н.И. Стилистика публицистического текста: монография — М.: МедиаМир, 2008. — 248 с.
 41. Клушина Н.И. Этические границы языковой игры // Журналистика и культура русской речи. — 2002а. — № 2. — С. 104—108.
 42. Коньков В.И. Стилистическая неупорядоченность в речевой практике СМИ // Современная русская речь: состояние и функционирование. Вып. II: Сборник аналитических материалов / под ред. С.И. Богданова, Н.О. Рогожиной, Е.Е. Юркова. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ: Осипов, 2006. — С. 112—118.
 43. Копнина Г.А., Сквородников А.П. Способы манипулятивного речевого воздействия в российской прессе // Политическая лингвистика. — 2012. — № 3(41). — С. 36—42.
 44. Копнина Г.А., Сквородников А.П. Экспрессивные средства в языке современной газеты: тенденции и их культурно-речевая оценка // Язык средств массовой информации: учеб. пособие для вузов / под ред. М.Н. Володиной. — М.: Академический Проект: Альма Матер, 2008. — С. 521—539.

-
45. Кормилицына М.А. Некоторые итоги исследования процессов, происходящих в языке современных газет // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. — Саратов, 2008. — Вып. 8. — С. 13—33.
46. Кормилицына М.А., Сиротинина О.Б. Важность знаний о рисках коммуникации для успешной профессиональной деятельности журналистов // Медиалингвистика. Вып. 4. Профессиональная речевая коммуникация в массмедиа: сб. ст. / под ред. Л.Р. Дускаевой. — СПб.: С-Петерб. гос. ун-т, ин-т «Высш. шк. журн. и масс. коммуникаций», 2015. — С. 34—37.
47. Коряковцева Е.И. Интернационализация, демократизация и медиатизация славянских языков в условиях глобализации (словообразовательный аспект) // Globalizacja a języki słowiańskie. Globalization and Slavic languages. Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach. — Siedlce: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego w Siedlcach, 2018. — С. 13—33.
48. Коряковцева Е.И. Язык современной российской прессы: варваризмы и арготизмы как сигналы речевой агрессии // Współczesna komunikacja językowa. Prace Slawistyczne 125 SOW. — Warszawa, 2008. — С. 80—110.
49. Коряковцева Е.И. Очерки о языке современных славянских СМИ (семантико-словообразовательный и лингвокультурологический аспекты). — Siedlce: Uniwersytet Przyrodniczo Humanistyczny w Siedlcach, 2016. [Koryakovtseva Ye.I. Oчерki o yazykesovremennykh slavyanskikh SMI (semantiko-slovoobrazovatel'nyy i lingvokul'turologicheskiy aspekty)].
50. Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. — М.: МГУ, 1971. — 265 с.
51. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? — М.: Гнозис, 2003. — 375 с.
52. Кройчик Л.Е. Парадоксы комической публицистики. Этика смеха // Этика речевого поведения российского журналиста: коллективная монография / ред.-сост. д-р филол. наук, проф. Л.Р. Дускаева. — СПб.: Астерион, 2009. — С. 193—223.

-
53. Кругликова Л.Е. Структура лексического и фразеологического значения. — М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1988. — 86 с.
 54. Кубрякова Е.С. Язык и знание. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 560 с.
 55. Кукушкина О.В. Основные типы речевых неудач в русских письменных текстах. — М.: Изд-во МГУ, 1998. — 173 с.
 56. Лисицкая Л.Г. Коммуникативные нормы и лингвистическая безопасность современных медиатекстов // Вестник Адыгейского государственного университета. — 2009. — Вып. 1. — С. 85—89.
 57. Лыков А.Г. Современная русская лексикология (русское окказиональное слово). — М.: Высшая школа, 1976. — 120 с.
 58. Ляпон М.В. Оценочная ситуация и словесное само моделирование // Язык и личность. — М., 1989. — С. 24—33.
 59. Манаенко Г.Н. Дискурсивные слова и интенциональность аналитического текста политического дискурса // Политическая лингвистика. — 2013. — № 2 (44). — С. 65—71.
 60. Маслова А.Ю. Введение в прагмалингвистику: учеб. пособие. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2008. — 152 с.
 61. Минеева З.И. Контаминация в образовании номинации человека // Вестник Удмуртского университета. — 2015. — Т. 25. Вып. 2. — С. 58—68.
 62. Накорякова К.М. Литературное редактирование. — М.: ИКАР, 2009. — 432 с.
 63. Намитокова Р.Ю. Авторские неологизмы: словообразовательный аспект. — Ростов н/Д.: Изд-во Ростов. ун-та, 1986. — 154 с.
 64. Немченко В.Н. Современный русский язык. Морфемика и словообразование. — Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 1994. — 293 с.
 65. Нещименко Г.П. Динамика речевого стандарта современной вербальной коммуникации: Проблемы. Тенденции развития // Вопросы языкознания. — 2001. — № 1. — С. 98—132.
 66. Николина Н.А. «Скорнение» в современной речи // Язык как творчество: сб. ст. к 70-летию В.П. Григорьева. — М.: ИРЯ РАН, 1996. — С. 309—318.

-
67. Николина Н.А. Активные процессы в языке современной русской художественной литературы. — М.: Гнозис, 2009. — 336 с.
68. Николина Н.А. Активные процессы в сфере сложения в современном русском языке // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2013. — № 6. — С. 171—173.
69. Николина Н.А., Рацибурская Л.В. Современный русский язык. Морфемика: учеб. пособие. — 2-е изд., стер. — М.: ФЛИНТА, 2017. — 144 с.
70. Николина Н.А., Фролова Е.А., Литвинова М.М. Словообразование современного русского языка: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. — М.: Академия, 2005. — 160 с.
71. Петрова Н.Е., Рацибурская Л.В. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. — 160 с.
72. Плотникова А.М. Вокативность как словарная и прагматическая характеристика слова // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. — 2015. — № 2 (24). — С. 58—65.
73. Попова Т.В. Современные графо-орфографические игры: коммуникативные удачи и неудачи (на материале графиксатов русского языка рубежа XX—XXI вв.) // Лингвистика креатива-2 / под ред. Т.А. Гридиной. — Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2012. — С. 199—233.
74. Попова Т.В. Графиксация как новое явление в языке и научной когнитии // Вестник Челябинского государственного университета. — 2011. — № 24 (239). — С. 160—163.
75. Попова Т.В. Русские графиксаты как объект неографии XXI в. // Вестник Днепропетровского государственного университета. Т. 21. Сер. Языкознание. — Вып. 19. Т. 1. — Днепропетровск, 2013. — С. 34—42.
76. Попова Т.В., Рацибурская Л.В., Гугунава Д.В. Неология и неография современного русского языка. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. — 168 с.
77. Радбиль Т.Б., Рацибурская Л.В. Словообразовательные инновации на базе заимствованных элементов в современном русском

- языке: лингвокультурологический аспект // Мир русского слова. — 2017. — № 2. — С. 33—39.
78. Рацибурская Л.В. Оказиональные слова в СМИ как средство речевой агрессии // Язык современных СМИ: основные проблемы и тенденции: сб. мат-лов науч.-практ. конф. — Нижний Новгород: ННГУ, 2006. — С. 134—136.
79. Рацибурская Л.В. Сложные новообразования как игровая составляющая современных медиатекстов // Уральский филологический вестник. Сер. Русская литература XX—XXI веков: направления и течения. — 2016. — С. 205—216.
80. Рацибурская Л.В. и др. Социокультурные и лингвопрагматические аспекты современных словообразовательных процессов: коллективная монография / Л.В. Рацибурская, Т.Б. Радбиль, Е.В. Щеникова, Н.А. Бакич, В.А. Торопкина, Е.А. Жданова. — М.: ФЛИНТА, 2018. — 232 с.
81. Рацибурская Л.В., Самыличева Н.А., Шумилова А.В. Специфика современного медийного словотворчества. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. — 136 с.
82. Рацибурская Л.В., Соловьева Д.В. Медийные новообразования как фактор коммуникативных рисков // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. — 2018. — Т. 17. № 4. — С. 81—89.
83. Ревзина О.Г. Поэтика окказионального слова // Язык как творчество. — М., 1996. — С. 303—308.
84. Ремчукова Е.Н. Лингвокреативные составляющие современных СМИ на фоне активных языковых процессов // Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика-ХII. Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии. — Тарту, 2009 — С. 303—316.
85. Ржанова С.А. Оценочный характер узуса в СМИ // Язык, литература, культура: диалог поколений: сб. науч. ст. — Чебоксары: Изд-во ЧТУ, 2004. — С. 120—124.
86. Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетентности в ее преодолении / А.Н. Байкулова,

-
- Е.Ю. Викторова и др.; под ред. О.Б. Сиротининой и М.А. Кормилицыной. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2015. — 188 с.
87. Русская грамматика[®] в 2 т. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / гл. ред. Н.Ю. Шведова. — М.: Наука, 1980. — 789 с.
88. Самыличева Н.А. Окказиональное слово как средство экспрессивизации газетного текста (на материале нижегородских СМИ): дис. ... канд. филол. наук. — Нижний Новгород, 2011. — 293 с.
89. Селяев А.В. Современные российские СМИ и языковая норма // Социальные варианты языка. — Нижний Новгород, 2003. — С. 260—281.
90. Сивова А.А. Структурно-семантические особенности окказиональных слов в публицистике последней трети XX — начала XXI в. (на материале газеты «Комсомольская правда»): дис. ... канд. филол. наук. — Нижний Новгород, 2006. — 282 с.
91. Сиротинина О.Б. Борьба с рискогенностью общения как одна из проблем речеведения? // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. трудов. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2014. — Вып. 14. — С. 5—14.
92. Сиротинина О.Б. Вероятное и возможное в судьбе русского языка (размышления на основе фактов его изменений в начале XXI века) // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. — Саратов, 2009. — С. 52—68.
93. Сиротинина О.Б. О стилистических приемах современной публицистики, которые могут приводить к коммуникативной неудаче // Жизнь языка: сб. ст. к 80-летию Михаила Викторовича Панова. — М.: Языки славянской культуры, 2001а. — С. 280—286.
94. Сиротинина О.Б. Основные критерии хорошей речи. — 2001б. — URL: http://gramota.ru/biblio/magazines/gramota/kultura/28_139
95. Сиротинина О.Б. Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2013. — 116 с.

-
96. Сиротинина О.Б. Структурно-функциональные изменения в современном русском языке: проблема соотношения языка и его реального функционирования // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов: мат-лы Второй междунар. науч. конф., г. Волгоград, 24—26 апр. 2007 г.: в 2 т. — Волгоград, 2007. — Т. 1. — С. 87—98.
97. Сиротинина О.Б. Что мешает эффективности современной коммуникации? // Экология языка и коммуникативная практика. — Саратов, 2017. — № 1. — С. 25—37.
98. Сковородников А.Н. О состоянии речевой культуры в российских средствах массовой информации (опыт описания типичных нарушений литературно-языковых норм) // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: науч.-метод. бюллетень. Вып. 7. — Красноярск. 1998. — № 3. — С. 10—19.
99. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. — М.: Academia, 2000. — 128 с.
100. Сметанина С.И. Медиатекст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века). — СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2002. — 383 с.
101. Солганик Г.Я. Лексика газеты: функциональный аспект. — М.: Высшая школа, 1981. — 111 с.
102. Солганик Г.Я. О языке и стиле газеты // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. — М., 2003. — С. 261—268.
103. Солганик Г.Я. Язык СМИ и политика. — М.: Изд-во Моск. ун-та, факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, 2012. — 952 с.
104. Соловьева Д.В. Рискогенность словообразовательных неологизмов в современных медиатекстах общественно-политической направленности // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Русский и иностранные языки и методика их преподавания. — 2018. — Т. 16. № 1. — С. 109—123.

-
105. Сорокин Ю.А. Прецедентный текст как способ фиксации языкового сознания // Язык и сознание: парадоксальная реальность. — М., 1993. — С. 102—113.
106. Сурикова Т.И. Этика как критерий исследования и оценки языка массовой коммуникации // Этика речевого поведения российского журналиста: коллективная монография / ред.-сост. д-р филол. наук, проф. Л.Р. Дускаева. — СПб.: Астерион, 2009. — С. 71—105.
107. Сухоплещенко Ю.Ф. Когнитивная структура прагматически ориентированных лексических новообразований (на материале британской прессы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1995. — 22 с.
108. Тарланов З.К. Наплыв американизмов и речевая культура // Русская речь. — 2008. — № 5. — С. 47—49.
109. Токарев Г.В. Введение в семиотику: учеб. пособие. — 3-е изд., стер. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. — 160 с.
110. Трошкина Т.П. Активные процессы в современном русском словообразовании (на материале газетных текстов) // Русская и сопоставительная филология: Лингвокультурологический аспект / Казан. гос. ун-т. Филол. фак-т. — Казань: Казан. гос. ун-т, 2004. — С. 235—239.
111. Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. — М.: Русские словари, 1996. — 221 с.
112. Фащанова С.В. Ключевые прецедентные феномены в контексте национального менталитета (на материале радиодискурса) // Вестник Московского ун-та. Сер. 22. Теория перевода. — 2014. — № 4. — С. 124—133.
113. Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. — М.: Русский язык, 2002. — 216 с.
114. Хабибуллина Е.В. Еще раз о контаминационном словообразовании в русском языке // Studia Rossica Posnaniensia. — 2006. — № 33. — С. 65—71.

-
115. Химик В.В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. — СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2000. — 272 с.
116. Химик В.В. Болезнь языка или язык болезни? // Современная русская речь: состояние и функционирование.— СПб., 2006. — Вып. II. — С. 47—74.
117. Черняк В.Д. «Зоны риска» в лексиконе языковой личности: к основанию коммуникативных неудач // Вестник ГГПУ. Сер. Гуманитарные науки (Филология). — 2005. — Вып. 3 (47). — С. 96—100.
118. Шаззо А.А. Тенденция к демократизации языка в качественной прессе начала третьего тысячелетия // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 9. Филология и искусствоведение. — 2012. — Вып. 2. — С. 337—348.
119. Шипицына Г.М., Воронцова Ю.А. О коммуникативной установке текстов СМИ // Русская речь. — 2005. — № 3. — С. 61—67.
120. Шишкарева О.А. Новообразования как проявление языковой игры: структурно-функциональный аспект (на материале нижегородской прессы начала XXI в.): дис. ... канд. филол. наук. — Нижний Новгород, 2009. — 224 с.
121. Шумилова А.В. Новообразования в газетном заголовке: структурно-функциональный аспект: дис. ... канд. филол. наук. — Нижний Новгород, 2011. — 298 с.
122. Юдина А.Д. Окказионализмы на страницах периодики // Русская речь. — 1999. — № 5. — С. 56—59.
123. Янко-Триницкая Н.А. Словообразование в современном русском языке. — М.: Индрик, 2001. — 503 с.
124. Янко-Триницкая Н.А. Штучки-дрючки устной речи: (Повторы-отзвучия) // Русская речь. — 1998. — № 4. — С. 48—52.

Словари

125. АРЯ 2009 — Козулина Н.А., Левашов Е.А., Шагалова Е.Н. Аффиксоиды русского языка. Опыт словаря-справочника / Н.А. Ко-

-
- зулина, Е.А. Левашов, Е.Н. Шагалова; отв. ред. Е.А. Левашов. — СПб.: Нестор-История, 2009. — 288 с.
126. БСРП 2007 — Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. — 785 с.
127. БТСРЯ 2014 — Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 2014. — URL: <http://gramota.ru/slovari/bts/>
128. БУСРЯ 2016 — Большой универсальный словарь русского языка / под ред. В.В. Морковкина. — М.: Словари XXI века: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2016. — 1456 с.
129. БФСРЯ 2006 — Большой фразеологический словарь русского языка. — М.: АСТ-Пресс Книга, 2010. — 784 с.
130. КРР 2003 — Культура русской речи: Энциклопедический словарь справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2003. — 840 с.
131. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. — 2-е изд., доп. — М.: Русский язык, 2000. — 847 с.
132. Лопатин В.В., Улуханов И.С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. — М.: Азбуковник, 2016. — 812 с.
133. Матвеева Т.В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2003. — 431 с.
134. РЯЭ 1997 — Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Большая Российская энциклопедия: Дрофа, 1997. — 703 с.
135. СРА 2002 — Словарь русского арго / под ред. Е.С. Елистратова. — М., 2002. — URL: <http://www.gramota.ru/slovari/argo/>
136. Серов В.В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. — М.: Локид-Пресс, 2005. — 852 с.
137. СРЯ 1981—1984 — Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Русский язык, 1981—1984. — URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>

-
138. ССЛЖС 2014 — Словарь современной лексики, жаргона и сленга. — 2014. — URL: <https://argo.academic.ru/>
139. ССМЖ 2006 — Словарь современного молодежного жаргона / под ред. М.А. Грачева. — М.: Эксмо, 2006. — 672 с.
140. СТСРЯ 2006 — Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. / под ред. Т.Ф. Ефремовой. — М., 2006. — URL: <http://www.efremova.info>.
141. СЭСРЯ 2003 — Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2003. — 696 с.
142. ТСРЯ 2008 — Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г.Н. Складневской. — М.: Эксмо, 2008. — 1136 с.
143. ФСРЯ 2007 — Фразеологический словарь русского языка / сост. А.Н. Тихонов (рус. авт. кол.), А.Г. Ломов, Л.А. Ломова. — 3-е изд., стер. — М.: Русский язык-Медиа, 2007. — 334 с.
144. Шагалова Е.Н. Словарь новейших иностранных слов (конец XX — начало XXI вв.): более 3000 слов и словосочетаний. — М.: АСТ: Астрель, 2010. — 943 с.
145. ЭСС 2005 — Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А.П. Сковородникова. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2005. — 480 с.

Периодические издания

146. АиФ — Газета «Аргументы и Факты». — URL: <http://www.aif.ru/>
147. Завтра — Газета «Завтра». — URL: <http://zavtra.ru>
148. Известия — Газета «Известия». — URL: <https://iz.ru/>
149. Коммерсантъ — Газета «Коммерсантъ». — URL: <https://www.kommersant.ru/>
150. КП — Газета «Комсомольская Правда». — URL: <https://www.kp.ru/>

-
151. МК — Газета «Московский Комсомолец». — URL: <http://mk.ru/>
152. Независимая газета — Газета «Независимая газета» — URL: <http://www.ng.ru/>
153. НВ — Газета «Наша Версия». — URL: <https://versia.ru/>
154. НГ — Газета «Новая Газета». — URL: <https://www.novayagazeta.ru/>
155. РБК — Газета «РБК». — URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/>
156. РГ — Газета «Российская газета». — URL: <https://rg.ru/>
157. СС — Газета «Совершенно Секретно». — URL: <https://www.sovsekretno.ru/>

Учебное издание

Рацбургская Лариса Викторовна
Соловьева Дарья Владимировна

**КОММУНИКАТИВНЫЕ РИСКИ
В СОВРЕМЕННОМ МЕДИЙНОМ СЛОВОТВОРЧЕСТВЕ**

Учебное пособие

Подписано в печать 26.06.2020.

Электронное издание для распространения через Интернет.

ООО «ФЛИНТА», 117342, г. Москва, ул. Бутлерова, д. 17-Б, комн. 324.

Тел./факс: (495) 334-82-65; тел. (495) 336-03-11.

E-mail: flinta@mail.ru; WebSite: www.flinta.ru

